

№ 9 46-54.

УРАЛЬСКИЙ
Снеговик
1-99

ISSN 0134-241X

ISSN 0134-241X Индекс 73413, «Уральский следопыт», 1999, №1

Екатерина Гилева. Весна на Урале. 1964. Акварель.

Редакция:
Герман ИВАНОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор),
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЁБИШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная вёрстка:
Анна КОСТРИКОВА,
Эдуард КИСЕЛЁВ

Адрес редакции:
620142, Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67
Телефон редакции:
(3432) 224-501

Рукописи принимаются
перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28-30 строк на странице.
Материалы на дисках
рассматриваются
в первую очередь.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Росвязьинформа».

Бракованные экземпляры
отправлять в ФГУИПП
«Уральский рабочий».

Рег. № 441 от 13.12.90
Подписано к печати 28.12.98
Формат издания 84x108/16.
Бумага газетная.
Печать офсетная.
Усл.печ.л. 8,4.
Уч.-изд.л. 18,6.
Усл.кр.-отт. 8,4.
Тираж 2 100.
Заказ № 492.

Все претензии по ошибкам в тексте
предъявлять редакции журнала
«Уральский следопыт»
Отмечено с готовых оригинал-макетов
на ФГУИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Фото на 1-4 стр. обложки
Сергея СМОЛЕНЦЕВА.
Г.Ф.Ф.Давид. Из истории
велосипедного спорта.
Цветная автолитография.

© «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1999 г.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

В номере: 1 '99

Ирбитская ярмарка гравюры Юний ГОРБУНОВ -----	2
«Счастлив, кто посетил сей мир...» Татьяна БЫСТРЫХ -----	4
Двойное лезвие горизонта Сергей МАРТЬЯНОВ -----	9
Краеведческая копилка -----	17
Возвращение невянской иконы Виталий ПАВЛОВ -----	20
Баллада о последнем стихотворении Михаил НАЙДИЧ -----	22
Шпион короля, агент императрицы Юрий КЛЮШНИКОВ -----	23
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
Котел колдуна Владимир КЛИМЕНКО -----	27
Заочный КЛФ -----	55
Новичок из тайги Владимир АНУФРИЕВ -----	57
Автор «Нового Гольфстрима» Игорь ХАЛЫМБАДЖА -----	78
Мир на ладони -----	80

УЧРЕДИТЕЛИ –
СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ,
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА

Адрес в Интернете: <http://uralstalker.ekaterinburg.com/>

УралРелком

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
В 1958 ГОДУ.

Юний ГОРБУНОВ

ИРБИТСКАЯ «ЯРМАРКА» ГРАВЮРЫ

Ирбиту, городку уральскому, не занимать-стать всероссийской известности. Время от времени он громко заявляет о себе таким животворящим вулканом-гейзером. Вспомним оптовую европейского размаха Ирбитскую ярмарку, что обеспечивала России три четверти финансового оборота. Вспомним один из старейших в стране Ирбитский драматический театр, открывший свой занавес «Ревизором» Гоголя. Не забудем и ирбитские мотоциклы...

И вот в XX веке, уже в наше с вами время, городок на речке Нице заявил о себе беспрецедентным музеем мировой и отечественной графики. Вот уж поистине: нам не дано предугадать, где и как пробьется неиссякаемый источник творческого духа.

Почему графика — и вдруг в Ирбите? Почему именно сюда, в маленький провинциальный выставочный зал, стали «съезжаться» мастера гравюры со всего мира? Ответим на этот вопрос просто и непритязательно: потому что девятиклассник Валера Карпов в сочинении на заданную тему написал, что хотел бы стать искусствоведом и затеять в городе художественный музей. Так как именно с Валеры все и началось — с теперешнего директора Ирбитского государственного музея изобразительных искусств Валерия Андреевича Карпова. С его «чокнутости», с его неутомимости, с его «некомпетентности» и дилетантства. Музей начинался с нуля, и искусствовед Карпов, его собиратель, пестователь и хранитель, — тоже с нуля.

Когда созрела в нем эта мысль: что именно

Валерий Карпов.

Портрет работы А. Казанцева

художественный должен быть музей, но не обычный, как везде, — из дюжины второсортных да к тому же еще дорогостоящих, полотен, а нечто новое, неожиданное (почему бы не графика, например?), такая ретроспективная «ярмарка» мирового искусства от самого что ни на есть Возрождения до наших дней; когда оформилась в нем эта мысль и засела прочно — музей всемирной графики стал создаваться всем миром. Ибо теперь уже всякое лыко было в строку, любая помощь и поддержка — кстати.

Настырного собирателя из далекой уральской провинции узнали в Эрмитаже и Русском музее, в столичных антикварных лавках и

в Музее изобразительных искусств им. Пушкина. Сначала встречали с улыбкой снисхождения, а потом зауважали, а может и завидовать стали упрямству, неутомимости, видя, как на глазах растут и наполняются содержанием оба — и музей, и его собиратель.

Вот уж действительно — всякое лыко в строку. Разузнал Валерий Андреевич, что в годы Великой Отечественной, когда в Свердловск были эвакуированы фонды Эрмитажа, малая толика их нашла приют в Ирбите — именно ящики с ломоносовским фарфором (первые в России изделия из фарфора). Эти сведения «открыли» Карпову дверь кабинета директора Эрмитажа Б.Б. Пиотровского и дорогу в Ирбит первому дарению — 92 листам гравюр XVII-XIX веков.

Были тогда на дворе семидесятые. Россия знала и ценила живопись, имея собственную в

ней гордость. А вот графика не была еще в чести, ее ценили и собирали только знатоки, и в числе таковых оказался ирбитчанин Валерий Карпов. Графические листы — неопознанные, неотрибутированные — можно было счастливо обнаружить и за бесценок купить и в антикварной лавке, и у всеядных собирателей старины, и даже в запасниках музеев. Он очень во-время напал на эту «жилу», когда графика еще совсем не представляла собой Клондайку.

Так из магазина «Антиквар», что под гостиницей «Метрополь», он вывез в Ирбит (по 4 руб. за лист) почти всю сегодняшнюю коллекцию французского графика Поля Гаварни — прежде всего листы его бессмертной серии «Маски и лица», которые удивительно актуально смотрятся в наши дни. Поистине Россия конца XX века — это Париж середины XIX-го!

Другой антикварный магазинчик — в Ленинграде, под аркой на ул. Герцена (та самая кондитерская Вольфа и Беранже, где Пушкин встретился с Данзасом перед роковой дуэлью) подарил Ирбиту офорт другого великого, но более раннего француза — Жака Калло. И — кто поверит? — за пять тогдашних рублей!

Дороже (в сто рублей) обошелся Ирбиту найденный и выцганенный Карповым у коллекционера Рембрандт — его «Взвешиватель золота», нынешнее украшение ирбитской «ярмарки». Чтобы оценить приобретение, достаточно сказать, что второго Рембрандта — «Христос в Эммаусе» — музею удалось купить посредством Министерства культуры в 1995 году уже за четыре тысячи долларов!

Четыре рубля выложил за «Автопортрет» Дюрера. Двадцать рублей за два офорта Ван Дейка...

Однажды в Музее изобразительных искусств Валерию Андреевичу разрешили порыться в шкафу, где были свалены «отбракованные» листы графики всех времен и народов, предназначенные для архива в Загорске. Там бы, скорее всего, они и кончили свой век. Карпов наотбирал для своего музея более 500 листов. Что это были за листы! Полурваные, в плесени и прочих временных наслоениях. Не всякий реставратор возьмет в работу. Но за этой патиной времени и небрежения, оказалось, скрывались шедевры. Например, «Тайная вечеря» — по П. Дево и Рубенсу. Или «Поругание Христа» Франсуа Ланго — по исчезнувшему оригиналу Ван Дейка. Как потом обнаружилось, — единственный в мире экземпляр, определенный учеными как открытие века!

Вот что значит — на ловца и зверь.

Одним словом, в те «застойные» семидесятые годы неустанными трудами В.А. Карпова в Ирбите были собраны три с половиной тысячи листов разных авторов, времен, школ, техник и приемов гравирования и, конечно же, разных достоинств. Три с половиной из пяти тысяч экспонатов, коими ныне располагает ирбитский музей гравюры! Эта часть коллекции как раз и определила всеобъемлющий ретроспективный характер ирбитской коллекции, по которой можно знакомиться с историей мирового развития этого вида искусства.

Затем собрание стало более медленным, дорогостоящим, но зато целенаправленным.

Неотъемлемая часть ирбитской коллекции — отечественная, и в том числе, уральская графика. Одним из самых значительных приобретений последнего времени В.А. Карпов считает серию графических портретов москвича Бориса Жутовского, которую писатель Фазиль Искандер назвал «Последние люди империи». Это изображения Хрущева и Райкина, Сахарова и Неизвестного, Брусиловского и Галантера... Валерий Андреевич уверен, что серия Б. Жутовского сопоставима только с иконографией Ван Дейка.

В современном разделе коллекции мы найдем многих наших земляков: Воловича и Казанцева, Кошелева и Гиляева, Метелева и Мосина, Реутова и Сыскова... Этот ряд можно продолжать, и он пополняется.

А совсем недавно ирбитскому музею, конечно же благодаря инициативе директора, удалось приобрести полный комплект мирового шедевра Ф. Гойи «Капричос».

В 1996 году ирбитская коллекция обрела статус Государственного музея изобразительных искусств. Признана национальным достоянием России.

Планы у музея и его хранителя грандиозные — сделать ирбитское собрание туристским объектом мирового значения. И к этому есть все предпосылки. А пока шедеврами могут бесплатно насладиться ирбитчане и гости города. С частью коллекции познакомились москвичи. Большая часть собрания несколько месяцев восхищала и удивляла екатеринбуржцев. Ее экспонаты заняли все залы музея изобразительных искусств, что на ул. Вайнера.

Как знать, может именно Ирбиту выпадет в России честь и заслуга сделать многообразное искусство графики достоянием массового интереса и востребованности.

*Фоторепродукции на обложке и страницах
журнала Сергея СМОЛЕНЦЕВА*

Татьяна БЫСТРЫХ

СЧАСТЛИВ, КТО ПОСЕТИЛ СЕЙ МИР... ***(ПЕРМСКИЕ СТРАНИЦЫ ДВУХ ПИСАТЕЛЕЙ)***

Две юбилейные даты в литературной жизни страны отметит в этом году общественность Перми: дни рождения больших русских писателей М.А. Осоргина и Вс.Н. Иванова. Оба события приходятся на осень. 7(19) октября 1878 года родился Михаил Андреевич Осоргин, спустя десятилетие, 7 ноября 1888 года – Всеволод Никанорович Иванов. Эти люди прожили жизнь, настолько полную самых невероятных и удивительных событий, что их могло бы хватить на несколько жизней. Они видели войны и революции, испытали на себе горькую участь эмиграции. Но не только это сближает писателей: есть узелок, навсегда связавший двух замечательных людей, и узелок этот – Пермь.

На Урале уже много лет **МЕЧТАЛИ О ВУЗЕ**. Имело место даже негласное соревнование: Пермь или Екатеринбург повезет раньше? Пароходчик и меценат Н.В. Мешков подарил для вуза большой собственный дом, нашлись деньги, подсчитано количество потенциальных студентов – правительство просто не могло не пойти навстречу такому энтузиазму!

Большие надежды связывал с появлением университета начальник местной учебной команды унтер-офицерской школы подпоручик Всеволод Никанорович Иванов. Высокий (почти два метра росту), стройный, красивый – он, кажется, создан был для военной службы. И мало кто догадывался, с каким нетерпением он ждал возможности снять погоны.

В 1912 году Всеволод Иванов блестяще закончил историко-филологический факультет Петербургского университета по кафедре философии и русской истории. Стажировку проходил в Германии, в Гейдельбергском и Фрайбургском университетах. 1910-е годы были трудным временем для российской интеллигенции. Внешне – затишье после революционного всплеска, на деле – всеобщая апатия, усталость, разочарование. Чтобы привести в порядок мысли и уйти от мучившего его

душевного разлада, Иванов решает поступить на службу в армию. Провести пару лет в строю, выполняя команды, когда все решено за тебя – что может быть лучше для молодого человека, голова которого перегружена философией! Были и сугубо личные причины: запутался между двумя женщинами... К тому времени, когда армейская служба начала тяготить и уже мечталось о профессиональных занятиях наукой, началась война.

В послужном списке прапорщика армейской пехоты Иванова есть запись: «Переведен для пользы службы в город Пермь в 107-й пехотный запасный батальон». 6 сентября 1914 года он прибыл к месту службы. Прапорщику, затем подпоручику Иванову не раз приходилось доставлять к линии фронта вновь обученное пополнение. Случалось выполнять и другие, менее приятные поручения: например, охранять в Лысьве выездную сессию Казанского окружного суда... И вот судьба улыбнулась ему.

«Стало известно, что в Перми должно открыться отделение Петроградского университета, — вспоминал позже Всеволод Никанорович. – Для меня новость сулила какие-то надежды. В пермском театре состоялось первое

Вс. Н. Иванов. 1918 г.

собрание преподавателей университета и представителей местной общественности. Пошел туда и я... Вошел в фойе и вижу – сидит на диване мой гимназический однокашник и друг Шурка Полканов, даже еще не снявший студенческой тужурки. Мы обнялись, подошли другие петербуржцы – завязалась беседа, всплыли видения академического прошлого.

Находясь среди молодых ученых, съезжавшихся в Пермь из Петрограда и Москвы, я ожидал, приободрялся, обнадеживался. Ах, как нужен был мир, который бы покончил с этой нудной, никому не нужной войной! Как могли бы развернуть свою работу местные культурные силы на Урале, Алтае, в Сибири. Какие возможности! Сколько творческой работы впереди!

И я радовался: университет будет в Перми... Будет работа... Уже появилась интересная молодежь – тот же Н.В. Устрялов, один из кадетских лидеров, по-московски широкий и национальный, В.Н. Дурденевский – юрист, осторожный и трезвый, Л.В. Успенский – философ, убежденный марксист на московский лад. Самым пылким прозелитом великих идей был молодой профессор Д.В. Болдырев, изумительный стилист и широко мыслящий философ.

Повезло мне тогда, налетели из Москвы в Пермь новые люди. Были мы, были троянцы!»

1 октября 1916 года состоялось торжественное открытие университета. Явилось много почетных гостей из столиц и соседних губерний. Присутствовал – к сожалению, всего один – представитель столичной прессы: корреспондент газеты «Русские ведомости» Михаил Андреевич Осоргин.

ОСОРГИН вернулся в Россию из эмиграции. В 1906 году он был арестован, и друзьям чудом удалось устроить тайный выезд в Италию.

«После десяти лет блужданий по пятнадцати странам Европы, — писал он позже, — я подъезжал на пароходе к городу, в котором родился. У самого города через Каму был переброшен мост. Там, где была рощица, а после – фабрика, из казарменных зданий вырос университет, на открытие которого я приехал. Молодые люди подбелили виски и важничали ревматизмом. Говоривший приветственную речь столичный профессор повернулся на каблуках к всемилостивейшему портрету, волею которого вспыхнуло на крутом берегу высокое просвещение; впрочем, он воздал честь и местному богачу, дав-

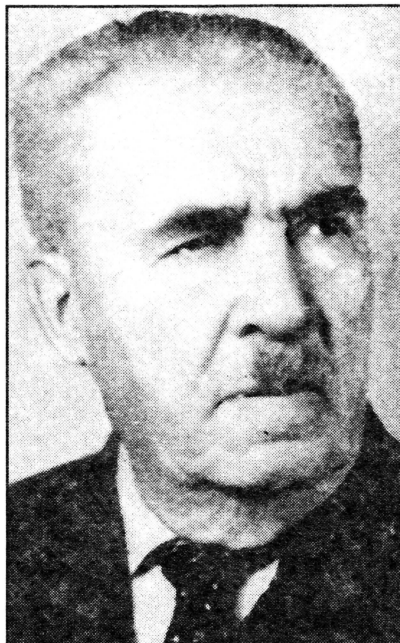
шему на благое дело свой дом и свои деньги, как раньше он охотно жертвовал на организацию революционного террора; я знал его молодым – теперь он был сед, но очень бодр. Он не верил ни в сон, ни в чох, ни в птичий грай, но ему нравилась сибирская вольность: через хребет Урала ее избытки перекачивались сюда.

Университет был открыт – тому доказательство кучка безусых студентов, еще не вкусивших храма науки. И тогда я отправился бродить по городу, улиц которого не узнавал, но отмечал в памяти низенькие, еще не перестроенные дома...»

Осоргин не был в Перми ровно четырнадцать лет. В 1897 году он закончил гимназию и, уступая желанию матери, стал студентом юридического факультета Московского университета. Настоящая, «**МЕЧТАЕМАЯ**» **ДОРОГА** в это время уже наметилась – журналистика и литература. Он начал сотрудничать в газете «Пермские губернские ведомости» еще гимназистом, а во время учебы в университете стал, по существу, спецкором газеты в столице. В течение нескольких лет здесь печатались его «Московские письма», и пермяки могли следить за событиями культурной жизни в Москве, не выходя из дома.

«Газета была большая, — вспоминает Осоргин, — сотрудников мало; летом съезжались студенты – я тоже носил тогда синий околыш – и строчили фельетоны, хронику, передовицы; в редакцию приходили актеры (чтобы «упомянуться» в заметке), думские гласные (анонимно кольнуть самих же себя, «отцов города»), чиновники особых поручений (губернаторша благотворительный бал готовит), земцы (хозяйственные передовицы нам писали), маленькие литераторы со стихами, сельские учителя («сейте разумное, доброе, вечное») и много всякого народа...»

Среди постоянных сотрудников было много талантливых людей. «Чернорабочим» газеты служил в эти годы старший брат Осоргина – Сергей Андреевич Ильин. Его фельетоны в стихах касались буквально всех сторон жизни города. Еще более известным фельетонистом был ведущий рубрики «Злобы дня» В.Я. Кричевский (Кри-Кри). «Как он писал! – вспоминал Осоргин. – Сколько яду вкладывал в свои короткие строчки! Начальства, правда, не трогал, но отцы города только зубами бессильно скрипели. Ни одна лужа на главной улице, ни одна у забора

Вс. Н. Иванов

скончавшаяся кошка не ускользали от его внимания и обличения...» О Кричевском писал замечательный краевед, журналист, издатель Я.В. Шестаков (Яков Камасинский): «Правда – публика негодовала, правда – его нещадно преследовали, но, несомненно, его читали. Нельзя не признать за г. Кричевским изумительной опытности газетного техника при довольно умеренных способностях литератора. При таком литературном зоиле газету стали выписывать даже те, кто не был обязан этого делать; при нем же газета получила право на широкую программу и столичный формат».

Священник Яков Шестаков (отец Яков) и сам был частым гостем в редакции губернских ведомостей. Здесь он познакомился с Осоргиным, и так понравился ему, что и позднее, во времена адвокатской практики Михаила Андреевича, бывал у него в Москве, иногда жил подолгу. Отец Яков стал прототипом одного из главных героев двух произведений Осоргина: «Свидетель истории» и «Книга о концах».

Вероятно, интересным собеседником для Осоргина был и А.Н. Скугарев, исполнявший обязанности секретаря, а также Н.Е.Ончуков, С.Н. Павлинов, И.Г. Остроумов, Д.М. Бобылев и многие, многие другие – все они оставили яркий след в истории нашего края.

Иванов начинал свою журналистскую деятельность в Перми как раз в эту пору, и о редакции «Пермских ведомостей» вспоминал так:

«Обстановка в этом почтенном губернском органе была очень любопытна. Там царил классическая, **ВЕКОВАЯ ТИШИНА**, зеркально натертые полы отражали вверх ногами столы, стулья, диваны, а за столами сидели еще гоголевские чиновники в сюртуках и вицмундирах с двумя фалдами сзади, с золотыми пуговицами. Изредка тишину нарушало лишь подрагивание колокольчика в кабинете редактора, и тогда раздавались мягкие шаги старого курьера, героя Шипки и Плевны, с басонами, с галунами, с шеvronами на рукавах, с крестами и медалями.. Никогда уж больше в своей жизни не встречал я такой тишины, такого покоя, такого чая, настоящего до одурающей черноты!»

В Перми в это время выходили уже не одни только губернские ведомости. Всеволод Никанорович активно сотрудничал в кадетской «Народной свободе».

В 1917 году Осоргин уходит из «Русских ведомостей» в новую демократическую газету «Власть народа». Он много пишет, издает несколько книг. Впервые выходят отдельным изданием три его повести: «Эмигранты», «Моя дочь» и «Призраки». В «Пермских губернских ведомостях» в апреле этого года была опубликована его статья «Чудеса охраны». Губернские ведомости, впрочем, тоже стали к этому времени называться по-

вому: «Вестником Пермского края». Эта статья была последней, опубликованной им в родной газете, в родном городе.

В серии «Свободный народ» вышла его брошюра «**ПРО НЫНЕШНЮЮ ВОЙНУ** и про вечный мир». «Пусть война зло и несчастье, — пишет Осоргин, — но раз Германия вынудила нас податься и оружием отражать ее нападение, — было бы худшим несчастьем, тяжким позором подставлять спину под ее удары! И народ признал эту войну за правое дело.

Теперь осталась у Германии одна, последняя надежда: на наши внутренние ссоры и несогласия. Россия еще не привыкла к свободе и к самоуправлению и не может сразу завести у себя новых строгих порядков. Понятно, что всего сразу не устроишь. Если рабочие у нас пойдут вразброд с солдатами, если крестьяне, не дожидаясь Учредительного собрания и общего закона, начнут по-своему делить помещичьи земли, — тогда снова начнутся волнения, а это всегда на руку нашим врагам. Фабрики остановятся, снарядов делать не станут, хлебные амбары разобьют и сожгут, солдаты побегут с позиций домой принимать участие в дележе земли, — и немец без труда прорвет наш беззащитный фронт и будет хозяйничать на русской земле...»

Теми же проблемами мучится в Перми Всеволод Иванов. На улицы города выплескивается невиданное раньше, торжествующее хамство, солдаты бросают оружие, едут с фронта дезертиры... Перемены не столько радуют, сколько пугают. Он терпеливо выслушивает иронические высказывания своих интеллигентных друзей по поводу своей формы и привычке к субординации. Но в ноябре 1917-го в Перми вспыхивает пьяный бунт, и одна только учебная команда Иванова подчиняется приказу командира, когда к нему бросаются за помощью. Военный опыт что-нибудь да значит, и он стал-таки за эти годы настоящим кадровым офицером. А офицеру и патриоту трудно смириться с поражением в войне своего государства, пусть и занятого благими революционными преобразованиями.

Еще в 1916 году, вернувшись из Италии, Осоргин вступил в Московский клуб писателей – замкнутое, элитарное сообщество, членами которого были И. Бунин, М. Гершензон, Б. Зайцев, А. Толстой, А. Белый, Н. Бердяев, Вяч. Иванов и другие. После октября семнадцатого года ядро Клуба основало «Всероссийский союз писателей». Одним из главных создателей его и первым председателем стал М.О. Гершензон, известный историк литературы и пушкинист. Задачи Союза были уже несколько другими: объединившись, легче было выживать, а в Москве начинался голод. С этой же целью Осоргин придумал и организовал знаменитую «писательскую лавку». Поддерживая друг друга материально,

писатели старались в то же время сохранить книжные богатства.

«Горсточка писателей и ученых основала книжную торговлю в дни, когда все издательства прекратились, были национализированы и закрыты все магазины, — писал Осоргин. — Мы не просто скупали и перепродавали старую книгу, мы священнодействовали, спасали книгу от гибели и разрушения, подбирали в целое разбитые томики, создавали библиотеки для университетов и учреждений, помогали любителям составлять коллекции».

Летом 1918 года Всеволод Никанорович становится, наконец, преподавателем университета — он назначен младшим ассистентом профессора Л.В. Успенского по кафедре энциклопедии права. Пермь в восемнадцатом году — **ПРИФРОНТОВОЙ ГОРОД**. Здесь тревожно, голодно. Вместе с другими преподавателями университета Иванов ходил по близлежащим деревням, меняя вещи на продукты. Осенью — новая беда: как бывший офицер он подлежал мобилизации в красную армию. Руководство университета настойчиво ходатайствует об оставлении его в штате.

В ноябре Всеволода Никаноровича отправили в Москву. В командировочном удостоверении указана цель: «Приобрести для нужд юридического факультета одну пишущую машинку. Доставить в Пермь приобретенную кабинетом государственных наук библиотеку профессора Алексея и дублеты изданий, отпущенных библиотекою Московского университета». Это — в документе, Иванов же вспоминает: «Мое офицерское прошлое было взято на заметку ученым начальством, и было решено командировать меня в Москву — подальше. Появилась и у нас ЧК с товарищем Малковым во главе. По Перми поползли слухи, шепоты, разговоры, что «берут по ночам». И поэтому многие горожане не ночевали дома».

Отбирая литературу для университета, Иванов колесил по Москве, восстанавливал знакомства, встречался с новыми для него людьми. Он остановился в доме своего руководителя по университету профессора Л.В. Успенского, на Арбате. Здесь же, в Никольском переулке, жил М.О. Гершензон. Всеволод Никанорович был у него в гостях и оставил воспоминания об этом визите. Здесь же неподалеку находилась и писательская лавка. Зашел ли он туда, виделся ли с Осоргиным? Документальных свидетельств пока нет. Скажем так: им трудно было не встретиться!

Отбирая литературу для университета, Иванов колесил по Москве, восстанавливал знакомства, встречался с новыми для него людьми. Он остановился в доме своего руководителя по университету профессора Л.В. Успенского, на Арбате. Здесь же, в Никольском переулке, жил М.О. Гершензон. Всеволод Никанорович был у него в гостях и оставил воспоминания об этом визите. Здесь же неподалеку находилась и писательская лавка. Зашел ли он туда, виделся ли с Осоргиным? Документальных свидетельств пока нет. Скажем так: им трудно было не встретиться!

Может быть, в составе отобранных Ивановым книг попали в Пермь три брошюры Осоргина, вышедшие в 1917 году в Москве, в издательстве «Задруга»? Во всяком случае, это вполне вероятно. Книжки были изданы мизерным тиражом, тоненькие, на плохой бумаге. Позже они оказались в городской общественной библиотеке (теперь — областная библиотека им. А.М. Горького), что-то поступило во время повальных реквизиций библиотечных фондов в 1918 году, что-то — в дар в 1919-м. Теперь это — настоящая библиографическая редкость.

Сам Н.В. Мешков в это время тоже жил в Москве и, по поручению университетского совета, Всеволод Никанорович встречался с ним не раз.

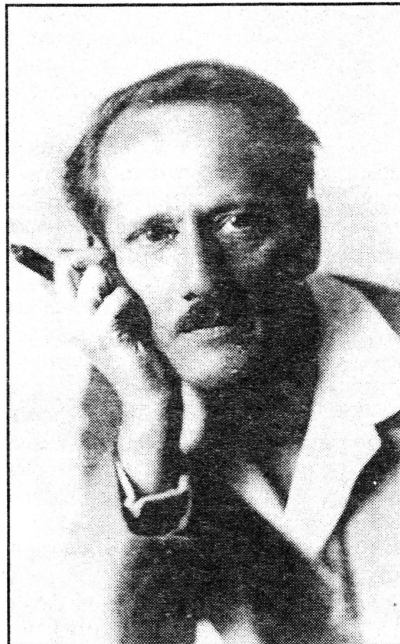
Николай Васильевич помог погрузить книги для университета и доставить их в Пермь. Он отправил с Ивановым сопровождающего, своего доверенного, которому поручено было следить за делами на Урале и в Сибири. Мешков ожидал скорого падения Перми, и тогда — «пароходы во всех затонах красить, ремонтировать и, как лед сойдет, — спускать. Дело надо делать, работать!»

В Пермь Иванов вернулся незадолго до сдачи города белым. Почти сразу после прихода колчаковцев он был **ПРИЗВАН В АРМИЮ**. Снова пришлось надеть форму.

«Из нашего брата был немедленно сформирован офицерский полк, куда мы все явились в дом Марининской женской гимназии и опять — «снова здорово» — большое понижение, койки, покрытые серыми одеялами, дежурства, караулы на «ключевых позициях» и т.д. А главное — пьянство...»

С освобождением Перми забушевало, разлилось широкой волной пьянство, тон которому задавали победители. Полковник Урбанковский, герой освобождения, со своими офицерами часто скакал на «бешеной тройке» по хмельной Перми, провожаемый, обстреливаемый с тротуара женскими и девичьими взглядами, — чрезвычайно красноречивыми, не требующими разъяснения. Пришедшие в Пермь офицеры-сибиряки пользовались общим благоволением и любовью — победители! Мы же жили пока что в женской гимназии и ждали, что будем делать... Было скучно, обидно, нескладно чуть не до слез. Вот тебе и научная моя работа...»

Нашлась все же деятельность, более подходящая его об-

М.А. Осоргин

разованию и знаниям: редактирование армейской газеты «Сибирские стрелки». Всеволод Никанорович старался сделать ее не только интересной, но и окупаемой, и упрямо скандалил с генералом Пепеляевым по поводу помещаемых в военной газете «несерьезных» бытовых объявлений.

В июне 1919 года «пермский» период жизни Иванова закончился. Его вызвал к себе в Омск уехавший туда раньше профессор пермского университета Н.В. Устрялов. А вскоре в Омск прибыл и практически весь профессорско-преподавательский состав университета. 1 июля Пермь заняли красные, и волна беженцев покатилась в Сибирь. Омск, Томск, Иркутск и дальше, дальше... Кто-то оставался в сибирских городах и затем, уже в начале двадцатых, возвращался в родные места. У Иванова выбора не было: он отступал в составе белой армии с тяжелыми боями, до самой границы. Начались его **ЭМИГРАНТСКИЕ СКИТАНИЯ**.

Осоргин был выслан из страны в 1922 году в составе знаменитого «философского парохода». До этого он успел поработать в общественном «Комитете помощи голодающим», был арестован, отбывал ссылку в Казани.

В эмиграции – Осоргин во Франции, а Иванов в Китае – оба писателя обратились к мемуарной прозе, и подарили нас воспоминаниями о Перми. Никто не писал о нашем городе пристрастнее, чем Осоргин, и никто не писал теплее: «Может быть, я родился в жалком городишке, о котором нечего рассказать, но я беру не палитру и кисти, а набор цветных детских карандашей и приступаю к работе...» Очень много написано о нашей Каме, но ни у кого нет строк нежнее и пронзительнее.

Иванов – костромич, волжанин. Красоте нашей природы у него уделено меньше места. Главное – не это. Нет другого, столь яркого и подробного описания жизни Перми в 1914-1919 годах. Прочитавшим его воспоминания открылся заново целый пласт истории нашего края. Мы точно взглянули на те далекие годы совершенно новыми глазами. И не удивительно: о событиях переломной для страны эпохи, происходивших в нашем родном городе, рассказал не просто очевидец, а человек прекрасно образованный, думающий, умеющий наблюдать и делать выводы, и – что немаловажно – человек, много переживший, перестрадавший.

Пермские главы своих воспоминаний Иванов объединил общим названием – «Минуты роковые». Знаменитые тютчевские строки – «Счастливы, кто посетил сей мир в его минуты роковые» – вспоминал не однажды и Осоргин. «Какой вздор! – восклицает он. – Такой человек глубоко несчастен! Да будут прокляты роковые мину-

ты (если бы минуты – года!) мира! Да будут благословенны дни, ничем в истории не отмеченные!»

Михаил Андреевич Осоргин не вернулся на родину. Он скончался 27 ноября 1942 года во французском местечке Шабри, недалеко от Парижа. Всеволод Никанорович Иванов приехал в Советский Союз в феврале 1945 года, ехал **В ОДНОМ ПОЕЗДЕ С ВЕРТИНСКИМ**. Поселился в Хабаровске, очень трудно вживался в новую для него среду. В 1960-е годы он уже хорошо известен в стране как автор романов «На нижней Дебре», «Черные люди», «Императрица Фике» и многих других. Ему удалось найти свою нишу в советской литературе и с удовольствием заняться любимым делом. По рассказам современников, Всеволод Никанорович был живой легендой, достоянием Хабаровска. К нему тянулась молодежь, и многим он дал путевку в литературу. Скончался Всеволод Никанорович 9 декабря 1971 года.

Только в «перестроечные годы» творчество Михаила Осоргина заняло свое законное место в нашей литературе. В это же время журнал «Дальний Восток» начал понемногу печатать воспоминания Всеволода Никаноровича Иванова, всю жизнь писавшиеся им «в стол». Они вернулись к нам одновременно – два писателя одной эпохи, тесно связанные с Пермью своим творчеством и своей жизнью.

Память об Осоргине уже увековечена в Перми. На здании бывшей гимназии, где он учился, открыта мемориальная доска. В областном краеведческом музее Осоргину выделен зал, где представлены книги, документы, фотографии и даже личные вещи, подаренные музею вдовой писателя Т.А. Бакуниной-Осоргиной. Пермский университет провел первые «Осоргинские чтения». В серии «Литературные памятники Прикамья» вышел его сборник «Мемуарная проза».

Иванову повезло меньше. Прочитавших его воспоминания, к сожалению, немного. Большая часть их все еще не опубликована. Да и те отрывки, что напечатаны в хабаровском журнале «Дальний Восток» мало кому доступны: полного комплекта журнала нет ни в одной библиотеке Перми.

Между тем есть реальная возможность издать все «пермские» произведения Вс.Н. Иванова, получится прекрасная книжка! Дело, как всегда, за малым – нет денег!

Трудные времена пройдут, решатся и эти проблемы. Главное, не растерять снова того, что мы с таким трудом вернули: целостность нашей культуры, достоянием которой в равной мере является творчество писателей, проживших жизнь вместе со своей страной и тех, что оказались за ее пределами, не поладив с государством, но не предав родины.

Сергей МАРТЬЯНОВ

ДВОЙНОЕ ЛЕЗВИЕ ГОРИЗОНТА

«Обратите внимание, в сумрачные дни блики на поверхности воды серые, стальные, твердые, — учил людей искусству научного созерцания Ростислав Евгеньевич Алексеев. В детстве я мечтал, что если сильно разогнаться, то по воде можно бежать, скользить, лететь, цепляясь руками за шершавую, бугорчатую поверхность реки». Он осуществил мечту, пробежался по воде, да так, что человечество будет с благодарностью помнить его имя всю оставшуюся жизнь.

В течение многих лет судовладельцы беспомощно наблюдали за тем, как все более безнадежно отставала скорость движения судов по сравнению с конкурирующими транспортными средствами: железнодорожным, автомобильным, авиационным. Оказалось, проще одолеть звуковой барьер, покорить ядерную энергию и даже осуществить посадку космического корабля на Луну и Ве-

Ростислав Евгеньевич Алексеев

неру — чем создать конструкцию судна, способного поддерживать скорость движения на воде более 100 км./час. И если в течение 5 тысяч лет никому не удалось сконструировать судно, способное прийти на смену обычному, водоизмещающему кораблю, то стоит ли надеяться, что оно будет создано в наши дни?

Идею подъема корпуса судна над поверхностью воды с помощью подводных крыльев запатентовал в 1891 году российский подданный Шарль де Ламбер. Более 50 лет билось человечество над реализацией этой идеи. Динамические свойства воды и воздуха очень схожи, за исключением одного наиболее важного парамет-

ра — плотности. Вода в 800 раз тяжелее воздуха. Корабли упорно не становились на крылья. Они либо выпрыгивали из воды и переворачивались, либо ныряли под воду и разбивались. Причина этого явления в проблеме вертикальной устойчивости. Самолеты от незначительного перепада плотности воздушных потоков проваливаются в «воздушные ямы». Пилот само-

лета вынужден постоянно «штурвалить» машину вверх или вниз, руководствуясь показаниями высотомера. Для судна на подводных крыльях проблема вертикальной устойчивости является центральной. На скорости более 80 км./час. вода становится твердой и упругой как взлетная полоса аэродрома, «отштурвалить» подъем или нырок судна на такой скорости человек, пилот не может.

Проблему вертикальной устойчивости судна на подводных крыльях — СПК — решил студент Ростислав Алексеев. В октябре 1941 года он рассмотрел в дипломном проекте несколько схем катеров на подводных крыльях, в которых сме-

ло отбросил традиционное направление в конструировании судов этого типа, связанное со стремлением глубоко погружать крылья и высоко поднимать корпус судна. Алексеевское малопогруженное крыло, много сложнее авиационного. Оно рассчитано на работу на границе двух сред, на волне, динамическая отдача которой резко меняется от заглубления.

Зимой 1943 года на заводе «Красное Сормово» в маленькой будке на понтонах в свободное от работы на производстве время Алексеев построил первый устойчивый катер на малопогруженном подводном крыле. В 1949 году он поднял на крылья торпедный катер. В 1951 году за эту работу молодой конструктор получил Сталинскую премию. Была ли в мире альтернатива алексеевскому проекту малопогруженного крыла? В 1944 году в Германии известный авиаконструктор Шертель построил торпедный катер на подводных крыльях иной, отличной от алексеевской, конструкции. Крылья Шертеля внешне были похожи на латинскую букву «V». Такие крылья имели глубину до 4 метров, что затрудняло судовождение в мелководных бассейнах рек и озер. Другим значительным недостатком конструкции была сильная боковая качка во время скоростного хода. Модель Шертеля не получила промышленного серийного развития. Появление в 50-е годы системы автоматизированного электронного управления закрылками позволила американцам создание ряда военных судов на глубоко погруженных крыльях, вертикальную устойчивость которых обеспечивал блок дублирующих автоматических систем. Недостатками американской конструкции крыльев являются легкая уязвимость системы управления и технологическая усложненность крыльев закрылками.

Простота, надежность, естественная устойчивость, высокая гармония и красота — отличительные черты алексеевского стиля. Совершенный классический корабль — это гармония десятков, сотен элементов, которые входят в состав этой системы, среди которых главными являются корпус, силовая установка, система управления. Фокус конструирования в том, что невозможно достигнуть совершенства корабля, достигнув совершенства отдельных элементов. Гармония возникает в результате многовариантного компромисса, сложного соглашения тысячи противоречащих факторов. Если гармония элементов в системе корабля получилась, то это означает, что появился генеральный конструктор направления. В скоростном судостроении есть

одна фамилия, один человек, которому эта гармония, это произведение искусства удалось — Алексеев.

Сохранился интересный документ, характерный для своего времени — графологическая экспертиза почерка двадцатилетнего Ростислава: «Независимость. Склонность делать все, как думает сам. Препятствия не служат причиной отставок. Уравновешенность. Размеренность в делах. Честность. Сочетание моральной и физической силы. Склонность к технике». Характеристика оказалась во многом верной. Ростислав Евгеньевич родился в декабре 1916 года в семье сельского агронома и учительницы в г. Новозыбкове Брянской области. С 1930 по 1933 год учился в ФЗУ г. Нижний Тагил, Свердловской области, затем на рабфаке и в Горьковском индустриальном институте на кораблестроительном факультете. Одновременно работал художником-оформителем, чертежником, тренером по парусному спорту. В 1939–41 годах был председателем Горьковской городской парусной секции. Тогда уже волгари и в шутку, и всерьез называли Алексеева «адмиралом» за то, что на яхте он «ходил головой», с математической точностью рассчитывая силу и направление ветра. Если бы они тогда могли знать: адмиралом, какой флотилии будет Ростислав?

В 50-е годы Р.Е. Алексеев начал проектировать и в 60-е годы поднял на крылья классическую серию скоростных судов: «Ракету», «Метеор», «Буревестник», «Спутник», «Комету». Самой совершенной работой специалистами признан «Метеор». Самым скоростным судном был «Буревестник», оснащенный двумя авиационными турбинами АИ-20. Этот водолет развивал скорость до 100 км./час. Предельную для судов на подводных крыльях скорость. На скорости более 100 км./час. начинается явление кавитации, вода закипает кромках крыльев. На «Комете» Р.Е. Алексеев совершил кругосветное плавание, одолел Тихий и Атлантический океаны.

Толпы иностранцев собирались в портах, чтобы своими глазами взглянуть на русское чудо — скоростной крылатый корабль. Своеобразие «Кометы», особенно на фоне «плавающих утюгов», поражало воображение. Специалисты понимали и недоумевали: аэродинамический контур алексеевских кораблей был рассчитан на движение со скоростью 300–400 км./час. в то время, как реальная скорость движения была около 80 км./час. Тот же вопрос часто задавали Алексееву товарищи по конструкторскому бюро.

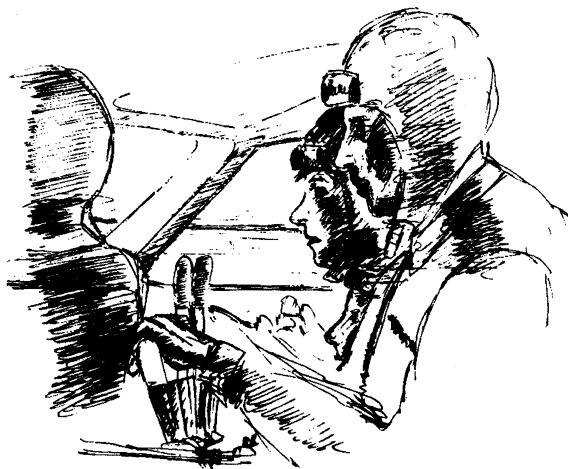
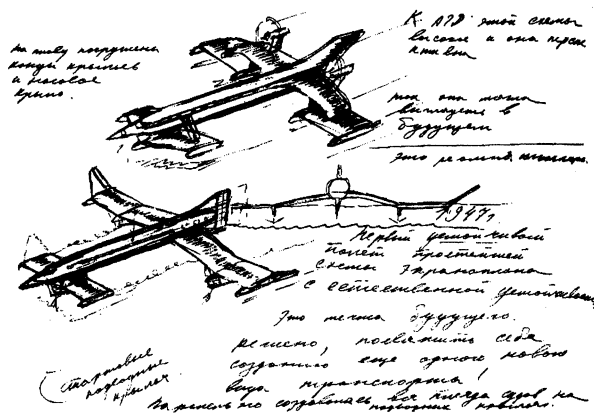
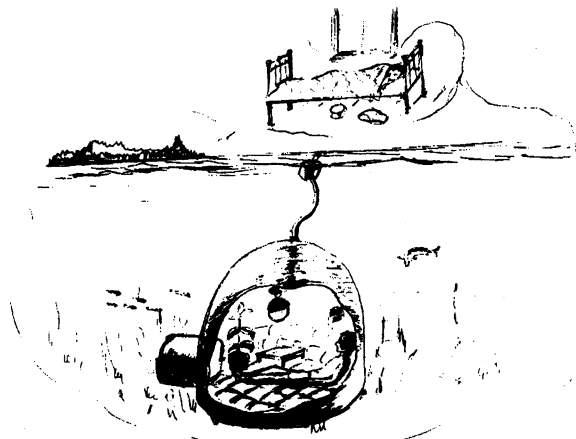

В ответ Ростислав Евгеньевич хитро улыбался и в свою очередь спрашивал озадаченных инженеров — с какой скоростью могут двигаться крылатые суда? О явлении кавитации знали все корабельщики, даже студенты младших курсов, поэтому, тяжело вздохнув, товарищи называли цифру «триста», самые отчаянные «пятьсот». На что Алексеев неизменно отвечал: «Готовьтесь, звуковой барьер на море будем брать, — и, чтобы рассеять последние сомнения, добавлял, — и в Космос полетим».

Уже в 1947 году Ростислав Евгеньевич начал задумываться о скоростях намного превышающих кавитационный предел. Алексеев придерживался правила, по которому никогда не делился планами на будущее с окружающими, не прожектерствовал на собраниях, а работал, убеждая каждый раз делом и практическим результатом. Еще он понимал, что открытие в области новых транспортных технологий будет иметь весомое значение в укреплении обороноспособности страны, что только через министерство обороны возможно финансирование проектных, исследовательских и строительных работ, поэтому всегда был сдержан, как человек обладавший государственной тайной.

Однажды он собрал ведущих специалистов ЦКБ на берегу Волги. Бросил в воду обрезок доски и сказал: «Видите, мне нужен такой «поддув», чтобы доску от воды отрывал! Через несколько дней на берегу был установлен турбовинтовой двигатель и регулятор направления воздушного потока. Струя воздуха отрывала плавающий на воде щит, мощность была такова, что щит поднимал сидящего на нем человека. В воздухе побывали все, посвященные в новую идею специалисты. Ярких впечатлений и острых ощущений в процессе работы с Алексеевым было много. Он понимал, что путь к открытиям лежит не через книги и учебники. Идею нельзя только думать, ее надо чувствовать сердцем, страстно любить, потому что мысль, воплощенная мысль всегда материальна, имеет ткань, фактуру, имя.

Кроме парусного спорта, которым Ростислав Евгеньевич занимался всю жизнь, он был мастером спорта по скоростному спуску на лыжах. Прыгал с трамплина. Гонял по заснеженному волжскому льду на парусном буере. Самостоятельно летал на самолете. Прыгал с парашютом. Особенно любил кататься на водных лыжах, планировать на парашюте-планере, привязанном к движущейся машине, и водить машину, знаменитую, единственную в городе «Чайку».

Рисунки Р.Е. Алексеева

В стремлении к познанию Алексеев был неистов, не жалел ни себя, ни сотрудников. Однажды в горьком партии поступила информация от жителей пригородной деревни о том, что в пойме реки, на покосе происходит регулярное истязание граждан зверским, фашистским способом. Людей веревкой привязывают к автомашине и волоком таскают по земле. В указанном месте прибывшая комиссия обнаружила Алексеева, который катал на веревке своих сотрудников. Ученый-испытатель пытался объяснить, что таким способом они изучают свойства отражающего экрана и особенности динамики полета в зоне скольжения. Партийные работники велели бесчеловечные опыты прекратить, население более не будоражить и строго пригрозили по линии дисциплинарной ответственности.

Что искал, какую идею вынашивал Алексеев, соскальзывая с горной кручи или наблюдая разбег по воде поднимающегося с озера журавля? В скоростном судостроении в ту пору существовало три основных направления: суда на подводных крыльях, глиссеры и суда на воздушной подушке. СПК имеют ограничение по скорости в результате кипения воды на крыльях. Глиссеры имеют нулевую мореходность, опасны и неустойчивы на волне. Суда на воздушной подушке имеют скоростной предел около 180 км./час., очень опасны и ненадежны в эксплуатации. В судах на воздушной подушке вентиляторы нагнетают воздух под днище судна. Избыточное давление удерживают прорезиненные «юбки», которые часто в критические моменты рвутся, корабль теряет управление, падает на воду, разрушается. Все три направления Алексеев считал тупиковыми, не соответствующими требованиям эры авиации и космонавтики. Иногда, в шутку подчеркивая свою мысль, он говорил: проектирование глиссеров — это задача для троечников, суда на воздушной подушке — это женская забава. Конструктивный потенциал СПК он быстро исчерпал созданием серии судов, настолько совершенной, что по большому счету все попытки последователей Алексеева усовершенствовать эти суда окончились ничем. В совершенное творение невозможно что-нибудь добавить, так чтобы оно не выглядело уродством. В результате, отрицая традиционные подходы, Р.Е. Алексеев совершил вторую революцию в области скоростного судостроения, наметил перспективный рубеж: водоизмещение 1000 тонн, скорость 500-600 км./час., мореходность 5-6 баллов — и открыл четвертое генеральное направ-

ление. На эти пределы скоростное судостроение могли вывести только корабли-экранопланы, суда нового неведомого типа.

Все работы по этому направлению были строго засекречены. В недрах судостроительного завода «Красное Сормово» был построен другой завод, «Волга», который строил летающие корабли по заказу ЦКБ по СПКа. Более 30 лет алексеевцы хранили тайну, даже близкие люди и родственники не знали, что они строят, какие корабли. Официальная версия — «легенда» — звучала так: ЦКБ по СПКа продолжает проектирование судов на подводных крыльях. Действительно, новые суда на подводных крыльях появлялись ежегодно. «Дельфин», «Ласточка», «Альбатрос», «Зенит», «Полесье», «Белорусь», «Колхида», «Вихрь», «Циклон», «Восход» и таинственный «Сормович» были построены в 70-е годы. Особенно будоражил воображение населения «Сормович» — опытный образец пассажирского судна на воздушной подушке. Судно периодически появлялось в центре Нижнего Новгорода под Окским мостом, принимало участие в праздничных речных парадах. Но годы шли, ажиотаж вокруг судна на воздушной подушке утих. Проект «Сормовича» так и не получил дальнейшего развития, потому что изначально создавался для отвода глаз и маскировки.

Алексеев полагал, что чем больше будет экраноплан, тем выше будут его летные качества. В 1966 году он осуществил строительство крылатого корабля-макета «КМ»: громадных размеров: длина 96 м., размах крыльев 37 м., высота по стабилизатору 22 м. В 1973 году на испытаниях экраноплан был поднят со взлетным весом 544 тонны! В течение 25 лет этот вес был абсолютным мировым рекордом грузоподъемности летательных аппаратов, правда, неизвестным практически никому, кроме узкого круга лиц, которые занимались испытаниями. Судно развивало скорость до 600 км./час.

Для экранопланов первого поколения конструктор использовал самолетную компоновку, то есть цельнометаллический сигарообразный фюзеляж (корпус), широкие короткие крылья, восемь двигателей, по четыре над каждым крылом, и высокий хвостовой стабилизатор с двумя маршевыми двигателями. Эта компоновка до сих пор вводит в заблуждение непрофессионалов, которые глядя на экраноплан, видят самолет. Ростислав Евгеньевич был первым пилотом-испытателем всех летающих кораблей. Принципы управления экранопланом коренным образом от-

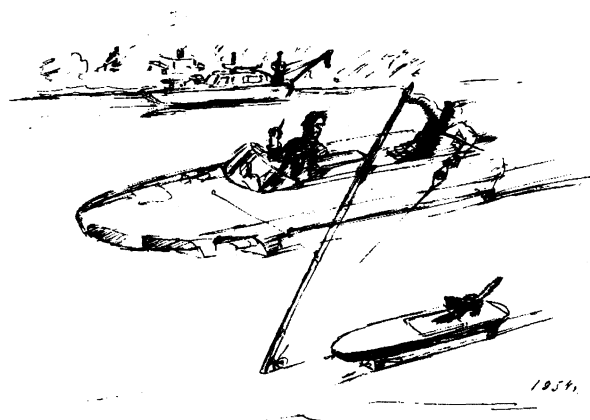
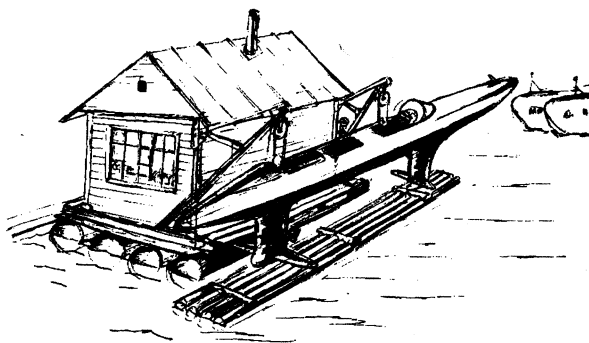

личаются от правил управления самолетом. Существует специфическая проблема переучивания летчиков и обучения новичков. Экраноплан не надо «штурвалить», более того «раскачка» аппарата по высоте очень опасна.

В качестве пассажира я летал на экраноплане, был очевидцем многочисленных испытательных полетов. На палубу можно подняться и пройти по крыльям, фюзеляжу, при желании в хорошую погоду искупаться. В носовой части корабля высоко над крыльями расположены на выносных турелях турбовинтовые двигатели, оснащенные регулирующими поток воздуха щитками. Благодаря широкому габаритам и плоской конфигурации судно очень устойчиво. Корпус герметичен, поэтому корабль обладает плавучестью пустотелого поплавка. Каждый испытательный полет для коллектива ЦКБ является напряженным заданием, трудным и в известной мере опасным.

В момент старта я приник к иллюминатору возле крыла. Сначала в море опустились широкие щитки-закрылки. Волны набегали на плоскость крыльев. Мне казалось, что сквозь рев прогреваемых двигателей я слышу безмятежный плеск. Но внезапно пришли в движение регулирующие щитки на двигателях. Воздух ударил в поверхность волн, и картина резко переменилась. На поверхности моря под крыльями образовалась гладкая яма. Громадный корабль, окруженный облаком искрящихся на солнце брызг, приподнялся над поверхностью. Над кораблем вспыхнула радуга. Щитки-закрылки начали медленно подниматься. Включились маршевые двигатели. Корабль тронулся и начал быстро набирать скорость. Скоро он вошел в глиссирующий режим движения. Начались характерные для глиссера толчки и удары в днище. Скорость более 100 км./час. Частота толчков стремительно нарастает и вдруг корабль проваливается в тишину. Днище отрывается и экраноплан начинает скользить, парить на высоте 2-3 метров над водой. Я встал, прошелся по кораблю из конца в конец, будто по твердой незыблемой земле, никакой болтанки, тряски или качки. Ощущение такое, что мы летим в салоне «Чайки» по идеальной зеркальной дороге.

В рубке пилотов напряженная тишина, такая, что слышен каждый шум работающего сердца — двигательной системы корабля. Скорость — более 400 км./час. Вокруг — удивительный, фантастический пейзаж, сотканный из сверкающих бликов морской стальной, волнистой, как

Рисунки Р.Е. Алексева

стиральная доска поверхности. Тогда я не знал, с чем сравнить эту набегающую из-за горизонта тонкую, как лезвие бритвы поверхность. Сегодня такое можно видеть в нереальном компьютерном пространстве игрушек — «леталок». Экраноплан совершил разворот и приводнился где-то в северной части Каспийского моря.

Алексеев расположил испытательную базу далеко от посторонних глаз на безлюдном острове Чечень в Каспийском море. Любопытные американцы из года в год по системе спутникового наблюдения следили за развитием экранопланостроения в СССР. Фотографии летящего «КМ» появились в зарубежной печати. Очень скоро на острове появились другие корабли-эк-

ранопланы, младшие «братья» гиганта, названного зарубежными специалистами «Каспийским монстром». Американцы видели, но не знали главного — гигантской грузоподъемности этих скоростных машин и не знали самого главного, того, что Р.Е. Алексеев решил проблему вертикальной устой-

чивости летательных аппаратов над поверхностью воды, земли, заболоченной тундры, ледяных озер и ковыльных степей. За границей, в мире аналогичных разработок не было. Мировая научная общественность сошлась во мнении, что создание аэродина-

мических аппаратов, способных использовать отдачу твердого экрана-поверхности невозможно.

О том, что подъемная сила крыла увеличивается в момент приближения к поверхности на расстояние в несколько метров, знали давно. В годы Второй мировой войны в морской авиации летчики пытались пилотировать поврежденные самолеты с целью экономии топлива в режиме полета «на экране», над морем. Иногда им удавалось дотянуть машину до берега, чаще нет. На такой полет мог решиться только обреченный на гибель летчик или смертельно рискованный трюкач. Известно, что Валерий Чкалов пролетел на самолете под аркой моста. Мастерство асса было в том, что Чкалов инстинктивно чувствовал «экран» и мог удержать самолет над Москва-рекой достаточное для пролета под мостом время.

Суть открытия Алексеева в том, что он открыл, обнаружил природный эффект, который мог естественным образом регулировать высоту полета в зоне экрана. Низко над водой подъемная сила крыла вырастает в два раза. Набирая скорость, экраноплан поднимается над поверхностью, подъемная сила падает и он опускается снова к экрану. Работает то же «алексеевский» эффект, что и на мало погруженных подводных крыльях, только в обратном, зеркально отра-

женном варианте и в менее плотной воздушной среде. Экранопланы, как и СПК на мало погруженных крыльях, обладают естественной природной данной устойчивостью по высоте и крену.

На деле теоретический расчет сложной аэро-

динамической конструкции не возможен. Решающее значение имеет поэтапное испытание моделей и макетов будущего корабля или самолета. В исследовательских институтах и конструкторских бюро эта поэтапная проработка отнимает годы. В новой тематике скоростного судо-

строения конструкторское бюро под руководством Р.Е. Алексеева работало очень быстро и производительно. Ускорителем работы был творческий дар Алексеева. Он приносил такие решения, такие компоновки, которые попадали «в десятку» и начинали сразу работать. По свидетельству дочери конструктора Ростислав Евгеньевич шел к решению технических задач через поиск гармонии и красоты в окружающей природе. Внимательно наблюдая природу, созерцая ее глазом художника, он искал идеальную гармонию отношений человека с окружающим миром. На его картинах технические образы постоянно соседствуют, переплетаются с образами женской красоты, дополняя друг друга. Корабли конструкции Р.Е. Алексеева, несмотря на титаническую мощь, отличает женственная грациозность, легкая стремительность.

Следом за экранопланом «КМ» был построен для морского флота десантный корабль водоизмещением 140 тонн, скоростью 350 км./час. И мореходностью 5 баллов. Корабль брал на борт два танка и батальон морских пехотинцев, преодолевал отмели и плесы, высаживал десант на любой отлогий берег, через устья рек мог проникать в глубь территории и даже преодолевать протяженные возвышенности. Конструкция судна позволяла осуществление моментального десан-

Транспортный экраноплан

тирования. Нос корабля отстегивался, танки с заведенными моторами сходу вступали в бой. Далее, уже после смерти Р.Е. Алексеева в ЦКБ по СПКа был построен морской ракетноносец, который имел водоизмещение более 300 тонн, скорость 450 км./час. и вооружение из шести стратегических ракет, способных нести ядерные боеголовки. Появление таких судов могло бы коренным образом изменить стратегический баланс сил в мировом пространстве. Кроме скорости к боевым достоинствам экранопланов следует отнести их способность к незаметному в поле радаров перемещению.

Среди космических проектов использования экранопланов можно выделить два направления. Первое, проектирование летающего экраноплана для запуска и приема из космоса многоцветных аппаратов, типа «Буран», для старта которых требуется высокая начальная скорость. Второе направление, проектирование спускаемых, вездеходных аппаратов для исследования планет Солнечной системы. Космические проекты не были реализованы, но в принципе имеют реальную перспективу в будущем.

Разглядывая фотографии экранопланов, люди часто задают вопрос: могут ли эти «самолеты» высоко летать? Экранопланы, действительно летать умеют, как все летательные аппараты. Корабли Алексеева обладали потенциальной возможностью перелета из Каспийского моря на Черное или в Персидский залив. Конструктор планировал, готовил, добивался разрешения на перелет: из Каспия — на Балтику. Вопрос надо ставить иначе, так, как его ставил Алексеев: нам нужна новая отрасль транспортного машиностроения — ЭКРАНОПЛАНОСТРОЕНИЕ? И сам отвечал, что нужна, доказывал и аргументировал свою позицию. Экранопланы в два раза экономичнее самолетов по расходу топлива, мно-

гократно безопаснее, им не требуется строительство аэродромов и портов. Экранопланы обладают амфибийными качествами и такими показателями проходимости, что могли бы не только осуществлять круглогодичную пассажирскую навигацию на сибирских реках, разгружать корабли в любой точке побережья, но и могли бы вдохнуть жизнь в самые удаленные уголки северных европейских и сибирских равнин.

Однажды ЦКБ по СПКа посетил командующий Вооруженными силами. Ему показали модель экраноплана. Генерал попросил, чтобы его прокатили на новой технике. Ростислав Евгеньевич сел за штурвал, высокого гостя посадил на место инженера-испытателя. В несколько секунд они пересекли водохранилище, вышли на заливные луга, перескочили болото и носом уткнулись в лес. «Все, приехали, — сказал генерал, — как же мы здесь развернемся, у нее даже колесиков нет?» Алексеев молча приподнял машину, дифференцируя тягу двигателей, развер-

Модели из архива Р.Е. Алексеева

нул ее на месте и полетел через буераки в ангар испытательной базы. Когда полет закончился, генерал вылез из машины, оглядел днище и с укоризной в голосе проговорил: «Вы ей колесики все-таки приделайте. Без колесиков ваша машина не смотрится».

Эту историю о «колесиках» Алексеев любил рассказывать, размышляя о будущих перспективах экранопланостроения. Ему многое удалось реализовать благодаря настойчивости и поддержке со стороны руководства страны на самом высоком уровне. Первые самоходные модели произвели сильное впечатление на Н.С. Хрущева. Никита Сергеевич вызвал к себе талантливого сормовича и оказал: «Проси что хочешь?» — ожидая, что последуют в таких случаях просьбы о переводе в Москву, предоставлении кварти-

ры, звания... Ростислав Евгеньевич сказал, что ему лично ничего не требуется, просьба простая, он хотел бы два раза в год лично информировать Никиту Сергеевича о развитии тематики скоростного судостроения в ЦКБ по СПКа. Генеральный секретарь согласился. Р.Е. Алексеев использовал возможность прямого доступа к первому лицу в государстве на все 500%. Два раза в год он готовил список проблем, документацию и ехал в Кремль. После отставки Н.С. Хрущева главный конструктор экранопланов потерял высокое покровительство. Началась полоса трудностей. Главными из них были противоречивые требования министерства судостроения и авиапрома. Алексеевские экранопланы не вписывались в министерские схемы, одним не доставало «колесиков», другим — «трубы на палубе».

В 70-е годы гениальный русский конструктор совершает третий шаг за горизонт, начинает проектирование серии экранопланов второго поколения. Эту серию аппаратов Алексеев компоновал по схеме летающего крыла. Они отличались высоким аэродинамическим качеством. Ростислав Евгеньевич своими руками создал более двухсот моделей, каждую продул в аэродинамической трубе, рассчитал характеристики. На экранопланах второго поколения он готовился штурмовать звуковой барьер, бить свои же рекорды грузоподъемности и выводить на орбиту Земли космические корабли.

Эти модели, как стая пыльных чучел, осели в шкафах ЦКБ по СПКа им. Р.Е. Алексеева.

Особенностью алексеевского дара была способность идти к открытиям логическим путем, тайной тропой гения-одиночки. Общие компоновки реальных судов он рисовал эскизно с «чистого листа», без проведения предварительных специальных исследований, что свидетельствовало о громадном творческом потенциале конструктора и вызывало раздражение в среде ученых специалистов. Дальнейшие испытания обычно подтверждали правильность намеченной в эскизах концепции и не требовали каких-либо серьезных доработок общей компоновки. В творчестве Ростислав Евгеньевич был подобен своим кораблям. Мысль его была столь стремительна, что он умел преодолевать на пути к результату равно и «белые пятна теории», и «бескрайний

топи экспериментальных исследований», не оставляя какого-либо следа или колеи, по которой за ним могли бы идти ученики и другие исследователи. В этом мнении я следую исключительно фактам.

До сих пор в мире, включая Россию, не создано ни одного экраноплана. Прошло 32 года с того мгновения, когда 16 октября 1966 года громадный экраноплан «Корабль-модель» — «КМ» оторвался от поверхности Каспия и полетел. Сегодня ведущие авиационные компании мира располагают видеоматериалами, фотографиями, в том или ином объеме документацией, касающейся строительства алексеевских экранопланов. Конечно, развитие новой транспортной отрасли требует транснациональных усилий ряда компаний и стран, вливания колоссальных финансовых средств. Если бы проблема состояла только в этом, упиралась бы в «деньги», то крылатые ракетноносцы давно бы бороздили пространства четырех океанов под флагом США или НАТО. Главное, в мире нет человека, способного занять вакантное место Алексеева — генерально-конструктора крылатых кораблей.

Рано или поздно, в Европе или Азии такой человек явится, постучит в дверь ЦКБ по СПКа, откроет шкаф, разложит на столе алексеевские модели, прибавит свои, посчитает, умножит, возведет в степень, да так, что разлетятся они по морям и океанам на все четыре стороны света. В качестве нового вида транспорта экранопланы могут потеснить авиацию с морских линий, ускорить грузооборот на водных магистралях, заменить вертолеты в глухих бездорожных районах, заменить СПКа и глиссирующие суда повсеместно. Возможно, для экранопланов люди будут строить новые дешевые дороги. Экранопланам не требуются бетонные и асфальтные покрытия, железные рельсы, аэродромы и причалы. Они будут востребованы везде, где для достижения цели необходима скорость.

Экономическая философия Р.Е. Алексеева проста: скорость экономит время, основной ресурс жизни. Он жизнь понимал, как время, заполненное созидательным трудом. Алексеев оставил после себя на Земле корабли и заводы, друзей и великую тайну, которая лежит как сказочный меч-кладенец в ожидании героя, способного оторвать сталь лезвия от земли.

Михаил ПЕТРОВ

КОЛОКОЛЬНЯ ФАДДЕЯ МАЛЬКОВА

Когда меня маленького впервые привезли в Михайловский завод, и мы долго ехали на лошади вдоль высокого забора, я был захвачен мелодичной музыкой, долетавшей неизвестно откуда. Очаровательные звуки словно бы лились с голубого утреннего неба. И потом, однажды, уже у бабушки, когда, чем-то обиженный, я заплакал, бабушка, чтоб успокоить меня, поднесла к окошку и указала куда-то вдаль, откуда опять плыла та же завораживающая мелодия. Так я впервые, еще не увидев, услышал нашу михайловскую церковь.

Когда подросток, бабушка, отправляясь к обедне, стала брать меня с собой. В церкви нравилось все: и высокий потолок над головой, и ажурная со множеством свечей люстра, спускавшаяся сверху, и крашенные стены, с которых на меня строго смотрели святые, и, конечно же, стройное пенье хора. Было красиво и торжественно. И я, поддавшись общему настроению, вместе со всеми, еще неумело осенял себя крестным знаменем.

Иногда после службы наступал не менее прекрасный момент причастия. Бабушка брала меня на руки, подносила к священнику, и тот со словами: «Причащается раб божий Михаил» подавал на ложке что-то очень сладкое...

Первая церковь в Михайловске была деревянная, постро-

енная еще в начале прошлого столетия и со временем обветшавшая. Вот какую информацию я прочел по этому поводу на страницах «Екатеринбургской недели» за 1885 год:

«В нашем заводе имеется одна-единственная православная церковь, освященная в 1836 году. Будучи деревянною, церковь эта пришла от времени в такую ветхость, что продолжать в ней богослужение стало крайне опасно. Ввиду этого прихожане Михайловской волости еще в 1883 году постановили: вместо ветхой деревянной церкви построить на том же месте новую каменную».

Приглашенный прихожанами архитектор составил план и смету, и все отправили начальству на утверждение. Далее следует подробный рассказ о том, как проект бродил по официальным инстанциям: история, типичная, видимо, для всех времен. И далее...

«Прошло больше двух лет с тех пор, как мы начали хлопотать, а толку никакого не добились, кроме того, что износили свой план, стоящий 300 рублей. Когда же, в самом деле, дождемся мы разрешения на постройку новой церкви? Неужели только тогда, когда старая церковь рухнет и похоронит под своими развалинами всех в ней молящихся».

О мытарствах прихожан в дальнейшем у меня документов нет. Есть сведения старожилов,

что деревянная церковь в конце концов сгорела. Во всяком случае, на ее месте все же была воздвигнута новая, каменная. Есть документ, хранящийся в михайловском музее, где сказано: «Церковь в Михайловске строил Мальков Фаддей Николаевич, красноуфимский мещанин, опытный строитель. Строительство началось в 1892 году. Открыта 21 июня 1896 года. На строительство израсходовано 59 000 руб.».

...Через сорок лет существования, а именно в 1936 году, для церкви наступили черные дни. С нее сняли колокола, а потом разобрали колокольню. Как снимали колокола, я не видел, но когда разрушали колокольню, был этому варварству свидетель.

Дело происходило в середине лета. За несколько дней до сноса рабочие частично разобрали кладку. Вначале с одной стороны долго долбили кирпичи, прочно связанные друг с другом. Когда получилась вместительная ниша, подперли колокольню толстыми бревнами. Потом с другой стороны разобрали кладку. Колокольня оказалась стоящей на деревянных столбах.

Наступил день сноса. С утра к церкви стал стекаться народ. Пришли старухи с иконами и поставили их на землю ликами к паперти. Среди толпы ходил поп с серебряным крестом.

— Православные, не позво-

лим осквернения церкви. Не допустим святотатства, — взывал он к верующим.

Мужики молчали, некоторые смущенно чесали затылки. Женщины крестились, но никто не отважился помешать разрушению, все боялись новых крутых властей.

Рабочие разложили большой костер под основанием колокольни и, дождавшись, когда начали гореть опорные столбы, отошли подальше...

Использовать с толком кирпич, как хотели организаторы сноса, не удалось. Колокольня, как и вся церковь, была построена на хорошем известковом

растворе, и отделить кирпич от кирпича никто не сумел. Так и увезли на свалку бесформенные каменные глыбы.

Помещение наскоро подлатали. В бывшей молельне поставили деревянную стенку, поделив ее на две части. Одна часть стала кинозалом, другую отвели под игры и танцы. Там, где была комната с купелью, решили продавать билеты, а где находились Царские врата, повесили занавес и стали крутить первые ленты звукового кино.

...Долго в клубе со сводчатыми потолками удерживался стойкий запах ладана. С высоких стен на нас глядели лики

святых. Пришлось все забелить известью. Теперь о древности и о прежнем назначении здания говорили только высокие потолки да узкая винтовая лестница в круглую башенку со стрельчатыми окнами. Здесь разместилась библиотека.

Запоздало и я жалею тот прекрасный храм, вблизи тяжелый и монолитный, а издали — легкий и изящный. Сейчас он до такой степени изменен различными пристройками, что восстановить былую красоту вряд ли возможно, хотя такие усилия и предпринимаются.

г. Екатеринбург

Александр МОИСЕЕВ

ТАЙНА ГОРЫ ВАСЕК

Километрах в четырех ниже деревни Зотино одну из бесчисленных излучин речки Багаряк венчает гора с запанибратским названием — Васек. Рубаха-парень здесь ни при чем. Полное наименование горы Веськовка или Васьковка, отсюда и Васек-Васек. Кстати, речка-тезка впадает в Юрюзань за Уральским хребтом. Знатоки языковых древностей считают, что название финно-угорское. Вас — утка, вис — болото, ковка — переименованное слово «поки» — река. Так что название означает: Утиная или Болотистая речка. Отыскивали лингвисты и древнее слово вас — золото. Кстати, добывали его здесь еще в прошлом веке.

Будучи в экспедиции, речки мы не нашли, зато обнаружили пещеру. Она именуется Лепехинской, потому как в пору пугачевщины ею интересовался академик Иван Лепе-

хин, исходивший Урал вдоль и поперек. А интересовался на предмет обитания здесь древнего человека. Вообще Зотинские пещеры (их несколько) изучены ранее прочих в местном краю. Оказалось, они были обитаемы еще в каменном веке. Позднее в них останавливались охотники и рыбаки из окрестных селений.

Раскопано два культурных слоя. В нижнем — каменные орудия, звериные кости — это каменный век. В верхнем тоже кости, но уже человеческие, черепки и костяные наконечники стрел. Это уже века бронзовый и медный.

Селений по Багаряку во все времена было густо, в древние же куда больше, чем ныне. На то были причины: Багаряк был тогда пограничным рубежом. Крепостная цепь огораживала лесную державу металлургов, чей «столичный ок-

руг» находился где-то в южных пределах Свердловской области с выходом на челябинский Иткуль — весьма заселенное озеро в то «крепостное» время. иткульские и прочие здешние металлурги разводили скот, охотились и рыбачили, но главным их занятием была выплавка металла — бронзы и железа, выделка из него орудий и оружия, которые шли «на экспорт» и кормили народ. Металл привлекал степных соседей, ленивых на тяжкие труды, но скорых на набеги и жадных на добычу.

Имя степняков нам известно — савроматы и их «дети» — сарматы; имени же ловких на выделку металла «лесников» мы не знаем. Может, то были те самые таинственные аримаспы, или аргиппей, или исседоны, или гипербореи, которых Геродот «поселил» в горах Рифейских по соседству с сав-

роматами. Это конец бронзового-начало железного века, в археологическом лексиконе — межовская, иткульская, березовская и иные «лесные» (читайте — угорские) культуры. В «лесном» пограничье, как за тысячу лет до того в степном, тогда процветала своя Страна Городов.

На горе Васьковка, близ скалы Васек, обнаружено укрепленное городище металлургов, выплавлявших железо. Найдены шлаки, кусочек кричного железа, какое вырабатывали уральские заводы и в прошлом веке. Для городища, как и заведено было у «лесников», выбрали ограниченный с двух сторон обрывами мыс длиной почти в 100 метров. С открытой стороны наполья оно было защищено валом шириной 3 метра и рвами с обеих сторон. По соседству находилось не менее крупное городище-крепость.

Столь же хорошо защищенные городища стояли тогда по всему низовому Багаряку, как и низовьям Караболки, Синары и Исети, куда впадает Синара. Конечно, не случайно оградили «лесники»-металлурги трехречье столь мощными по тем временам крепостями. Синарское трехречье было тогда порубежным с опасными соседями — савроматами, сарматами. Грабительских набегов жди каждый час. Какой труд без защиты!

Настоящим укрепрайоном (десятки крепостей!) было Синарское трехречье. Западнее его защищали от набегов леса, озера да болота. Здесь же их не было. Языком вклинивались в леса лесостепи, доступные конным воинам. Вот здесь-то и был поставлен на их пути укрепрайон, для своих времен и широт явление не менее значительное, чем арийская Стра-

на Городов. По продуманности расположения крепостей, их оборонительных укреплений Синарский укрепрайон являет-

ся шедевром фортификации своего времени.

г. Челябинск

ИРБИТСКАЯ ЯРМАРКА ГРАВЮРЫ

Франсуа Ланго.

«Поругание Христа (увенчание тернием)».

Ок. 1660-1670. Единственный в мире известный экземпляр гравюры.

Виталий ПАВЛОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕВЬЯНСКОЙ ИКОНЫ

Эту книгу ждали давно — по меньшей мере два десятилетия. И наконец свершилось.

А 4 апреля 1998 года появился указ о присуждении премий губернатора Свердловской области за выдающиеся достижения в области литературы и искусства. Кроме прочих, премии удостоены десять человек: Голынец Г.В., Байдин В.П., Бызов О.И., Губкин О.П., Гончарова Н.А., Зиганшин И.Ц., Пантелеева Г.И., Рязанов Ю.М., Рязанова Л.Д. Это и есть основной коллектив, сотворивший чудокнигу — альбом «Невьянская икона». Жаль, что среди них не нашлось места десятому человеку — издателю, с моей точки зрения, основному виновнику рождения книги — Е.В. Ройзману, без инициативы, организации, настойчивости, наконец, без спонсорства которого не было бы и книги.

Поражает многолетний кропотливый тщательный труд всех названных выше людей. Поражают 149 великолепно исполненных, блестящих красотой оригинальных творений икон «невьянской школы», прекрасная бумага, печать, суперобложка с изображением св. Льва Катанского, иконы, выполненной в 1818 году невьянской мастерской Богатыревых; тщательность подборки текстов как в подписях к иллюстрациям, так и в каталоге.

Особого внимания заслуживают статьи, вынесенные за пределы собственно альбома — в конец книги: статья Г.В. Голынец «Невьянская икона: традиции Древней Руси и контекст нового времени» с фотографиями Невьянска и, как полагается в научной работе, — с дотошными примечаниями; Н.А. Гончаровой — «Невьянское иконописное наследие в музеях Екатеринбурга. Страни-

цы истории», также сопровождаемая почти вековыми фотоснимками, групповыми портретами иконописцев, которых давно уже нет среди живых. А ведь эти фотоснимки надо было найти! О.П. Губкина представила статью «Династии невьянских иконописцев Богатыревых и Чернобровиных». Династии, оказавшие благотворное и длительное влияние на школу иконописи. Чуть ли не вся жизнь представителей династии прошла под сапогом Секретной совещательной комиссии господствующей православной церкви, строго запрещающей «закоренелым раскольникам» писать иконы, украшать иконостасы. В.И. Байдин дал интереснейшие «Повествовательные и документальные источники по истории старообрядческого иконописания на горных заводах Урала в XVIII — начале XX веков». Жаль, что в большой книге не оказалось места для рассказа коллекционеров и специалистов-реставраторов древнерусской живописи Ю.М. и Л.Д. Рязановых, об их многолетних поисках и сохранении уникальных произведений.

Эта книга — уникал. Уже при выходе ее в свет она становится раритетом: 4000 экземпляров на такую страну, как наша, — капля-невидимка. Далеко не все библиотеки будут способны иметь ее. Английский текст, конечно, позволит расширить читательскую аудиторию. Книга напечатана в Финляндии, но подготовило ее издательство Уральского госуниверситета им. А.М. Горького, за что великая благодарность его руководству, в частности, исполнителю директору Ф.А. Еремееву.

Говорят, на одной из презентаций альбома серьезный и глубокий знаток древнерусской культуры, член-корреспондент

Российской АН Г.И. Вздорнов, был крайне удивлен увиденным и только руками развел. Он воочию убедился в существовании «невьянской школы». В самом деле, увидеть своими глазами высокий пафос религиозного чувства и столь же высокий класс техники художественного воплощения произведений, доселе обретавшихся в запасниках музеев, архивохранилищах, у некоторых коллекционеров, и вдруг явленных миру во всем блеске и красоте, удивит кого угодно.

Эта заметка — лишь сообщение об альбоме. Книгу предстоит еще изучать с разных точек зрения. Но уже сегодня можно сказать, что сделанное — подвиг многих людей, названных и не названных здесь. Он напомнил мне о другом подвиге, в другой стране. На полке моей библиотеки стоит примерно такая же книга-альбом-монография Юлианы Данко и Думатру Данко, изданная в 1979 году в Бухаресте на французском языке «Румынская крестьянская живопись на стекле». Техника выполнения иконописи румынскими крестьянами в далекие времена и нашими простыми людьми — старообрядцами в XVIII — XX веках разная. Но их объединяет многое: религиозная истовость в иконописи и, как пишут авторы, един-

ственный в мире собственный колорит, новизна одновременно и широкая и гармоничная.

Абсолютно уверен, что подлинные сокровища, собранные в альбоме вопреки всему, возвращаются, наконец-то в лоно русской культуры — как верующим, так и неверующим. Потому что, глядя на них, невозможно остаться равнодушным, невозможно не восхититься художественными достижениями наших предков.

ИРБИТСКАЯ ЯРМАРКА ГРАВЮРЫ

Жак Калло.
«Вознесение Марии»
1634. Офорт, резец.

1.
К Поэту постучалась Смерть —
тихонько, мимоходом;
ошиблась дверью? Или ей —
поговорить с народом?
Он ужаснулся: что?.. конец?..
но сделано так мало,
а сколько замыслов еще
теснилось, трепетало!

«Что ж, может статься, ты и прав, —
сказала Смерть, робея, —
ну, хорошо, твори, дерзай,
отсрочку дам тебе я.
Но ты запомни, милый мой,
остатнее решенье:
напишешь сотый опус свой —
приду без промедленья».

...Поэт всмотрелся: ни-ко-го,
в оконце посветлело,
а возле солнца облака
пульсируют несмело.
«Ушла!..» Поэт возликовал,
притопнул, и — вприсядку;
в столе стихов-то у него
не более десятка.

Знать, впереди немалый путь:
живи предельно просто,
пиши чуть-чуть, в день по строке —
тогда протянешь до ста.
А тут и пенсия ему
за все труды и годы,
и, значит, менее страшны
житейские невзгоды.

Он впрягся в воз, он записал,
увлекся, бедолага.
Вот новый стих... Что перед ним
рубли, иное благо!
Упала капля на тетрадь,
слегка перо застыло.
Но это вовсе был не дождь —
другое это было.

Когда душа обнажена
и прорвана блокада,
когда в союзники — весь мир,
то большего не надо.
«А то, что близится конец, —
подумал, шмыгнув носом, —
я Смерть сумею обмануть,
на то есть верный способ!»

2.
Да, чтобы Смерть перехитрить,
не требуется много,
ведь здесь одно: веди учет
написанному — строго!
Баллада, песня ли, верлибр, —
а в целом... это сколько?

Михаил НАЙДИЧ

БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ СТИХОПИСАНИИ

Растет, растет гора бумага,
не просчитаться только б.

Тянулись дни: то ясный день,
то облаков короста,
он оглянуться не успел,
стихов-то... девяносто!
Они — как детища его,
они судьбу разделят.
Он как-то быстро написал
и остальные девять.

Машинку другу передал —
к чему тут проволочка?
Блокноты и карандаши
подальше в стол. И точка.
И вот настал особый миг,
и полночью той хмурой
он распрощался, наконец,
со всей литературой.

Прощался с очень дорогим,
конечно, поневоле,
но как-то буднично — почти
спокойно и без боли.
И сам себя он утешал:
я никакой не гений,
глядишь, спокойно доживу
без всяких сочинений.

За годом год... И — ни строки!
Да, времена такие,
об этом говорили все —
Твардовский и другие —
мол, как же это понимать:
молчанье затянулось —
иссяк талант? здоровья нет?
удача отвернулась?..

3.
Наполнить чем-то каждый день —
одна теперь забота...
Однажды в парке, среди аллей,
его окликнул кто-то.
В конце дороги поворот,
скамейка на отлете.
«Иван Никитич, вы меня,
поди, не узнаете?» —

Движенье. Дрогнула листва,
как будто опадая,
возникла женщина пред ним
такая молодая.
«Не узнаете? А ведь мы
в соседстве жили с вами,
девчонкой я тогда была
с большущими глазами».

Он сразу вспомнил старый дом,
где жил весну и осень.
Все вдалеке. Как те стихи,
что он давно забросил.
Глядел он, словно отыскал
давнейшую пропажу...
«А я когда-то по ночам
читала книгу вашу!»

Они стояли под дождем,
усиливался ветер,
сверкнула молния... Но он
и это не заметил.
А позже, в пасмурную ночь,
такое вдруг приснилось,
что сердце билось неспроста,
как в молодости билось.

Встал на заре... Что за окном?
Там радуга повисла,
подумал — в жизни у него
так мало нынче смысла.
А радуга одним концом
к нему в окно попала,
другим — в тот самый, старый дом:
он рядом — два квартала.

«Любовь?» — подумал. — Поздно. Нет».
На лбу синеют вены...
Но вот о радуге сказать
хотелось непременно.
Сказать, что так прекрасна жизнь
и что нужна отвága.
И он хватает карандаш, —
ну, где она, бумага?

Слова, что были взаперти,
шли горлом. Высшей пробы.
Видать, и правда он по ним
соскучился. Еще бы!
Он место мыслям, чувствам дал,
всем лучшим эпизодам —
и кто, скажите, виноват,
что этот стих... был сотым.

Ведь что поделать — поступить
не мог он по-иному.
Закончил. Бросил карандаш.
И выбежал из дома.
Купался месяц в облаках,
как паренек бедовый.
И шел Поэт. И твердо шел.
Шел, ко всему готовый!

Юрий КЛЮШНИКОВ

ШПИОН КОРОЛЯ, АГЕНТ ИМПЕРАТРИЦЫ

Этот факт не упомянут в летописи Туринска. Сохранился лишь в архиве здешнего воеводы второй половины XVIII века. Вероятно, из-за своей курьезности.

В 1775 году на городской ярмарке стражники задержали подозрительного человека. Называя себя тобольским купцом, он предлагал купить у него две золотые прусские медали с портретами короля Фридриха Второго и курфюрста Бранденбургского Фридриха Вильгельма. По подозрению, что медали краденые, торговца обыскали. Нашли у него патент полковника прусской армии, подписанный самим королем Пруссии Фридрихом Вторым. При задержанном были также патент поручика русской армии и вид на жительство в Тобольской губернии на имя Зубарева Ивана Васильевича. Оный Зубарев, значилось в документах, есть отставной поручик, коему надлежит «проживать в Сибири безвыездно».

Тут что-то нечисто, решили стражники. Уездной власти ведомо: агент короля прусского Зубарев Иван сын Васильев двадцать лет назад как пойман и сознался в преступных замыслах против матушки императрицы. По приказу канцелярии тайных розыскных дел посажен в тюремный каземат, где и был тайно умерщвлен смертельным ядом. Не мог же покойник воскреснуть! Не иначе, это самозванец. А, может, еще и лазутчик чужеземный. Еще не хватало шпиона в Туринске в эту «смутную пору», когда, несмотря на казнь «новоявленного императора Петра Третьего», вожака крестьянской войны, не утихала Пугачевщина на Урале. Заключена в Петропавловскую крепость лженаследница престола княжна Тараканова. Сколько их еще объявится, соискателей трона!

«Отвечай, тать! — сурово вопрошал самозванца туринский воевода Суздальцев. — Откуда у тебя чужеземные медали и бумага? Зачем чужое имя присвоил? Говори правду. Если не хочешь с моими кнутобойцами спознаться!» Пришлось выложить все как есть. Но тоболяк взял с воеводы слово сохранить услышанное в тайне. Ибо тайна эта государственная.

Итак, вернемся к началу. Родился Иван Зубарев в семье тобольского купца. Учился грамоте в церковно-приходской школе. Ездил с отцом по торговым делам на Ирбитскую, Туринскую и прочие ярмарки. Торговали отец и сын зипунами, шапками, овчинами, льняными холстами, куделями, сермяжными домашними сукнами. Показалось купеческому сыну — прибыли мало. Жажда большой и скорой наживы толкнула его на авантюру. Однажды какой-то мужичонка, якобы «рудознатец», подсунил молодому купчишке образцы «богатых сибирских руд, содержащих золото и серебро». Обещал место показать.

Рванул Зубарев в декабре 1751 года в столицу с этими образцами. Когда императрица Елизавета Петровна, собираясь ехать в Царское Село, вышла на крыльцо Зимнего дворца, Зубарев бросился ей в ноги и подал доношение. Дескать, добыл для Отечества и матушки государыни серебряные и золотоносные руды. Рассчитывал сразу получить кругленькую сумму за «открытие». Но самодержица приказала сперва удостовериться, правда ли это. Зубаревские образцы проверяли в трех учреждениях, в том числе в лаборатории ученого Михайлы Ломоносова. Ответ экспертов был единодушен — образцы фальшивые. Только Ломоносов нашел в образцах «признаки серебра», но он потом из-

внялся за ошибку, допущенную из-за несовершенства лабораторных инструментов.

«Рудознатца» обвинили в умысле обмануть государыню. Забрали в сыскной приказ. Зубарев попытался выкрутиться. Объявил «слово и дело государево». Дескать, уральские заводчики Демидовы послали его с фальшивыми образцами в Санкт-Петербург, чтобы ложным «открытием» скрыть от государыни истинное местонахождение найденной Демидовыми «серебряной жилы». Уловка не удалась. Лжеца высекли кнутом, вернули в крепость. Прохиндея ожидали пожизненный каземат, либо виселица.

И тут начинается самое любопытное. В архиве «Канцелярии тайных розыскных дел» я обнаружил секретную записку начальника тайной канцелярии графа А. Шувалова императрице Елизавете Петровне, датируемую 1755 годом. Будущий генерал-фельдмаршал предлагал царице послать Зубарева, как безусловно талантливого авантюриста, способного на «щекотливые дела», к прусскому королю Фридриху Второму с тайным поручением — выведать намерения прусского короля в отношении царственного узника Иоанна Антоновича. Ибо есть сведения, что Фридрих, потерпев поражение в войне с Россией, хочет избежать капитуляции и для этого не прочь освободить из заточения Иоанна Шестого Антоновича.

Информация о заговоре короля Фридриха, добытая агентом царского двора, по мнению Шувалова, могла бы стать хорошим предлогом для более крутых мер против Иоанна Антоновича — возможного претендента на царство.

Императрица приняла предложение Шувалова. А Зубареву деваться некуда: или погибать, или «голову в пекло» — все едино. И он согласился стать лазутчиком императрицы. Зубареву организуют побег из тюрьмы. Отпускают в город без караула, якобы купить рубаху. Арестант не вернулся, хотя ранее в подобных случаях возвращался.

Все шло, как было оговорено. «Беглец» через Стародуб вышел на Лаврентьев монастырь. Оттуда через Кролевец пробрался в Берлин. Выдал себя за беглого гренадера лейб-компании. Дескать, проигрался в карты. Долг платить нечем. Вот и дал тягу за границу. Кому охота в «долговой яме» сидеть? Желает видеть короля по важ-

ному делу. Помог Христофор Манштейн, уроженец Петербурга, бывший прежде на русской службе, затем перебежчик к пруссакам. Рекомендовал лжегренадера принцу Брауншвейгскому, дяде Иоанна Антоновича, а тот представил «перебежчика» королю. И вот густобородый ражий детина сообщает королю (чтобы подстегнуть его к действию), будто императрица Елизавета Петровна решила убить принца Иоанна, заточенного в Холмогорах, из боязни быть низложенной. Наживка, придуманная Шуваловым, сработала. Принц Брауншвейгский, присутствовавший при разговоре, взмолился: «Ваше королевское величество, сделайте что-нибудь, чтобы спасти наследного российского принца!» Да и лжегренадер предложил свои услуги королю.

Фридрих решился. Зубарев вернется в Россию. Доберется до Холмогор, передаст тамошним узникам — Антону Ульриху герцогу Брауншвейгскому, его супруге — императрице Анне Леопольдовне и их сыну Иоанну, что в Архангельске будет снаряжен корабль.

На нем заключенные смогут бежать в Берлин. Причем Зубарев, чтобы обеспечить побег, взбунтует раскольников в пользу Иоанна, подкупит солдат и вывезет узников из Холмогор.

Посадского представили капитану будущего «купеческого» судна, на котором холмогорские узники должны бежать из плена. Выдали тысячу червонцев для подкупа стражи пленников. Снабдили паролем к холмогорским арестантам, чтобы те поверили, что тоболяк действует от имени их родственников. Король поощрил своего шпиона двумя золотыми прусскими медалями, произвел в полковники своего регмента. Перебежчика обрядили в пышный мундир.

«Вот влип!» — с горечью подумал Зубарев. Заявишь на Фридриха — пруссаки прибьют. Вон их сколько при дворе матушки государыни. Поможешь Фридриху — свои укукошат. Лучше не служить ни королю, ни царице. Но отвертеться не удалось. К тому же дорога домой оказалась не сладкой. С пышным мундиром пришлось расстаться — щеголять в нем на русской земле было небезопасно. Вдобавок разбойники отняли все деньги. Подкупить стражу узников теперь нечем. Спасся бегством, скитался. Прятался. Но у тайного сыска руки длинные. Его поймали в раскольничьих слободах. Привезли, как шпиона

прусского короля, сначала в Киев с беглыми конокрадами, затем в Петербург.

И вот 22 января 1755 года он снова перед Александром Ивановичем Шуваловым, начальником канцелярии тайных розыскных дел. Выкладывает как на духу прусский план похищения Иоанна Антоновича. Вынужден. Куда денешься? А 23 января сержант лейб-кампании Савин уже скачет в Холмогоры с указом начальнику холмогорского караула. Указ составлен Шуваловым, подписан императрицей и гласит: тайно отдать Иоанна Антоновича специальной команде для перевода в Шлиссельбургскую крепость, а в Холмогорах соблюдать видимость содержания узника — отправлять ко двору мнимые реляции о состоянии принца. Что и было исполнено (забегая вперед, отметим, что Иоанн Шестой погиб в 1764 году в Шлиссельбургской крепости при попытке его освобождения).

Теперь требовалось исключить утечку информации о том, что Зубарев был агентом русского двора и действовал по его плану. Тщательно разработанную операцию прикрытия раскрывают секретные материалы архива Тюменской воеводской канцелярии и Тобольской духовной консистории. Смерть «прусского шпиона» была инсценирована. Под его фамилией представили труп другого колодника. А чтобы никто не догадался о подмене, пребывание «колодника Ивана Васильева» (фамилия не упоминалась) в крепости держали в строгой тайне.

Указ запрещал любое общение с арестантом: «Не выспрашивать и разговоров никаких ни о чем с ним не иметь». Больше того, в Пруссию было отправлено письмо от имени Зубарева. Последний докладывал о благополучном ходе своей секретной миссии и предлагал «не жалеть усилий» для освобождения царственного принца. Тайная канцелярия рассчитывала выловить в Архангельске тех, кто в ответ на письмо-приманку приедет из Берлина освобождать холмогорских узников. Как и следовало ожидать, король Фридрих послал свой военный корабль под видом купеческого, и корабль этот был арестован в Архангельске.

Сам же тайный агент Елизаветы Петровны за «важные услуги, оказанные царскому двору и государыне», был награжден чином поручика, выпущен тайно из тюрьмы и отправлен на жительство в Сибирь. Обосновавшись в шес-

тидесятых-восемидесятых годах XVIII века у себя на родине, в Тобольской губернии, мнимый покойник не смог наладить прибыльную торговлю, впал в нужду и, дабы наскрести хоть сколько-нибудь в уплату долгов, решил продать прусские медали, которые в свое время запрятал в каблуки сапог.

Продать прусские медали решил незаметно и приехал в Туринск, городок малый, захолустный (до революции входил в Тобольскую губернию).

Выслушав исповедь задержанного, туринский воевода Суздальцев повелел отпустить «торговца», препятствий в продаже медалей ему не чинить и обещал никому об услышанном не рассказывать. Медали на Туринской ярмарке Зубарев так и не продал. Уж больно хлопотным оказался «товар» покупателям. Купишь — потом неприятностей не оберешься. Спросят, где взял вражеские медали? Не шпион ли ты?

Впрочем, отставной поручик не оставил попыток поправить свои финансовые дела. В Туринской писчебумажной мануфактуре купца Походяшина выходит книга «Приключения посадского Ивана Зубарева». Оба — издатель и автор — шли на немалый риск, рассказывая о двойном шпионе. Но уповали на то, что многих лиц, причастных к тайне зубаревского шпионства, уже нет в живых. Однако печатание книги не осталось незамеченным для верховных властей. Ознакомившись с мемуарами Зубарева, императрица Екатерина Вторая повелела все отпечатанные экземпляры изъять и уничтожить, ибо «содержащиеся в книге разоблачения составляют тайну государственную навечно и преданы гласности быть не могут». Приказ сей надлежало выполнить в строгой секретности. Всем, причастным к этому изданию, было велено хранить все касаемое до книги мемуаров Зубарева «в глубочайшей тайне». За разглашение тайны предусматривалось строжайшее наказание. Вероятно, по этой причине о книге Зубарева нет нигде официальных упоминаний. Как явствует из особо секретных бумаг туринского градоправителя, весь тираж книги Зубарева был конфискован и сожжен. Авантюристу пришлось расстаться с надеждой получить авторский гонорар.

О сибирской жизни шпиона двух монархов мы знаем, к сожалению, довольно мало. Хотя

этим периодом биографии тобольского посадского интересовались многие исследователи: русский писатель девятнадцатого столетия Г. Данилевский, известный литературовед Р. Белоусов, сибирский историк М. Громько и другие. Отставной поручик скончался в Тобольске. Тихо и незаметно. Похоронен на тобольском городском кладбище. Золотые прусские медали,

переплавленные в золото, пошли в уплату за поминки и организацию похорон. Об историческом значении зубаревского шпионства литературовед XIX века Пекарский сказал так: «Зубарев... был причиной одного из важнейших событий в жизни герцога Брауншвейгского», что впоследствии сказалося на судьбе русского престола.

ИРБИТСКАЯ ЯРМАРКА ГРАВЮРЫ

*Поль Гаварни.
Из сюиты
«Состарившиеся
лоретки».
Лист №8*

Старуха гадает молодым лореткам на картах, исходя из опыта собственной жизни: «— Король пик, король червей... оба разбогатевшие и зазнавшиеся типы! Уж как они будут суетиться из-за прекрасных глаз пиковой дамы! Но увиваться вокруг вас, мои пташки, они будут всего лет десять... а потом, даже чтобы чистить сапоги этих негодяев, пиковой даме с большим трудом удастся пристроиться на такую работу».

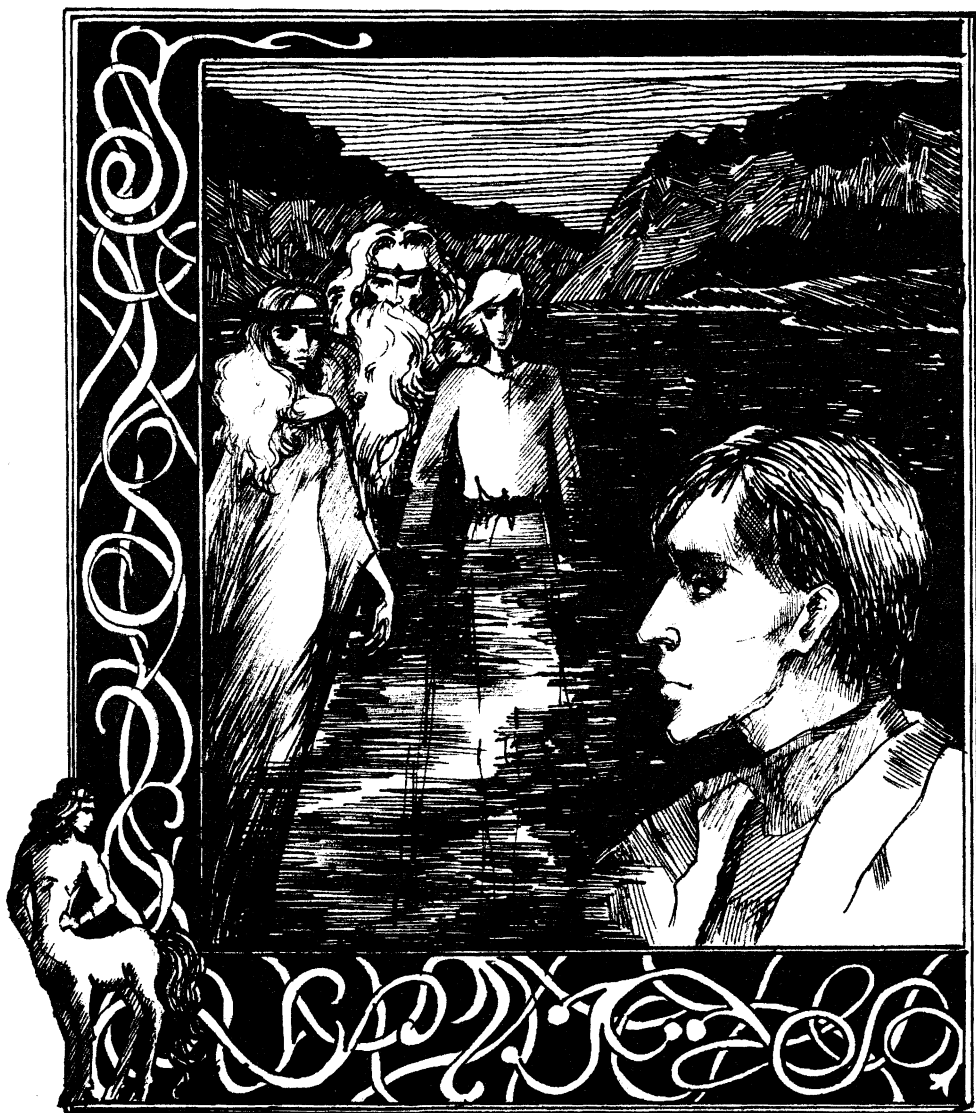
АЭЛИТА-99

Владимир КЛИМЕНКО

КОТЕЛ КОЛДУНА

Рисунки Юлии МЕНЬШИКОВОЙ

Из газетных сообщений:

«В районе озера Тургай в Горном Алтае упал крупный метеорит...»

«Вполне возможно, что военные провели испытание нового оружия в труднодоступной части Горного Алтая...»

«Русские не выполняют договор о полном прекращении ядерных испытаний...»

«Мощный всплеск аномальных явлений в окрестностях озера Тургай позволяет предположить, что здесь имело место посещение Земли НЛО...»

«...обнаружено тело эколога из Новосибирска П.Балашова. Молодой ученый погиб при невыясненных обстоятельствах...»

«Высказано мнение, что П.Балашов подвергся «болезни Жарова»...»

«Следует рассказать о необычной болезни, которая время от времени случалась с рабочими Семипалатинского полигона. Между собой ее называли там «рассыпание, или болезнь Жарова». Этот доктор натолкнулся на загадочный эффект... «рассыпавшийся» человек словно бы выпадал из жизни на несколько суток — не дышал, не двигался, а потом вдруг вскакивал как ни в чем не бывало»

«Создана правительственная комиссия по исследованию загадочной аномалии...»

Часовой с красными погонами внутренних войск на выгравшей гимнастерке даже не потребовал пропуск.

— Не подходить! — крикнул он еще издали и деловито поправил ремень тяжелого «калашникова».

Павел растерянно остановился. Упакованная в брезентовый чехол байдарка больно оттягивала плечо. Его нерешительность придавала уверенности часовому.

— Иди отсюда! — совсем по-мальчишески добавил он и мотнул головой в сторону автобусной остановки. — Стрелять буду!

— Да у тебя и патронов, наверное, нет, — пробормотал Павел, но дальше все же не пошел.

Солнце на западе уже цеплялось за вершущку дальней горы. Длинная тень Павла, неестественно вытянутая и худая, упиралась прямо в пыльные сапоги часового, но не дотягивалась до колючей проволоки, на которой висела хорошо заметная табличка: «Проход воспрещен. Опасная зона».

— Чего остановился? — снова крикнул солдат и повертел тощей шеей, даже не задевавшей за края воротничка. — Иди, иди, турист!

Часовому было смертельно скучно и жарко. Павел посмотрел на его простодушное деревенское лицо с капельками пота над верхней губой и ослабил шнуровку байдарочного чехла. Прямо под шнуровкой должен лежать литровый термос с водой. Воду он предусмотрительно набрал еще в поселке, пока дождался попутки.

— Пить хочешь? — примирительно спросил он и набулькал в крышку термоса с полстакана не успевшей за два часа нагреться колодезной воды.

— Иди отсюда, — уже не приказал, а попросил

часовой. В его глазах отчетливо читалось: «Пропадите вы все пропадом».

Дорога, ведущая к воротам турбазы, была пуста, но за колючей проволокой и отступающим за ней метров на пять забором слышались отрывистые слова команд и тарахтенье мотора.

— Сейчас вызову наряд, арестуют!

Солдат снова поправил автомат, как бы показывая этим жестом, что он при исполнении и праздных разговоров не потерпит.

Павел со вкусом, не торопясь, выпил воду, а оставшиеся капли стряхнул под ноги. Вода тут же скаталась в мелкие пыльные шарики.

И дорога, и турбаза были знакомы до мелочей. Четыре года назад Павел прожил здесь целый месяц. Забор и тогда стоял на том же месте, но лишь чисто символически указывал границы базы: ворота всегда распахнуты настежь, и на огражденную территорию не забредал только ленивый. Местные жители из соседней деревни ходили в туристический магазинчик, как в свой, а вечером молодежь со всей округи тянулась на танцы.

Дощатый помост танцплощадки на невысоком обрывистом берегу озера Тургай, казалось, нависал над самой водой, и ночью в спокойной темной глубине отражались разноцветные огоньки праздничных гирлянд, глухо ухала бас-гитара, и далеко-далеко разносился тоскующий вопль солиста: «Бесаме, бесаме мучо...».

За поворотом дороги пронзительно взвила милицейская сирена, мгновенно вернув к реальности. Павел торопливо спрятал термос и затянул шнуровку. Выпрямляясь, он стукнулся о дюралевые лопасти весел, торчащие из чехла, как чутко настороженные уши, и, потирая ушибленное место, увидел, как прямо на него, сверкая проблесковым маячком, несется милицейская «Волга», а следом за ней едут еще две машины. Не дожидаясь лишних неприятностей, Павел поволок байдарку к обочине. «Волги» — милицейская белая с синей полосой и две черные — затормозили метрах в семи от часового, на том самом месте, где только что стоял Павел. Следовало ожидать, что часового отдаст честь и откроет проход в «колючке», но этого не произошло.

Машины постояли, словно совещаясь, и наконец дверка второй черной «Волги» отворилась, из нее вышел генерал-майор вместе с двумя полковниками. Павел заметил, как подтянулся часовой и нервно поправил пилотку, но остался стоять на посту.

«Неужели не пропустит? — отчаянно-весело подумал Павел и покосился на самую дальнюю машину, из нее на дорогу как раз стали выходить мужчины в штатском самого начальственного вида. «Из краевого совета, что ли? Вон какое солидное сопровождение. Хотя еще неизвестно, кто кого сопровождает».

Лицо начальника, вышедшего последним, показалось Павлу неожиданно знакомым.

«Господи, да это же Николай Ильич Бойко из «Центрохранприроды! — вдруг вспомнил он, глядя на то, как высокий осанистый мужчина в темно-синем костюме с ярким заграничным галсту-

ком раскуривает «Мальборо». — Вот так встреча!».

Уже не обращая больше внимания на военных, не спеша направившихся к часовому, Павел шагнул с обочины обратно на дорогу и, преодолевая смущение, крикнул:

— Николай Ильич!

Мужчина обернулся и недоумевающе посмотрел на Павла.

— Николай Ильич! Это я, Балашов. Из Новосибирского управления Госкомприроды. Помните, доклад делал по строительству электродного завода на объединенном совещании. Потом тезисы вам присылал в Москву. Помните?

Ожидая ответа, Павел придал своему подвижному лицу выражение наивного удивления и восторга по поводу случайной встречи. В общем-то, он валял дурака, поскольку ничего подобного не испытывал, но желание соблюсти субординацию и тем самым достичь определенной выгоды заставило его глядеть на начальника бесхитростно и с вниманием.

— А, Балашов, — не то действительно вспомнил, не то умело притворился Николай Ильич, глядя на Павла безо всякого интереса. — А ты что здесь делаешь, в командировку приехал?

— Да нет, в отпуск. Хотел по Тургаю пройти на байдарке. До нас слухи дошли о здешних аномалиях, но точно никто ничего не знает. Вот я и решил отдохнуть и заодно посмотреть, что и как. С пропуском не можете? Я ведь не знал, что здесь такие строгости.

Обычно верно взятый тон и кажущаяся открытость приносили свои плоды.

В своем отделе Павел считался мастером по установлению дипломатических контактов. Помогала ему в этом и подходящая внешность: высокий блондин спортивного телосложения с открытым взглядом серо-голубых глаз, явно не рубаха-парень, но и не занудливый интеллектуал. По определению непристроенных девиц — завидный и никем пока не прибранный жених, по мнению начальства — дельный специалист. Но сейчас никакой из этих плюсов не произвел на Николая Ильича ни малейшего впечатления.

Бойко, казалось, только теперь заметил полевой геологический костюм Павла и разобранную байдарку.

Раздраженно щурясь, дым от сигареты попал в глаза, он неспешно отошел от своих спутников и, немного приблизившись к Павлу, вполголоса сказал:

— Вот что, Балашов. Тебя сюда не вызывали. Вообще не понимаю, как ты добрался до озера, всех туристов тормозят еще в Бийске. Мой тебе совет, немедленно уезжай, если не хочешь неприятностей. На обратном пути заеду в Новосибирск, там, возможно, поговорим. И все! Чтоб духу твоего на Тургае не было!

Павел немного опешил от такого нарочито хамоватого тона.

Близко Бойко он никогда не знал, но и двух встреч на крупных совещаниях было достаточно, чтобы уяснить, Николай Ильич — человек дели-

катный, интеллигентный, безо всех этих барских замашек, что так часто встречаются у большей части столичной номенклатуры.

От растерянности Павел промолчал и лишь заметил, как из распахнувшихся за колючей проволокой ворот к машинам вышел офицер.

Захлопали закрывающиеся дверцы «Волг», и маленький кортеж устремился в образовавшийся проезд, где сразу за дощатым забором глухо урчал армейский БТР, а чуть дальше виднелся боевой вертолет цвета хаки с неподвижно поникшими лопастями.

Колдун сидел неподвижно, положив на кедровую плаху стола сомкнутые кисти рук с узловатыми суставами пальцев, и только изредка взглядывал на окно. Вместе с движением сонных век рывком отлетала от узкой рамы цветастая ситцевая занавеска, на миг приоткрывая пустую поляну и начинающийся сразу за ней густой хвойный лес. Казалось, Колдун кого-то ждет, но, когда послышалось хриплое рычание пса, а следом за этим уверенный стук копыт по земле, обернулся не к окну, а к двери, и занавеска, не шелохнувшись, осталась висеть на месте.

Через минуту копыта застучали около самого крыльца, как будто всадник пытался верхом въехать в дом, и рычание сидящего на цепи пса перешло в рев.

Лицо Колдуна недовольно сморщилось. Он тяжело встал из-за стола, ухватив одной рукой приклоненный к лавке посох. Лишь только посох грохнул о некрашенные половицы, рычание пса смолкло, и тут же распахнулась дверь избы, пропуская в комнату гостя.

Для того, чтобы не удариться о косяк, Китоврасу пришлось низко наклонить свою большую голову, но его плечи все равно заделали притолоку, а колени подогнулись.

В избе сразу стало мало места, остро запахло лошадиным потом.

— Ждешь? — не то одобрительно, не то осуждающе громко спросил Китоврас вместо приветствия и протопал прямо к столу, выбивая копытами мелкую дробь.

Мощный круп полуконя-получеловека покрывала короткая золотистая шерсть. Широкая грудь животного странно переходила в совершенно безволосый атлетический торс, который венчала крупная голова с огненно-рыжей шевелюрой. Голубые глаза Китовраса смотрели спокойно и дружелюбно, подолгу останавливаясь на предметах, которые, очевидно, были ему хорошо знакомы, так как он, не колеблясь, отставил на столе крынку с молоком и взялся за большой жбан с квасом.

— Ну и чего ждать? — снова спросил Китоврас, наливая в берестяную кружку квас. — Все равно раньше завтрашнего дня не придет.

Он сделал долгий глоток и тут же негодующе фыркнул.

— Квас прокис! — возмущенно загремел Китоврас с отвращением брякнул кружку на стол. — Где домовой? Это что же он себе позволяет!

— Загулял домовой, будто не знаешь, — заговорил наконец Колдун. Его низкий сильный голос совсем не подходил облику белобородого старца с изрезанными морщинами лицом. — Третий день домовые гуляют да песни поют. Вот, слышишь, опять...

Колдун вновь взглянул на окно, и занавеска с коротким хлопком взвилась вверх.

— Домой не дозовешься. Можно подумать, у него работы здесь нет. Понаехали отовсюду, у них там вроде съезда. Богорты, брауни, кобольды. А тон задают Клуракан да Линчетто. Все спорят, что лучше — эль или вино. Остальных пробовать заставляют. И наш туда же. Совсем от рук отбился.

Порыв ветра из чащи донес нестройный хор голосов. Домовые орали вразброд, но с чувством.

— Не вовремя они праздник затеяли, — Китоврас повернулся к Колдуну и тут же задел печь. На шерсти осталось белое пятно, и Китоврас привычно стряхнул известку, похлопав себя рукой по крупу.

— Тесно, — словно оправдываясь, произнес он. — Не вовремя, совсем не вовремя. Коридоры открыты, кого сейчас на озере только нет, а домовые встречу отмечают. Не нравится мне все это. Сейчас хотел пройти к Алабелле, спросить, когда начнется Путешествие. Но дошел только до ближнего мыса, там сейчас дакини.

— Дакини не тебя, Ученика стерегут. — Колдун подошел к двери и распахнул ее настежь. Послы-

шалось тихое поскуливание пса. — Надо бы тебе с собой Гарма взять, да вы с ним не ладите.

Услышав, что говорят про него, пес, натянув невидимую цепь, подошел как можно ближе к крыльцу и подсунул чудовищную, почти медвежьей голову Колдуну под ладонь.

— Да я бы прошел к Алабелле, будь у меня оружие. У дакинь и чары, и магия, а у меня только вот... — Китоврас с деланным сожалением посмотрел на свои мощные руки. — Мне бы хоть лучемер, что ли.

— А еще лучше гравитационную пушку: один удар, и прощай последний инкубатор.

— Это точно. Но встречать Ученика все же придется. Такой суеты в Инкубаторе я что-то не припомню. Все один к одному. Хранитель старый, — Китоврас посмотрел на Колдуна. — Дракон — молодой. Все коридоры — настежь. Кого сюда не поналезло.

— Вуйвр молодой, да, — Колдун согласно кивнул. — Это будет его первое Путешествие. Но мы-то здесь тогда зачем? Ничего, справимся.

Китоврас хотел что-то ответить, но в этот момент с дальнего края поляны послышался пьяненький тенорок.

*— Таракан дрова рубил,
Комар по воду ходил,
В грязи ноги увязил.
Он не вытащил,
Глаза вытаращил.*

Домовой не вышел, а как-то странно боком вывалился из чащи и, притопывая лапотком о траву, засеменил к избе, широко расставив руки.

Колдун грозно стукнул посохом по крыльцу, но на домового это не произвело никакого впечатления.

— Вот я и говорю, — как будто продолжая начатый разговор, обратился он к Китоврасу и нетвердо оперся о вздыбленную холку пса, для чего ему не пришлось даже нагибаться. — Что лучше: эль или вино? Что то, что другое — кислятина. Потому и получается, что лучше нашей медовухи ничего нет.

— Спать! — страшно взревел Колдун и попытался ухватить домового за ворот рубашки. — Я тебе покажу медовуху!

Домовой ловко увернулся от руки Колдуна и прошелся по поляне вприсядку.

*— Трай-рай, рюм-рюм, трай-рай, рюм-рюм,
Раз-таки, раз-таки, раз!*

Китоврас с сожалением посмотрел на домового и уже хотел вмешаться, чтобы прекратить это безобразие, но тут над лесом раздался стрекот вертолета, и все разом замолчали, вглядываясь в круг безоблачного неба над поляной.

Прожектор на вышке включился позднее, уже когда Павел миновал турбазу, держась противоположного берега.

Случись это на двадцать минут раньше, и тогда, возможно, путешествие закончилось бы тут же,

у самого истока Кии — единственной реки, вытекающей из озера.

На мосту, соединяющем берега Кии, тоже расположились воинские посты, и пока Павел собирал байдарку, стараясь не звякать дюралевыми трубками, а потом боролся с бурным течением, норовящим утащить его из озера, он больше всего боялся, как бы часовые чего не заметили и не подняли тревогу.

Но обошлось.

Байдарка бесшумно рассекала темную воду: Павел как можно аккуратнее действовал веслом — не хватало обнаружить себя именно сейчас, после того, как самое трудное, по его мнению, осталось позади.

Он вспомнил, как, словно диверсант с грузом взрывчатки, полз с упакованной байдаркой за спиной по ложбинке с ручьем, и удовлетворенно хмыкнул.

Ну что, взяли? Эх вы, доблестные внутренние войска!

И, слава богу, что не ВДВ или спецназ, тогда было бы намного сложнее.

И хорошо, что он неплохо в свое время запомнил все пути и подходы к этой турбазе, а то бы пришлось сейчас трястись обратно в попутке, в лучшем случае, а в худшем — сидеть в комендатуре и доказывать, что ты не лазутчик, а вполне мирный эколог в отпуске, не имеющий никаких порочащих страну связей с «Гринписом».

Павел оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как прожекторный луч скользнул по берегу и уперся в опоры моста, где совсем недавно он собирал байдарку.

В ярком электрическом свете полыхнули зеленые ивовые кусты.

Потом луч поднялся чуть повыше и прошелся по пустому мосту, поочередно выхватив из темноты фигурки часовых на левом и правом берегу.

«А ведь, пожалуй, достанет, — подумал Павел, прикинув расстояние от прожектора до байдарки. — Вот только повернет сюда и достанет».

Неожиданно на память пришел небольшой и узкий островок из базальта наискосок от туристической базы, и он мысленно поздравил себя. Укрыться можно лишь в протоке между островком и берегом, туда прожекторному лучу не заглянуть. Но до островка надо еще добраться.

Уже не боясь быть услышанным, Павел удвоил усилия. Лопасты весла заработали, как пропеллер.

Гребок левой, поворот; гребок правой, поворот. Он оглянулся снова.

Световая дорожка бежала по берегу, захватывая край воды, и стремительно, намного быстрее, чем он движется сам, приближалась к байдарке.

Несмотря на ночную прохладу и липкую озерную сырость, спина быстро покрылась горячим потом.

— Гонюк мне еще не хватало, — прохрипел вслух Павел. — Прямо детектив с погоней. Интересный складывается отпуск, содержательный.

Прямо впереди по ходу байдарки смутно вырисовывались очертания скалистого островка, но

сколько до него грести — метров пятьсот или километр — определить трудно: скрадывающая расстояние темнота мешала правильно рассчитать силы.

Убегая от прожекторного луча, Павел решил, что жалеть себя нечего, и выложился, как на соревнованиях.

В этот момент он не задумывался над тем, что след от байдарки, широко расходящийся по спокойной воде, может выдать его с головой, поэтому не увидел, что, достигнув бегущей по озеру косой волны, луч прожектора как бы даже подпрыгнул от удивления, а потом снова опустился и уже уверенно, словно указка по карте, побежал за лодкой, угрожая настигнуть через три-четыре секунды.

И в тот же миг над водой разнесся громкий вздох.

Вода забурлила где-то на самой середине озера, и вслед за этим раздался короткий резкий шлепок, прозвучавший в ночи, как орудийный выстрел.

От неожиданности Павел бросил грести.

В ярком свете переметнувшегося на звук прожектора сусальным золотом блеснула чешуя исплинского тела, вновь уходящего в глубину.

Больше Павел ничего разглядеть не успел, так как байдарка по инерции, уже не подгоняемая его усилиями, влетела в протоку, и базальтовый гребень острова закрыл гладь озера, словно ширма.

Приткнув острый нос байдарки между камнями и бросив на остров весло, Павел соскочил прямо в воду. Цепляясь за валуны, он за минуту одолел короткий, но крутой подъем.

На противоположном берегу поднялась суматоха. И до того ярко освещенная территория базы зарилась новыми огнями, прожекторный луч метался по озеру, словно рука слепого.

Еще Павел увидел, что ожила стрекоза вертолета. Лопасты винта сначала медленно, а потом все стремительнее набирали обороты, и в такт этому движению далеко над водой разнесся рев скоростных турбин.

На самом же озере ничего интересного не происходило, и если бы сам Павел совсем недавно не стал свидетелем странного явления, то поверить в случившееся его бы не заставил никто.

Не бывает таких животных. Как-никак у Балашова биологическое образование, так что оставьте эти сказки. А, может быть, Тургай — это новый Лох-Несс? Тогда многое объясняется. И то, что солдат нагнали со всего округа, и секретность. Тогда и приезд сюда Бойко можно еще как-то понять.

Наконец вертолет оторвался от неестественно яркой в электрическом освещении травы и с нарастающим грохотом понесся над озером.

Он пролетел так близко от островка, закладывая вираж, что Павел отчетливо различил двух пилотов в белых шлемах и сгорбленную фигурку стрелка у распахнутой дверцы, вцепившегося двумя руками в тяжелый пулемет.

Сделав два сужающихся круга над озером, вертолет повис метрах в двадцати от воды. Казалось, что он держится в воздухе, опираясь на голубоватый конус света от нижней фары.

Вода под вертолетом кипела, но это была всего лишь рябь от винта, и вскоре ночная тревога, шум и свет, рев моторов на берегу и в воздухе стали ощущаться нелепыми и ненужными.

Словно устав висеть на одном месте, вертолет неожиданно накренился и резким нырком ушел в сторону базы.

Павел сполз со скалы и вернулся к байдарке.

Покинуть протоку он пока не рискнул: любое движение на озере может вызвать новую тревогу, так что следовало соблюдать осторожность.

Еще примерно час он сидел, чутко прислушиваясь к слабому плеску волн и затихающей суматохе на берегу, а затем медленно вывел байдарку на открытую воду.

Теперь он старался держаться как можно ближе к краю озера, в тени высоких деревьев, готовый в любую минуту причалить и скрыться в лесу. Павел хорошо помнил, что озеро имеет форму бумеранга. Сейчас он плыл по короткой его стороне, но километров через шесть-семь должен начаться изгиб, и там его уже не достигнет никакой прожектор.

Грести теперь было жутковато. Перед глазами так и стояло мощное тело, закованное в золотистую чешуйчатую броню. Несколько раз Павел даже оглядывался, желая убедиться, что чудовище не следует за ним, оставаясь невидимым и только ожидая удобного момента, чтобы раскрыть зубастую пасть.

Появилась трусливая мысль: потихоньку вернуться тем же путем, что привел его сюда, но, обругав себя за малодушие, Павел в конце концов ожесточенно погнал байдарку вперед, сосредоточившись лишь на гребле.

Огни некогда туристической, а теперь военной базы становились все мельче, некоторые исчезли совсем, а иногда Павел, оглядываясь, и вовсе терял их из виду. Вскоре он заметил, что лес отступил от воды и начался широкий песчаный плес. Плавно изгибаясь, берег уходил вправо.

За излучиной озеро расширялось, противоположный берег терялся во мраке, и Павел ощутил такое бесконечное пространство, что вновь появилось желание повернуть обратно. Но теперь возвращаться было уже поздно. Фосфоресцирующие стрелки наручных часов показывали половину четвертого утра, вот-вот станет светать. В любом случае следовало переждать и отдохнуть, привести в порядок мысли.

Павел почувствовал, что проголодался. Прикинув, что теперь, пожалуй, можно даже развести костер и вскипятить чай, он направил байдарку к отмели.

Сухой плавник на берегу за много лет спрессовался в сплошную хрустящую массу. Павел с удовольствием услышал, как ломаются под ногами тонкие сухие ветки: проблем с дровами не будет, ведь идти собирать хворост в лесу в полной темноте — занятие не из приятных.

Когда затеплился маленький костерок, бросая вокруг оранжевые отблики, и в котелке зашумела готовая закипеть вода, Павел позволил себе немного расслабиться.

Склонившись к огню, он прикрыл глаза и даже немного вздремнул, убаюканный сухим теплом, поэтому резкий треск сломанной ветки за спиной заставил его буквально подпрыгнуть на месте и схватиться за охотничий нож.

— Эй! — послышался из темноты ломающийся мальчишеский басок. — Можно к огоньку?

Не отвечая, Павел повернулся на голос и прищурился, пытаясь разглядеть говорящего.

Вновь захрустели ветки, и наконец в неярком свете стала различимой худая мальчишеская фигура. Руки парнишка держал в карманах, за его спиной болтался тощий рюкзачок.

— Ты откуда? — сурово спросил Павел, убедившись, что гость, пожалуй, не доставит ему неприятностей.

Мальчишка, похоже, только что закончил школу, и с высоты своего двадцатилетнего возраста Павел мог себе позволить говорить снисходительно и сердито.

— Из Листвянки, — коротко пояснил гость и неопределенно махнул рукой куда-то в сторону.

— Местный, что ли?

— Ага. Местный.

— Слава богу! Я уж думал — патруль, или лесничий, или еще не знаю кто. Что тут делается, непонятно. Чаю хочешь?

— Хочу, — обрадовался парнишка. — У меня картошка сырая есть. Давай запечем.

Павел милостиво кивнул и вновь прилег у костра. Он почувствовал, как ослабло напряжение последних часов, стало легко, спокойно и... нестрашно.

— А ты откуда? — осмелился на вопрос парнишка, орудуя у костра. — Издалека?

— Из Новосибирска.

— Ого! Как же ты сюда добрался?

— По воде. Вон моя байдарка на берегу.

— И не задержали? Для туристов ведь даже Байск закрыт, а на турбазе теперь военные.

— Виделись, — усмехнулся Павел.

Теперь он разглядывал нежданного ночного гостя уже с удовольствием. Что ни говори, а с попутчиком веселее. Только вот с попутчиком ли?

Короткий светлый ежик волос незнакомца придавал его лицу какой-то сиротский, вернее детдомовский вид. Острый, как клюв, носик, тонкие губы, голубые насмешливые глаза.

Павел заметил, что синяя капроновая куртка прожжена у парня на локте, а на ногах — совсем не подходящие к красному спортивному костюму, разбитые кирзовые сапоги.

— Если местный, так, может, объяснишь, что здесь происходит? Зачем военные, пропуска? Кто тут у вас в озере поселился?

— А что, видел? — по-птичьи вжав голову в плечи, прошептал парень. — Видел, да?

— Видел! Чертовщина какая-то! Теперь на байдарке-то и плыть страшно.

— Это еще что! — парнишка придвинулся поближе к Павлу. — А то еще бывает — моторы глохнут, вчера у Зимней заимки вертолет упал, оружие не стреляет.

— Как не стреляет?

— Обыкновенно. Нажимаешь на спуск — и ничего. Как будто заклинивает. У бэтээра пушка не работает, на вертолете — пулемет. Военные-то, слышал, на «Пионере Алтая» гарпунную пушку приспособливают, только она тоже стрелять не будет, — убежденно закончил парнишка.

— Подожди, а ты откуда знаешь? — насторожился Павел. — Тебе об этом что, докладывали?

— Так местный же, — уклончиво отвел взгляд парнишка. — Слухи всякие...

Но Павла было уже не остановить. Неясное подозрение превратилось в уверенность.

— Слушай, давай начистоту. Из части сбежал?

Парнишка бросился от костра так стремительно, что мелкие угольки красной пылью взметнулись в воздух.

— А ты что, прокурор? — крикнул он уже издали. — Попробуй, поймай!

— В догонялки я с тобой еще не играл, — зло пробормотал в темноту Павел. — Дезертир несчастный! Иди обратно, не буду я тебя ловить, других забот хватает. Иди, иди сюда, поговорим.

Парнишка осторожно приблизился к костру и сел на корточки напротив Павла, на всякий случай подтянув к себе поближе брошенный вначале рюкзачок.

— Значит так, — начал Павел и налил в кружку кирпичного цвета чай. — Арестовывать я тебя не буду, сам обратно вернешься.

— Не вернусь!

— Ну что мы с тобой будем спорить, сам понимаешь, что придется. Ты мне лучше толком расскажи обо всем. Мне ведь еще плыть и плыть. Давай, рассказывай.

Павел придал лицу самое миролюбивое выражение и даже заставил себя улыбнуться. Что он, в самом деле, набросился на парнишку? Неприятно, конечно, что тот сбежал из части, но мало ли какие бывают причины. К тому же, вокруг ни души и расспросить об озере не у кого. А солдаты здесь, похоже, давно и кое-что успели уже узнать.

Он вновь улыбнулся своему собеседнику, но постепенно улыбка стала сползать с его лица.

Глаза парнишки, не мигая, смотрели в сторону озера, вся его щуплая фигура подобралась, как у бегуна на старте, а руки судорожно вцепились в лямки рюкзака.

Через секунду Павел и сам услышал тяжелые шлепающие шаги прямо от воды, от того самого места, где он вытащил на песок байдарку.

— А я к огоньку, к огоньку, — послышался сзади сильный голос, и, перекатившись на другой бок, Павел встретился взглядом с новым незнакомцем.

На этот раз им оказался мужчина неопределенного возраста с каким-то серым стертым лицом. Длинные пепельные волосы из-под шляпы спадали на впалые щеки, казались мокрыми и липли к коже; время от времени мужчина отбрасывал их небрежным жестом в сторону. Просторный, свободного покроя черный плащ-балахон доходил до земли, скрывая ноги.

Мужчина подошел совсем близко и, не спрашивая разрешения, присел у костра.

Он хмуро осмотрел Павла, перевел взгляд на парнишку и, видимо, остался доволен, так как одобрительно хмыкнул.

Небо на востоке начало светлеть; призрачный сумрак без теней сменил чернильную темноту ночи и казался плотным, как вода.

Мужчина опять посмотрел на Павла.

— Это твоя лодка? — коротко спросил он.

— Моя, — Павлу стало не по себе.

Откуда мог взяться незнакомец, если не было слышно ни плеска весел со стороны озера, ни шума мотора.

— А вы кто, рыбак?

— Рыбак? — задумчиво повторил мужчина сиплым голосом и надолго замолчал. Над костром повисла тягостная пауза. — Можно сказать и так.

— А мы — туристы, — храбро продолжил Павел, хотя и сам толком не понимал, зачем ему, собственно, следует объясняться с незнакомым человеком.

— Туристы? — тем же безразличным тоном повторил мужчина. — Почему?

Этот простой, но глупый вопрос поставил Павла в тупик.

— Как почему? Красивое озеро, отдыхаем мы тут.

— Отдыхаете? Хорошо, — согласился странный рыбак и протянул руки к огню. — Тепло.

— Картошки хотите? — осмелел парнишка и потыкал прутиком кучку золы. — Наверное, испеклась.

Мужчина не ответил. Низко надвинутая на лоб шляпа не давала разглядеть глаза. Он вновь откинул мокрую прядь со щеки.

Павел выбрал подходящую ветку и выкатил из костра пару черных испекшихся картофелин.

Рыбак наклонился, взял одну из них и тут же выронил.

— Горячая, — удивился он.

— Конечно, горячая. Угощайтесь, — Павел не знал, как угодить гостю. Отчего-то ему казалось, что, если тот отведаст картошки, напряжение ослабнет и, может быть, кое-что прояснится.

Подавая пример, он взял картошку себе, разломил и, сдувая белый парок, поискал взглядом соль.

Мужчина, сумрачно наблюдавший за ним, тоже разломил свою картофелину.

— Вкусно, — сказал он наконец и вытер руки о плащ.

— Вы берите еще, — Павел пошнырял веткой в угольках. — Жалко, рыбы нет, уху бы сварили. Здесь ведь рыбалка замечательная, правда?

— Рыба есть, — почему-то звонким, а не прежним бесцветным голосом отозвался мужчина. — Вот!

Он сунул руку в карман необъятного черного балахона и, пошарив там, извлек на свет громадного черного окуня. В окуне было килограмма полтора. Горбатый, почти треугольный, он топорщил колочие красные плавники и судорожно разевал рот.

Рыбак разжал пальцы, и окунь упал на землю, неистово колотя хвостом, как будто его только что вытащили из воды, а не из кармана.

— Ого! — уважительно воскликнул Павел. — Как

же вы его в карман-то?

— Эх! — развеселился мужчина и вытащил второго окуня.

— Это фокус, — счастливо захохотал парнишка. Глаза его горели в ожидании нового чуда. — А судака можете?

— Могу, — рыбак достал из кармана судака.

Павел был готов биться об заклад на что угодно — такой судак ни в каком кармане не поместится. Рыбак вытащил его, как полено.

Судак брякнулся о землю и тут же выгнулся дугой. В следующий момент он взвился в воздух и опять тяжело упал — в глаза Павлу полетели песок и пепел.

Парнишка бросился на рыбину, как на футбольный мяч. Он прижал ее животом к земле и, отрывисто хохоча, закричал:

— А тайменя можете?

— Нет! — очнулся от наваждения Павел. — Не надо тайменя!

Он с опаской поглядел на мужчину и умоляюще попросил.

— Не надо. Он нам тут все разнесет. Хватит и этого. Сейчас сварим уху, а потом поплывем дальше.

Эти слова он произнес вопросительным тоном, как бы спрашивая разрешения.

Голос мужчины опять стал тусклым и сиплым.

— Плывите, — равнодушно отозвался он и повернулся к костру спиной.

Только сейчас Павел заметил, что левая пола его балахона намочла, с нее капала вода. Там он рыбу держит, что ли?

— Плывите, — повторил мужчина. — Можно, — и пошел к озеру.

Небо над водой стало совсем светлым. Павел глядел в широкую спину уходящего рыбака.

Вот он подошел к байдарке, зачем-то наклонился и потрогал борт, обернулся.

Павел снова не различил глаз незнакомца, но был уверен, что тот смотрит на него.

— Спасибо за рыбу! Как хоть вас зовут?

Мужчина пожал плечами, помолчал и после того, как Павел решил, что он уже не ответит, хрипло выговорил:

— Виткан.

— Как? — переспросил Павел.

Но незнакомец уже удалялся от байдарки в сторону зарослей тальника. Через минуту он скрылся из вида.

Парнишка встал, держа на вытянутой руке судака.

— Хорош, правда? Если бы не ты, он бы нам еще и тайменя дал. Как он сказал его зовут? Виктор?

— Балда, он сказал — Виткан.

Павел направился к байдарке, и в тот же миг от середины озера к берегу понеслась серебристая торпеда.

Он едва успел отпрянуть от воды, когда прямо к его ногам на песок выскочил полутораметровый таймень.

Китоврас вынул из колчана длинную стрелу и

осторожно положил на лавку, где аккуратным рядом расположились еще пять стрел.

Нахмутив светлые брови и сосредоточенно шевеля губами, Китоврас, словно первоклассник счетные палочки, перекладывал стрелы, внимательно осматривая одну за другой.

Вместо зазубренного острия каждая из стрел заканчивалась небольшим металлическим цилиндром, и Китоврас поочередно свинчивал наконечник за наконечником, а затем, убедившись, что все в порядке, закручивал обратно.

— Ты все же не больно-то шуми, — наставлял его Колдун. — Встретишь Ученика, и тут же назад. Сейчас не время воевать.

— Совсем воевать не собираюсь, — Китоврас, не прерывая своего занятия, полуобернулся к Колдуну. — Пусть сами не задираются.

Между печкой и столом с пустой посудой суетился домовый.

Наткнувшись несколько раз на Китовраса, который почти полностью загораживал ему путь, домовый наконец возмутился.

— Может, мне все же позволят подать завтрак, — язвительно пробормотал он в сторону, словно актер на сцене, обращаясь не к партнерам, а к зрителям. — Те, которые завтракать не хотят, могут, конечно, и подождать. Погулять, например.

Китоврас, не торопясь, сложил стрелы обратно в колчан и с сожалением посмотрел на домового. Несмотря на болезненный вид и перевязанную мокрым полотенцем голову, домовый воинственно топорилил редкую бородку и нетерпеливо стучал носком лапотка по полу.

— Тебе не завтракать — похмеляться надо, — Китоврас привычно попятился к порогу, пропуская домового к столу.

— Товарищи-то твои где? Все гуляют?

Словно в подтверждении этих слов с поляны послышался тонкий плаксивый голосок, увещеваящий глухо рычащего пса.

— Вот, это за тобой! — Китоврас звонко хлопнул себя руками по обнаженному торсу. — Собутельник твой пришел. Ну как, сегодня опять продолжите?

Домовой засеменял из избы, на ходу окликавая пса, но дверь распахнулась сама, и все увидели маленького лохматого человечка в зеленом камзоле, одной рукой прижимавшего к груди большую оловянную кружку, а другой удерживающего за ошейник ощерившегося пса. Человечек бесстрашно уклонялся от брызжущей слюной зубастой пасти и бережно охранял грозящую разлиться из кружки жидкость.

— Гарм! — гаркнул сидящий в углу комнаты Колдун, и пес тут же виновато подался в сторону, не переставая рычать.

— И как он тебя не разорвал, — неодобрительно заметил Колдун, взглянув на нового гостя. — Вот уж точно, пьяному..

— Я не пьян, — гордо сообщил человечек, следя, чтобы кружка не наклонилась и из нее не пролилось ни капли. — Я — полу... полномочный представитель. Никишка, я за тобой, — он нетвердо покачнулся, но тут же выпрямился и со всхлипом от-

хлебнул из кружки. — У нас эль кончается, — печально поведал человек Колдуну и Китоврасу, — а съезд желает продолжить работу.

— Все, Клуракан! Хватит! — Колдун решительно подошел к гостю и, взяв за плечи, развернул к выходу. — Запомни сам и другим передай: съезд закрывается. И чтоб сегодня же вас здесь не было, а то будут неприятности. Никишка, проводи!

Все это время искося следивший за Колдуном и Клураканом домовый подбежал к «полномочному представителю» и, обняв его за талию, повлек за порог.

— Ничего, — послышался с поляны его успокаивающий голос, — на будущий год у вас в Ирландии соберемся. Подумаешь, разворчался, — очевидно, имея в виду Колдуна, уже тише добавил он. — Дай отхлебнуть-то.

— Никишка! — Колдун опять повысил голос. — Вот я тебя!

— Все, все уже, — в комнате появился домовый, на ходу отирая рукавом губы. — Сегодня же и отбудут. Эх, жаль не доспорили.

— Вот так-то лучше. На стол быстрее накрывай, Китоврасу идти пора.

— Я — что, я — ничего, — домовый с удвоенной энергией заметался по избе, бреча посудой. — Давно уже все готово, сами тянете.

Завтрак прошел в молчании.

Колдун и домовый уместились на одной лавке напротив оставшегося стоять Китовраса. Тот налегал на основан на зелень, ломая руками свежеспеченный хлеб.

— В драку старайся не ввязываться, — напутствовал кентавра Колдун. — С дакинями шутики плохи. В глаза им не смотри — парализуют. Но если уж придется драться, — Колдун вздохнул, — не отступай. Ученика ты должен привести. Я его долго искал, нельзя упустить случая. И еще есть кое-какие сложности. Ученик идет не один.

— Как не один? — Китоврас даже перестал жевать и недоуменно уставился на Колдуна.

— Сам не пойму. Но с ним еще кто-то. Ночью они встретились с Витканом.

— Этого нам только не хватало! — Китоврас в сердцах ударил кулаком по столешнице. — И так шуму много. Раньше спокойнее было, люди не лезли в наши дела. И техники у них не было. Пора закрывать Инкубатор или вступать в контакт.

— И то, и другое делать рано. Ничего, как-нибудь справимся и с этим. Главное, Ученика приведи.

— Да ладно, не беспокойся, — Китоврас громко переступил копытами и потянулся к висящему на стене колчану. — Ждите к обеду. Черемши нарвать не забудь, — обратился он к домовому, вышедшему на крыльцо, чтобы придержать рвущегося с цепи пса.

Взошло солнце, и сразу же с востока подул устойчивый ветер.

Ветер гнал вдоль озера невысокую, но крутую волну, нос байдарки то и дело зарывался в воду, и Павел пожалел, что поторопился покинуть стоянку.

Тим сидел впереди, мешая обзору, — толку от

него не больше, чем от рюкзака.

«Таймень-2» — лодка надежная и рассчитана на двух гребцов, путешествовать в ней одно удовольствие, но только в том случае, если есть второе весло.

Про себя Павел решил держаться поближе к берегу. Пусть при этом придется плыть, повторяя извилистый абрис залива, зато спокойнее. Из головы не выходил загадочный ночной визит.

Чем больше Павел думал о фокусах с рыбой и вспоминал странное поведение Виткана, тем сильнее крепла уверенность: ночной гость — не человек.

Тиму о своих сомнениях он не стал говорить пока ничего. Зачем? Хватит и того, что без лишних разговоров он не может отделаться от смутных догадок.

После ухода Виткана желание Павла немедленно избавиться от Тима пропало само собой. Какая разница — вернется он в часть сейчас или через неделю. Не обсуждая ничего вслух, ребята разделили тайменя, как будто вопрос о дальнейшем путешествии вдвоем был решен давным-давно.

Павел, правда, еще колебался: не отправиться ли обратно к истоку Ки и подбрю-поздорову, но желание разгадать тайну озера взяло верх.

Тимофей, как он представился вначале, ничего нового к тому, что он сказал при встрече, добавить не мог.

Их часть пришла на турбазу неделю назад, объяснять им многого не стали, а просто поставили охранять «колочку» и мост.

Вначале выдали боевые патроны, но после того, как на третью ночь из вертолета пытались обстрелять неизвестное животное, появившееся из озера — пулемет заклинило; провели учебные стрельбы, и выяснилось, что оружие в окрестностях Тур-гая бесполезно.

Мало того, вчера при дневном патрулировании в лесу упал вертолет километрах в пятнадцати от базы. Летчики спаслись и даже добрались своим ходом обратно, но с ними творится что-то странное. Обоих поместили в карантин, из области понаехало начальство, среди солдат пошли разговоры об НЛО и других феноменах, а Тим почувствовал необъяснимое желание сбежать из части, что он и сделал вчерашним вечером.

— Понимаешь, мне будто кто-то сказал: уйди в лес.

Тим попытался обернуться к Павлу, отчего байдарка начала рыскать.

— Бросай все и уходи. Но не голосом говорил, а не понять как. Хотел рассказать об этом лейтенанту, но испугался, вдруг упекут в санчасть, как психа. Потом температура поднялась, голова заболела. Внутри как будто долбит что-то: уходи, уходи. Почему уходи, неясно. Подлез под «колочку», лучше стало. Вернулся назад, опять больной. Ну, я больше не выдержал. Собрал кое-что из продуктов, переоделся в гражданку, и в лес. А в лесу меня как будто кто-то повел. И так хорошо, спокойно стало. Потом тебя встретил.

Павел угрюмо махал веслом, внимательно поглядывая по сторонам, но не пропускал ни слова

АЗЛИТА

из сказанного Тимом. Мистика с фантастикой. Сначала запретка, потом чудовище в озере, потом рыбак с фокусами. Теперь еще психованный дезертир впридачу. Кажется, отпуск удался. А всего-то и было желание: отдохнуть на воле да собрать по возможности материал для статьи.

По большому полукругу байдарка обогнула залив. Миновав скалистый мысок, Павел взглянул вперед и вздохнул. Опять залив.

Если следовать всем изгибам берега, полдня уйдет. Напрягую намного короче. Но вспомнил золотистое гигантское тело, исчезающее в глубине, и покорно погреб вдоль скал.

Черт с ним, со временем. Торопливость обойдется дороже. К тому же, ветер встречный, волна...

Байдарка подпрыгивала на беспокойной воде, как санки на ухабистой горке. Тима на носу то и дело обдавали крупные брызги, но говорить он не переставал ни на минуту.

— Летчики в карантине все время повторяют: слабый воздух. Будто им по радиации кто-то передал — слабый воздух. А потом вертолет упал. Мне ребята, что на посту, у санчасти стояли, сами говорили. Ты не знаешь, что такое слабый воздух?

— Не знаю.

— А еще, когда их на втором вертолете хотели искать, у него мотор заглох. И бэтээр не завелся. В «уазике» цилиндры заклинило. Ты об этом что думаешь?

— Думаю, пристать к берегу не мешает. Не плывем ведь, а скачем, да и устал я уже.

Еще издали Павел заметил серебристую нитку ручья на почти вертикальной черной скале. Ручей падал не в озеро, как это случалось несколько раз перед этим, а на узкую площадку, поросшую зеленым кустарником. Значит, можно сделать привал, развести костер и перекусить.

После полудня воздух, возможно, прогреется и уляжется ветер.

Павел указал Тиму на ближайшую цель маршрута.

— Там кто-то есть, — тут же доложил Тим, представив по-матросски ладонь козырьком ко лбу. — Похоже, лиса. Рыжая.

Оранжевое пятно показалось среди валунов и сразу же скрылось, чтобы через мгновение промелькнуть уже возле ручья.

— Точно, лиса. Только странная.

— Чего же в ней странного? — поинтересовался Павел, полностью поглощенный тем, чтобы байдарку не развернуло боком к волне. — Сам же говоришь, рыжая.

— Да у нее хвостов штук десять, или не знаю, что там может быть вместо хвоста.

— Придумывай больше, — Павлу наконец удалось найти требуемое равновесие, и он вытянул шею, пытаясь из-за Тима разглядеть невиданное чудо.

Лиса как сквозь землю провалилась.

— Ох, и компот у тебя в голове! — рассердился Павел и тут же перестал грести, так как среди кустов снова мелькнул рыжий мех. Но на этот раз он совершенно отчетливо увидел, что это оторочка платья стройной девушки.

Незнакомка стояла у ручья и призывно махала рукой.

Убедившись, что ее заметили, она подбежала к самой кромке воды и звонко крикнула:

— Сюда, сюда! Дальше плыть нельзя! Опасно!

— Девчонка! — обрадовался Тим. — А я думал — лиса. Давай гребь скорее.

— Успеем, — Павлу сильно не понравились сказочные превращения. Как можно перепутать девушку с лисой? Или у Тима действительно с головой не в порядке? Напридумывал про хвосты какие-то, а сейчас сидит, вертится, руками машет.

— Ну, чего ты!

Тим сам наклонился к воде и даже стал подгрывать одной рукой, острые лопатки двумя горбиками выперли наружу.

— Правь к берегу. Смотри, какая девчонка симпатичная.

Байдарка медленно дрейфовала к отмели, где, подпрыгивая и смеясь, их поджидала девушка.

На вид ей было не больше двадцати лет, две черные косы перекинута вперед, на грудь, синее платье из плотной материи оторочено по подолу, рукавам и глухому, под горло, воротнику рыжим лисьим мехом.

Когда нос байдарки заскреб по мелким камням, Павел разглядел, что глаза у девушки пронзительно зеленые, но от них веяло таким холодом, что не спасала даже приветливая улыбка, обнажавшая крепкие белые зубы.

— Почему опасно? — попытался как-то выиграть время Павел, задавая встречный вопрос, но Тим уже суетливо выбрался из байдарки и потащил ее по мелководью к берегу.

— Там — плохая вода, — указала девушка на дальний конец залива. — Лодка не плывет, тонет.

— Что за чушь! — Павел нехотя выбрался на сушу. — Водовороты, коряги?

— Нет, просто слабая вода. Ничего не держит.

— Слабая вода? — насторожился Павел.

Только что он слышал от Тима о слабом воздухе, и вот теперь — слабая вода.

Он вопросительно посмотрел на своего спутника, но тот как будто ничего не слышал. Само созерцание девушки полностью поглотило его внимание, и сейчас он ходил вокруг нее, горделиво выпятив тощую грудь.

— Как вас зовут? — с интонацией записного ловеласа вопрошал Тим. — Вы здесь живете?

— Кумихо, — просто ответила девушка и вновь рассмеялась.

Павел отметил про себя, что у новой знакомой типично восточный тип лица. И платье — как будто она выступала в самодеятельности. В таких платьях по лесу не ходят. И вообще таких девушек Павлу не приходилось видеть никогда в жизни.

Чем больше он думал об этом, тем сильнее ему хотелось столкнуть байдарку обратно в воду и плыть отсюда куда глаза глядят. Но не бросать же здесь Тима одного.

— А меня зовут Тим. Здорово, правда? Вас — Кумихо, меня — Тим.

— Я знаю — Тимофей.

— Точно, — опешил Тим. — Откуда вы знаете?

— Знаю, — уклончиво ответила Кумихо. — Я тебя жду.

— Меня? — еще сильнее изумился Тим.

У Павла исчезли последние сомнения, что тут дело нечисто.

Все внимание Кумихо было поглощено Тимом. На Павла она едва взглянула и явно не собиралась его задерживать. Поплыви он сейчас хоть в пучину морскую, к черту или дьяволу, можно быть уверенным — Кумихо и пальцем не пошевелит, чтобы его остановить. А вот Тима она не отпустит.

Да тот и сам не стремится сбежать.

Попробуй, уговори его плыть дальше, ничего не получится.

Павел обреченно подумал, что незадачливого дезертира придется выручать, и начал выкидывать вещи из байдарки на траву между камнями.

Пока карабкались один за другим на высокий берег, — отороченное рыжим мехом платье Кумихо все время мелькало впереди, — Павел несколько раз с сожалением оглядывался назад.

Вместе с оставшейся в кустах неразобранной байдаркой он как будто терял что-то очень важное, исчезала самостоятельность, теперь полностью приходилось полагаться только на Кумихо, а делать этого Павлу как раз не хотелось.

Девушка тараторила без умолку, и по ее словам выходило, что плыть дальше никак нельзя. В конце концов Павел и сам поверил, что вода в дальней стороне залива не держит на поверхности даже птичье перо — тонет любой предмет, оказавшийся в опасном месте, — но понять этого никак не мог.

Вода — она и есть вода, существуют определенные законы физики, но, с другой стороны, девушка говорила так убедительно, что Павел решил не рисковать.

Не совсем ясным оставалось одно — куда они направляются?

Вроде бы, речь шла о том, что девушка приведет их к своим, но деревня это или просто группа людей, остановившихся в лесу лагерем, Павел так и не понял.

Зато Тима эти проблемы ничуть не волновали. Поспевать за девушкой ему не мешали ни крутая узкая тропинка, ни заметно пополневший рюкзак — в него, перед тем как затащить байдарку в кусты, сложили часть продуктов.

У Павла рюкзака не было, путешествовать по суше он не собирался, и поэтому оставшиеся консервные банки и вещи просто запихнул в байдарочный чехол, благо у того имелись две широкие ламки.

Вскоре тропинка вывела маленький отряд на ровное плато, поросшее соснами и редкими кедрами.

Кумихо, не останавливаясь, вела ребят за собой и только изредка оборачивалась, подбадривая их взглядом.

Павел отметил, что выражение глаз девушки отличается необыкновенной ясностью, какая встречается лишь у животных и сумасшедших, и это насторожило его еще больше.

Убедившись, что тропинка уводит их в сторону

от озера, он укрепился в мысли, что следует по возможности быстрее избавиться от случайной проводницы. Только вот как остановить Тима?

Поднявшийся утром от озера туман еще не полностью рассеялся на высоком берегу, и верхушки деревьев едва просвечивали через белесую пелену. Отяжелевшая от росы трава была по ногам, и скоро Павел почувствовал, что промок до колен.

— И не надо вам никуда плыть, — услышал Павел, как девушка увещевает Тима. — У нас костер, обогреетесь, попьете чаю.

— Мы никуда не торопимся, у нас отпуск, — Тим почти вплотную шел за Кумихо, шаркая тяжелыми сапогами. — Отдыхаем.

И только Павел захотел возмутиться и вмешаться в разговор: это Тим-то отдыхает, это ему-то некуда торопиться! — как за близким поворотом раздался треск ломающегося дерева, и толстый кедровый ствол рухнул к ногам путешественников, обдав их брызгами росы, разлетевшейся с ветвей.

Еще ничего не успев понять, Павел заметил, как хищно изогнулась спина девушки, словно когти, скрючились пальцы. Кумихо отпрянула назад на дружиняще-согнутых ногах и тоненько закричала на одной высокой ноте.

В ответ ее пронзительному крику, почти переходящему в ультразвук, послышалось низкое отрывистое бормотанье. Слов было не различить, но в том, что это речь, а не бессвязный шум, Павел не усомнился ни на секунду.

— А-ах! — разнеслось над лесом, и сразу же вслед за этим Павел увидел, как мощная, почти слоновья, стопа опустилась на верхушку упавшего дерева.

Ствол треснул по всей длине, но не переломился, а лишь вжался в землю, а следующее движение другой гигантской ноги вынесло из-за поворота не менее гигантское туловище.

Шквальным порывом ветра Павла отбросило в сторону, и он упал, ударившись спиной о сосну. Тим также не устоял на тропе и отлетел в кусты. Одна Кумихо продолжала удерживаться на ногах, но и ей это удавалось с трудом.

Упираясь ладонями в невидимую стену, девушка стояла в облепившем ее фигуру длинном платье, а две черные косы вытянулись за ее спиной, как струны.

Вид появившегося перед путешественниками существа был ужасен, и Павел даже заслонила глаза рукавом, чтобы не встретиться с ним взглядом, но все равно успел отметить поразительно непропорциональное сложение массивного четырехметрового тела.

Короткие по сравнению с корпусом ноги и руки монстра как будто были лишены суставов и заканчивались острыми ярко-красными когтями. Кажущаяся громадной даже на грузном торсе голова покоилась прямо на плечах. Толстые губы, словно нарисованные кармином, жутко оттеняли кривые белые клыки, перекрещивающиеся в уголках рта.

Но самым непременным в этой пародии не то на двуногого ящера, не то на человека был взгляд.

Глаза, а вернее темные провалы в верхней ча-

сти черепа, зияли, как две бездонные дыры, и даже Кумихо отвернула лицо, чтобы не смотреть на дакиню.

Снова над лесом послышалось громкое прерывистое бормотание, и Кумихо звонко закричала в ответ, продолжая отгораживаться от дакини ладонями:

— Я не хочу тебе зла! Я только встретила Ученика и увожу его от Колдуна. Не трогай нас! Мы — заодно!

Но дакиню примиряющие слова не остановили ни на мгновение.

Новый шаг метра на три приблизил ее к Кумихо, и Павел увидел, как задрожало тело девушки, теряя человеческие очертания, как полыхнул оранжево-рыжий мех, и тут же на тропе вместо недавней симпатичной проводницы появилась большая лисица, но не с одним, а по крайней мере с десятком хвостов, падающих искрящимся веером на землю.

Лисица злобно твякнула и рыскнула в сторону, пробежав так близко от Павла, что он ощутил, как его руку щекотнул мех.

Избегая дальше смотреть на тропу, Павел почувствовал вдруг такую беспомощность и отчаяние, что не нашел в себе сил хотя бы отползти подалее в кусты.

Два раза сильно вздрогнула земля — значит дакиня сделала еще два шага. «Где же Тим? Почему молчит?» — успел подумать Павел перед тем, как страшной силы вспышка ослепила его даже сквозь закрытые веки.

Сразу вслед за вспышкой последовал взрыв, и когда Павел через какое-то время открыл глаза, не веря, что еще жив, совсем близко от него поднимался большой белый столб скрученного жгутом воздуха.

В наступившей тишине послышался дробный топот копыт, но не успел Павел обрадоваться знакомому земному звуку, как из леса рысью выбежал конь и всадник одновременно — вполне мифологический кентавр.

Остановившись у истончающегося на глазах смерча, он высоко поднял отливающий металлом арбалет и крикнул, устремив взгляд на поворот тропинки, где, как только сейчас заметил Павел, появилась вторая дакиня — точное повторение исчезнувшего в воздушном вихре чудовища.

— Ваджраварахи! — арбалет в мускулистых руках кентавра чуть дрогнул, ловя колеблющуюся тень. — Стой там, где стоишь! Если двинешься, уйдешь вслед за сестрой!

Кентавр, не переставая целиться, полуобернулся к Павлу и ободряюще улыбнулся. Голубая лента, стягивающая кудри кентавра, повторяла цвет его глаз, а от всей его гармонично напряженной фигуры веяло таким спокойствием и уверенностью, что Павел, не задумываясь, улыбнулся в ответ.

— Вставай! — не забывая краем глаза следить за дакиней, приказал кентавр. — Подойди ко мне. Тимофей! — Из густых кустов, до этого скрывавших его с головой, поднялся Тим. — Тоже иди сюда. Будем потихоньку отступать. — И кентавр медленно попятился, прикрывая собой ребят.

— Ваджраварахи! — снова крикнул кентавр, и в ответ раздалось глухое бормотание. — Не преследуй нас! Если двинешься с места, я загоню тебя в Коридор, будешь жить там вечно. Ты меня знаешь, Ваджраварахи!

— Забирайтесь ко мне на спину, — обращаясь уже к Павлу и Тиму, еле слышно прошептал Китоврас. — Быстрее!

— Да как же... — заныл было Тим, положив одну руку на рыжий круп.

Но, словно избавившись от наваждения, Павел обхватил Тима за ноги, как мешок, перекинул поперек хребта кентавра и тут же следом высоко подпрыгнул сам.

По глазам хлестнули гибкие ветки, и, заслоняясь рукой, Павел почувствовал, как мощно заходили под ним упругие мышцы, а в уши ударил размеренный топот.

— Все-таки я ничего не понимаю, — в который раз повторил Павел.

Притихший и растерянный Тим шагал рядом и в ответ только неопределенно пожал плечами. После того, как Китоврас, проламываясь сквозь чащу, вынес ребят на какое-то подобие дороги и уверенно повел за собой, возбуждение от того, что счастливо избежали опасности, пропало. Настал черед вновь задуматься над тем, что происходит: короткие и явно неохотные объяснения кентавра по поводу недавних событий не давали возможности успокоиться.

Любые попытки хоть как-то осмыслить случившееся казались глупостью. Да и трудно было мало-мальски поверить в то, что страшная встреча на тропе всего лишь дурной сон, стоило лишь посмотреть на их нового проводника.

Время от времени Павел осторожно взглядывал на идущего впереди кентавра и даже пару раз потряс головой, чтобы избавиться от наваждения. «Наваждение» же шло как ни в чем ни бывало, покачивало гнедым, явно подстриженным хвостом, иногда оборачиваясь к своим спутникам, чтобы подбодрить их улыбкой.

— Здоровый мужик, верно, — нарушил наконец молчание Тим. — Как он там этих...

— Э-хе-хе, — Павел выразительно посмотрел на Тима и повертел у виска пальцем. — Еще скажи — конь.

Две широкие цветные перевязи, поддерживающие арбалет и колчан с неизрасходованными стрелами, перекрещивали торс Китовраса, как пулеметные ленты. Поймав себя на этом сравнении, Павел усмехнулся.

Десять минут назад их спаситель попытался объяснить, что они направляются в безопасное место, но ведь то же самое говорила и Кумихо перед тем, как появились дакини, а потом она сама превратилась в лисицу. К тому же бунтовал рассудок, отказываясь воспринимать действительность как реальность.

— Все, дальше не пойдем! — Павел резко остановился и попридержал за рукав Тима. — Давайте, что хотите, а мы возвращаемся обратно к озеру.

— Обратно вы не пройдете, — Китоврас через плечо насмешливо взглянул на Павла, но тут же пригасил улыбку. — Неужели до сих пор не поняли, что это не парк культуры с безобидными аттракционами? Не бойтесь, силой не поведу, — добавил кентавр, видя, что Павел нагнулся за сухой толстой палкой. — Но вас же просто не пропустят к озеру.

— Здесь что, облава на людей? — отважно спросил Тим, стараясь держаться поближе к Павлу. — Учтите, меня второй день ищут. Сейчас вертолет прилетит.

— Не прилетит сюда никакой вертолет, а вот кое с кем похуже дакинъ вы еще встретитесь. И давайте подробно обо всем поговорим у Колдуна, пока не начались новые неприятности.

— За нами гонятся? — мгновенно обеспокоился Тим и завертел головой, пытаясь разглядеть очевидную опасность.

Китоврас терпеливо ждал, пока его спутники придут к какому-нибудь решению, когда сбоку от заросшей травой просеки послышались нестройные голоса.

— Ну вот, кажется, дождались, — мрачно проворчал Павел и крепче сжал увесистый сук. — Начинается продолжение предыдущей серии.

Он покосился на Китовраса, ожидая, что и тот готовится к боевым действиям, но кентавр оставался спокоен, а вместо ожидаемых чудовищ на просеке оказалась странная процессия.

Нестройная толпа маленьких человечков, возбужденно гомоня, вывалилась из чащи метрах в тридцати от стоящего впереди Китовраса. Их внимание было настолько поглощено бравыми восклицаниями, похлопыванием друг друга по плечам, а главное, большой темно-зеленой бутылкой, которую крепко держал идущий в центре этой кучи-малы коротышка, что ни кентавра, ни ребят они даже не заметили.

Из-за разноцветной одежды и высоких, почти детских голосов человечки очень напоминали компанию цирковых лилипутов, выбравшихся на пикник.

— Ну вот, по последней, — остановился посреди просеки владелец бутылки и выдернул пробку. В воздухе звонко чмокнуло. — Лучший ирландский эль...

— В Англии эль не хуже, — сварливо заметил человек в черном костюме с серебряными пуговицами. — Его потому и выпили раньше. Остался один ирландский.

— А медовуху вообще выпили сразу, еще до дегустации, — ревниво напомнил крохотный бородач в лапотках. — Весь годовой запас, — гордо добавил он.

— Никишка! — Китоврас подбоченился и грозно уставился на любителя медовухи. Толпа домашних охнула. — Тебя ведь предупреждал Колдун, что пора заканчивать. Тебе что, обычных слов мало!

— Китоврасушка! — домовый восторженно взмахнул руками, как будто встретил неожиданного, но дорогого гостя. — Ты уже здесь. И Ученика привел, — но, видя, что его слова не произвели на кентавра должного впечатления, совсем льстиво добавил: — Смотрите, молодец какой.

— Сумасшедший дом, — простонал Павел и бросил тяжелый сук на землю. — Сумасшедший дом на отдыхе, вот что здесь такое.

— На посошок! — загомонили домовые и вразброд потянулись в лесную чащу по другую сторону просеки.

Перед кентавром остался стоять один Никишка, держа перед собой, как букет, пучок черемши.

— Стараешься для тебя, стараешься, — обиженно заметил он Китоврасу, — а благодарности не дождешься. Чуть что, так все «Никишка да Никишка». С друзьями попрощаться не дал.

— Ничего, и без тебя справятся. Там, наверное, Колдун заждался, так что давай поторапливайся.

Домовой совсем по-детски шмыгнул носом и, сунув пучок черемши под мышку уже не как букет, а как веник, повел странную группу за собой.

Гарм задыхался от бешенства. Сдавивший горло ошейник не давал ему лаять, и пес только хрипел, рискуя опрокинуться на спину из-за натянувшейся до предела цепи.

Павел не успел даже толком разглядеть дом на внезапно открывшейся поляне, как пес кинулся им навстречу. Китоврас и тот остановился на опушке леса; один Никишка бесстрашно продолжал идти как ни в чем не бывало, на ходу успокаивая беснующегося стража.

Гарм походил на собаку не больше, чем тигр на суслика.

Павел видел яростные, налитые кровью глаза пса почти на уровне своего лица. Металлический ошейник вдавился в горло так, что у Гарма перехватывало дыхание, но он все равно стремился вперед, как будто для него в жизни не было никакой иной цели, кроме одной — разорвать.

— До чего злопамятный пес, — вздохнул Китоврас, глядя, как Гарм, беснуясь, несколько раз щелкнул громадной пастью. — И ведь лягнул-то всего один раз сто лет назад, когда еще тот был щенком. А надо же, помнит.

— А цепь где? — удивился ставший после встречи с даkinями очень осторожным Тим. — Цепи не вижу.

— И не увидишь, — Китоврас терпеливо дождался, пока домовый успокоит пса или на крыльцо выйдет Колдун. — Его цепь — всего лишь заклепка. Древние скандинавы говорили, что Гарм сидит на цепи, сделанной из кошачьих шагов, рыбьего дыхания и птичьей слюны. Очень образно, но не совсем верно.

Павел еще хотел спросить кентавра, добрались ли они наконец до цели, но не успел, так как во внезапно наступившей тишине послышался скрип стальных петель, дверь дома распахнулась, и на крыльцо вышел Колдун.

То, что это именно Колдун, а не кто другой, не вызвало у Павла ни малейшего сомнения.

Высокий белобородый старик в длинной, похожей на кафтан одежде картинно застыл в дверном проеме, опираясь одной рукой на посох, а другой держась за косяк. Суровое с крупными правильными чертами лицо было спокойно и не выдавало никаких чувств.

Вполне обычное лицо, может быть, даже слишком обычное, если бы не глаза, глядящие из-под тяжелых век пронзительно и страшно.

Следуя за Китоврасом, Павел и Тим прошли мимо пятого пса и поднялись на крыльцо.

Из темных лиственничных бревен избы при желании можно было бы построить и крепость, произвольно отметил Павел, прежде чем войти в горницу. Он так устал от непрерывно следующих друг за другом непонятных событий, что воспринял встречу с Колдуном почти равнодушно. То, что казалось совершенно невероятным два часа назад, стало вполне обыденным, и, оказавшись изба каким-нибудь, например, центром управления космическими полетами или наоборот средневековой хижинкой, это вряд ли поразило бы его воображение. Но внутреннее убранство комнаты было вполне привычным и земным.

Обычный дом с грубой рациональной мебелью.

Стулья, лавка, стол, высокий шкаф с плотно прижатыми корешками книг, большая русская печь. Кругом чистота, и в довершение всего совершенно домашние ситцевые занавески на окнах.

Павел оглянулся как раз вовремя, чтобы заметить, как неловко протискивается в комнату кентавр. Следом за Китоврасом вошел и тщательно прикрыл за собой дверь Колдун.

Несмотря на то, что внутри дом оказался достаточно просторным, в комнате стало тесновато. Павел несколько раз обеспокоенно взглянул на копыта кентавра, мелко переступавшие около самых его ног.

Домовой сразу же подался поближе к печи и, открыв заслонку, загремел какими-то горшками и кастрюлями. Никто не решался первым прервать неловкое молчание. Не знал, что сказать приличествующее случаю, и Павел, поэтому он просто скинул на пол брезентовый мешок и помог снять рюкзак Тиму.

Больше пока делать было нечего.

— Здесь вы в безопасности, — Китоврас также снял, стянув перевязь через голову, колчан со стрелами и положил на стол сверкающий хромированными деталями арбалет. — Так что располагайтесь, отдыхайте, спрашивайте. Теперь можно.

— А раньше было нельзя? — не удержался от язвительного замечания Павел.

— Какой разговор на ходу, — кентавр остался невозмутимым. — В общих чертах я все вам уже рассказал. Остались детали.

— Хороши детали. Я как не понимал ничего, так и не понимаю. Что здесь вообще происходит? Вы кто, пришельцы?

— А что, сильно похожи? — усмехнулся, ответив вопросом на вопрос, Колдун.

— Вы, может, и нет, — Павел смерил Колдуна взглядом. — А вот кентавров мне видеть еще не доводилось. А на тропе что произошло? С кем мы там встретились? А в озере кто живет? Зачем мы вам понадобились? — Павел оглянулся на Тима, как бы ища у того поддержки.

Колдун неторопливо прошелся от двери к окну, при этом занавеска едва заметно дернулась, но

осталась висеть на месте, и сел на лавку, поставив между колен посох. Он задумчиво покивал головой, словно отвечая про себя каким-то своим мыслям, и пронзительно взглянул на Павла.

Павел дернулся, как от удара, и в следующее мгновение отчетливое понимание происходящего заставило его вслепую нашарить стул и опуститься на жесткое сиденье.

— Не может быть, — растерянно прошептал он. — Неужели это правда?

— Что правда, что? — дергал его за рукав Тим. — Я тоже хочу знать.

— Сейчас узнаешь, — прошептал Павел и повернул побледневшее лицо к своему спутнику.

Ночь выдалась ясной и холодной.

Павел и Тим сидели на крыльце, прижавшись друг к другу плечами, — так было теплее, и вполголоса неторопливо переговаривались, иногда надолго замолкая.

Китоврас и Колдун тактично остались в доме, не мешая гостям обмениваться впечатлениями. Домовой копошился в невидимом отсюда дровяном сарае, а проникшийся неожиданной симпатией к Тиму Гарм терпеливо стоял сбоку от крыльца, позволяя выдирать колючки репейника из густой шерсти.

— Ну и зверюга, — Павел опасливо покосился на пса. — Неужели ты его совсем не боишься?

— Конечно, нет, — беспечно ответил Тим и не сильно дернул Гарма за ухо, отчего пес глухо заворчал. — Чует хозяина. Не трусь, пока я рядом, он никого не тронет.

— Хозяина... — Павел тоскливо взглянул на звезды. — Чертовщина какая-то. Ты — и Ученик Колдуна. В голове не уместается. Тим, — робко спросил он, — ты точно решил остаться?

— Почему бы и нет. — Тим оттолкнул пса и повернулся к Павлу. В темноте восторженно блеснули его глаза. — Это ведь один шанс на миллион. Представляешь! Хотя дома, наверное, не поймают, — тут же загрустил он. — Но я им все объясню.

— Объяснишь?

— Да это не проблема. Теперь не проблема. Я ведь и сам еще толком не знаю, что могу, но прямо чувствую, какая во мне сила. Что бы сейчас сделать? Ну, например, вот.

Тим несколько раз прихлопнул ладонями, как будто лепил снежок, и тут же в его руках засветился молочно-белый упругий шарик.

Несильно подбросив его в воздух, Тим подул на него, и шарик взлетел над поляной, залил траву и дом холодным ярким светом.

Потом странный колобок, тихо треща, медленно поплыл в сторону леса и там вдруг громко взорвался, ослепив на миг зачарованно следящего за ним Павла.

— Что это было? Шаровая молния?

— Не знаю. Я просто захотел сделать такой шарик и сделал. А молния это или нет, у Колдуна спрашивай. Я еще вот что могу...

Тим внимательно посмотрел на угол дома, где около самых бревен стоял поникший под ледяной

росой куст жарков.

Цветы сомкнули лепестки в горсть и, казалось, зябко вздрагивали от ветерка, налетавшего с озера.

Павел заметил, как напряглось лицо Тима, и сразу же вслед за этим встрепенились ломкие стебли, освобождаясь от скатывающейся по ним росы, разом распахнулись сжатые до этого чашечки, полыхнув в темноте пронзительно оранжевым цветом.

— Вот, — удовлетворенно откинулся на верхнюю ступеньку Тим. — Убедился? — И, не дожидаясь ответа, нелогично продолжил: — А ты все понял насчет Коридоров, криттенов этих?

— Не криттенов, а криттеров, — машинально поправил Павел. — Криттер — по-английски тварь. Я об этом читал кое-что, но не думал, что это может быть правдой настолько, что я сам с ними встречусь.

Понимаешь, при всевозможных планетных катаклизмах: землетрясениях, извержениях вулканов или, скажем, при падении крупных метеоритов, а следовательно, мощных взрывах — возможен большой выброс энергии, который сопровождается резким электромагнитным всплеском. При этом иногда искривляется пространство, замыкаясь в гравитационный коллапс, или, как еще говорят, «сферу Шварцшильда». Таким образом появляются Коридоры, ведущие в иные миры. Короче, я и сам многого не понимаю, это какой-то запредельный уровень. Лучше еще раз спросить у Китовраса, он ведь как-никак Инспектор. Ходит по этим Коридорам, как у себя дома.

— Инспектор, Хранитель, — недовольно пробурчал Тим. — Вот дракон — это понятно. Озеро — Инкубатор, тоже более-менее ясно, а все эти сферы Шварцшильда, криттеры, электромагнитные излучения пусть физики изучают.

— Да не знают ни черта твои физики! — Павел даже вскочил от возбуждения, но тут же снова сел, предупрежденный тихим рычанием Гарма. — Если бы они толком знали о Коридорах, ядерные испытания запретили бы давно-давно. Китоврас ведь говорил, что Коридоры сейчас почти постоянно открыты именно из-за этого. Пускаем в свой мир неизвестно кого, а потом плачем, разобраться ни в чем не можем.

— И что ты теперь собираешься делать?

— Пока не знаю. Может, подожду твоего окончательного решения. Захочешь — уйдем вместе. Китоврас обещал помочь выбраться к поселку. Хотя, если честно, хотелось бы пожить здесь, посмотреть, чем закончится эта заварушка. Колдун говорил, что у них неприятности. Слишком много сейчас вокруг Инкубатора криттеров, не все они здесь нужны. Есть такие, что просто мешают. Вот дакини, например. Как я понял, Колдун прогнать их пока не может. Потом с инопланетянином этим желаю побольше потолковать...

— Это с Китоврасом, что ли?

— С ним самым. Галактический инспектор... С ума сойти.

Словно услышав, что говорят про него, на крыльцо выбрался кентавр. Павел и Тим посторо-

нились, освобождая ступени, и Китоврас неловко спустился по ним на поляну, стараясь не поворачиваться к Гарму спиной.

— Хороша ночка! — кентавр протопал к опушке и встал под деревом с густой лиственной кроной. — Душ принять не хотите? — спросил он и, не дожидаясь ответа, встряхнул гибкий ствол.

Роса с банным плеском обрушилась на обнаженный торс, и Китоврас добродушно ухнул, как будто от ледящей свежести у него перехватило дыхание, а от дровяного сарая послышался недовольный голосок домового:

— Опять купаться вздумал. Полотенец на него не напасешься!

Павел разгладил лежащую на столе туристическую карту озера и вопросительно взглянул на кентавра. Китоврас стоял, в задумчивости теребя курчавую бородку, голова Павла едва достигала его плеча.

— Ну и карты у вас, — Китоврас хотел еще что-то добавить, но сдержался. — Как вы умудряетесь по таким схемам ориентироваться, ума не приложу.

— У меня еще кроки есть, — Павел торопливо начал листать блокнот. — От устья Чилей через километр родник, еще через двести метров судоходный бакен, потом рыбацья избушка.

Китоврас пренебрежительно махнул рукой.

— Здесь тебе кроки не помогут. Я ведь уже говорил, что по воде не пройдешь, так что забудь о байдарке. Идти придется берегом, а лучше напрямик через перевал до водопада Три Ступени, потом опять вверх по Сухому хребту прямо на юг. Вот там и найдешь пещеру, где живет Алабелла.

— Может быть, все-таки пойдете со мной? Вы ведь собирались идти к Алабелле.

— Так это было два дня назад. Теперь уже не имеет смысла. Я прямо чувствую, что Путешествие начнется очень скоро. Возможно, сегодня ночью. Да и Колдун говорит то же самое. Так что, если хочешь, иди один. Хотя не советую.

— Это из-за того, что после начала Путешествия Алабелла не станет отвечать на вопросы? Я постараюсь успеть. Тут и пути-то самое большое дня на два. Ведь точно не знает никто, когда улетит дракон. Кстати, почему вы дракона называете поразному? Колдун зовет его Вуйвр, а вы...

— Я называю его Нирах. Под этим именем дракон был известен у шумеров. А вообще-то имен у дракона множество. Китайцы, например, зовут дракона — Лун. Но они прекрасно знают, что драконы бывают разные. Тот, что сейчас в озере, для них — Хуан-Лун, то есть желтый, и они никогда не перепутают его с Чи-Луном или Сюань-Луном. Племена арикана называли бы этого дракона Мармарину, шотландцы — Кирейн Кройном, египтяне — Акером, иранцы — Ажи-Дахаком, а корейцы — Куроньи. Существует еще немало имен, перечислять их все не имеет смысла.

— А у русских это — Змей Горыныч?

— Нет, скорее Огненный змей.

— Я читал латышские сказки, там тоже есть огненный змей, он появляется в виде летящего пла-

мени. Кажется, его зовут Пуке.

— Точно. Могу тебе для коллекции добавить Ба-лаура, под этим именем дракон известен у восточнороманских народов, и, возвращаясь к началу разговора, отмечу сходство этого названия с уже известным тебе Вуйвром. Кстати, это тот же огненный змей, но по-старофранцузски.

— А как же называете его вы? — спросил Павел и прикусил губу.

Щекотливую тему инопланетного происхождения Китовраса он еще не затрагивал. Спросить об этом впрямую он пока не решался, а сам кентавр, по-видимому, был не очень склонен обсуждать этот вопрос. Возможно, подобная беседа казалась ему преждевременной, возможно, он просто не рассчитывал на понимание, так или иначе, кроме самых сухих и разрозненных сведений о Китоврасе, Павел не знал ничего.

Поняв, чем вызван прямой вопрос, Китоврас помедлил и внимательно посмотрел на Павла, но потом не менее прямо ответил.

— Я не делаю тайны из своего языка и, если хочешь, могу даже дать тебе начальные уроки. Но, согласишься, сейчас тебя интересует вовсе не это. Поэтому скажу, что моя планета находится в созвездии Плеяд. Наша раса значительно древнее земной, а наша миссия — быть наблюдателями в Инкубаторах, подобных этому, на Земле. На этой планете — это последний Инкубатор. Но в космосе существует еще несколько таких же. Несмотря на древнее происхождение и множество знаний, которые значительно превосходят знания вашей цивилизации, мы так же не знаем многого. Мы только стремимся к этому, но не уверены — достигнем ли абсолютного понимания всемирных законов. Нам известно, когда дракон прибывает на ту или иную планету за яйцом, — тибетцы называют его Дунги Гонгмо, — являющимся катализатором протозиты, но никто еще не сумел объяснить, каким образом оказывается яйцо в Инкубаторе, откуда появляется дракон и куда он отправляется. Об этом мы только догадываемся. Каждое такое Путешествие совершается примерно один раз в пятьсот земных лет.

— Зачем же тогда здесь живет Колдун? — от волнения Павел не замечал, как его пальцы мнут край карты, словно ненужную бумажку. — Он что, тоже с другой планеты?

— Как раз нет, — Китоврас с сочувствием и одновременно с сожалением смотрел на Павла, лицо которого пошло красными лихорадочными пятнами. — Хранитель берется всегда из местных. Он, разумеется, не совсем обычное существо в вашем понимании, поэтому вы его и называете колдуном. Но так проще, и мы не против. Колдун так колдун. Первоначально его приходится искать, а потом Хранитель сам находит себе замену, ученика.

— Так, как сейчас нашли Тима?

— Иногда так, иногда — иначе. Колдун сам знает, кто будет его учеником. Главное, чтобы тот обладал маниту, — и, заметив недоуменный взгляд Павла, кентавр добавил: — Маниту — это магическая власть, невидимая сила. Часто люди сами не понимают, что обладают такой силой, тогда им

нужно помочь.

— Это Тим-то — колдун? Он недавно школу окончил, ему еще учиться и учиться.

— Это не те знания и не та сила, — прервал Павла Китоврас. — Ты ведь уже убедился, что Тимофей может многое, хотя и знаком с Колдуном всего один день. Люди только начинают догадываться, что сумма сугобо практических, с их точки зрения, знаний не дает главного — возможностей не противоборствовать, а объединиться с природой, космосом, если угодно. Мы все прошли через подобное противостояние. Такой путь — тупик.

Павел хотел еще что-то возразить, но с поляны послышался высокий голос Тима. Он дразнил Гарма, держа перед его носом большую кость.

— Служи, Гарм, служи, — приговаривал Тим, не давая псу вырвать кость из рук. — Вот так, молодец!

Павел отодвинул занавеску и выглянул из окна как раз вовремя, чтобы увидеть, как страшный лохматый пес неуклюже садится на задние лапы, словно болонка, выпрашивающая сахар у хозяина.

Пуховые шарики редких облаков казались подсиненными — такой пронзительной голубизны неба Павел не видел давно. Да он уже и забыл, когда еще доводилось вот так, лицом вверх, лежать на свежескошенной траве и слушать журчащую песню кузнечиков.

Рядом, так же заложив за голову руки, лежал Тим. Разговаривать было лень, не хотелось шевелиться, но Павел все же приподнялся на локте, чтобы еще раз посмотреть на пасаку —

примерно десяток ульев, между которыми неспешно расхаживал Никишка.

— Образцовое хозяйство, — как бы про себя проговорил Павел и вновь рухнул на душистое сено. — Старательный у тебя домовой. Омшаник выстроил капитальный, пчел развел, вот даже сена накопил на зиму, кого только кормить будет — неизвестно.

— Это почему неизвестно? — Тим перекатился со спины на живот и прикусил сухую травинку. — Зимой разную живность будет подкармливать. Ко-сульт, зайцев.

— Медведей, — продолжил ему в тон Павел.

— Медведи сами не придут.

— Что, ты непустишь?

— И я не пуцу, — не принял шутки Тим. — И сами не сунутся. Они Гарма чуют.

— Ты, кажется, окончательно вжился в роль будущего Хранителя. Скажи, тебя это все не пугает? Ты во всем разобрался? Ты хоть понимаешь, Тим, на что идешь? Посмотри на Колдуна, и ты ведь будешь таким.

— Таким, наверное, нет, — Тим глядел куда-то вдаль, не поворачивая лица к Павлу, в его губах мелко дрожала, прикушенная крепкими зубами, травинка. — А вот знать и уметь буду, конечно, не меньше.

— Он тебя как учит, лекции читает или больше на практике?

— Отстань, — примирительно попросил Тим. — Не читает он никаких лекций. Просто для того, что-

бы учиться, надо быть с ним рядом. Я тебе этого объяснить не могу, это надо чувствовать.

— Куда уж нам, — немного обиженно протянул Павел. — Мы в колдуны рылом не вышли.

— Глупости опять говоришь, да к тому же и сам это понимаешь. Просто я, ну более способный, что ли. Ты к Алабелле идти не раздумал?

— Не раздумал. Жутковато, правда, но пойду.

— И о чем спросишь? Сколько лет проживешь?

— Вот это ни в коем случае. Об этом я не хотел бы узнать ни за что.

— Почему? — разговорился Тим. — Представляешь, зато точно можно рассчитать, что стоит делать, что нет. Будешь четко знать, как построить свою жизнь. Об этом ведь тоже можно спросить. Узнаешь, на что способен.

— Вот сам иди и спрашивай, — Павел рассердился и стал грубить. — Узнаешь, когда помрешь, когда влюбишься. Не забудь уточнить, когда заболеешь и чем, в каком году будет проведена денежная реформа и что ты на этом заработаешь.

Тим внимательно посмотрел на Павла и неожиданно расхохотался.

— Чудак-человек! Зачем злишься? Мне-то об этом знать как раз ни к чему. Я о себе и так кое-что знаю. Мне больше надо о своем бессмертии беспокоиться. Бессмертие — тоже проблема.

— Скажешь тоже, — Павел недоверчиво покоился на Тима. — Ты что же, будешь жить вечно?

— Если захочу. Колдун вот не хочет.

— Ему что, надоело?

— Сложно все это, — веселые искорки в глазах Тима погасли. — Об этом я и сам хотел бы спросить у Алабеллы, но, наверное, не решусь. Колдун, кстати, так и не осмелился. Но ты так мне и не ответил, зачем идешь к Алабелле.

— Сам бы хотел знать. Когда я разговаривал с Китоврасом, он сказал, что миссия его народа быть наблюдателями. Мы же до сих пор бьемся над вопросом, зачем живет человечество. Мало того — спорим: одиноки во Вселенной или нет. Хотя, по-моему, и ежу понятно, что не одиноки, а лишь дики и необразованны. Не потому ли тысячелетиями пытаемся решить вечный вопрос: в чем смысл жизни? Ответов, разумеется, столько же, сколько и спрашивающих.

— Ага, понятно. Значит ты приходишь к Алабелле и прямо с порога спрашиваешь — в чем смысл жизни? Проблема в один момент разрешается, а дальше ты несешь полученные знания человечеству, избавляешь его от сомнений невежества, и...

— Ах, так! — Павел внезапно вскочил и бросился на Тима. — Издеваешься! — Он шутиливо ухватил Тима за плечи и прижал к земле. — Колдун несчастный!

Павел так и не понял, что произошло в следующую минуту. Он вдруг почувствовал, как его тело мягко подбросило в воздух. Сколько он теперь ни пытался дотянуться до Тима, ничего не получалось. Павел висел горизонтально и, как пловец, разводил руками. В полутора метрах под ним лежал Тим и заливался мальчишеским хохотом.

— Отпусти! — взмолился наконец Павел. Шут-

ка ему не понравилась, уж слишком беспомощными и унижительными казались его попытки вернуться в прежнее положение. — Хватит!

Тим всхлипнул еще раз, подавив последний смешок, и Павел тяжело рухнул на охапку сена. От ульев к расшалившимся парням мелко семеня домовой, в руках он держал деревянную миску с крупно нарезанными ярко-желтыми сотами.

— Никишка! — воскликнул Тим и сел, обхватив руками колени. — Вот Павел интересуется, как тебе здесь живется. Его, кстати, сильно смущает твое инопланетное происхождение.

— Придумаете тоже, — почему-то рассердился Никишка. — Я вам что, Китоврас? Это он туда-сюда шастает, а мы, домовые, испокон веков тут живем.

— Так ведь не всегда жили, а пришли когда-то по Коридору.

— Ну пришли, — неохотно согласился домовой. — Только очень давно. И, значит, поселились. Нам здесь понравилось. Теперь уже и не помнит никто когда. Люди и домовые всегда вместе жили. А, может, это не домовые, а люди на Землю пришли, — осенило внезапно Никишку. — Очень даже запросто. — Он поставил миску между ребятами. — Вы лучше мед ешьте, он сильно полезный, тогда и вопросов будет меньше.

Павел выбрал квадратный, истекающий медом кусок и с наслаждением откусил. Мохнатая пчела истерически взвизгнула над самым ухом, и он добродушно отмахнулся, занятый лишь тем, чтобы мед не капал на землю.

По утрам озеро окутывалось туманом.

Белая пелена стояла над водой, заполняя пространство между горами.

Потом налетал ветер.

Он взвихривал туман, и тот, словно пар от кипящей воды, поднимался вверх, надолго застревая в густых кронах деревьев, покрывающих каменистые склоны.

Глядя на клубящееся туманом озеро, Павел вспомнил старое алтайское название этой местности — Котел колдуна — и в очередной раз подивился точности сравнения.

Ждать до полудня, когда солнце окончательно прогреет воздух и туман рассеется, Павел не захотел. Впереди — трудная дорога, важен каждый час. Как он ни рассчитывал свой маршрут, все равно выходило, что хотя бы одной ночевки не миновать.

Временами тропа терялась между деревьями, и тогда приходилось возвращаться. Павел ругал себя за непредусмотрительность — ну что ему стоило захватить из дома компас.

Вчера он попытался объяснить Китоврасу, что компас ему необходим, но тот лишь сожалеюще развел руками, а потом торжественно вручил Павлу арбалет и пять длинных стрел в легком металлическом колчане.

Арбалет, несмотря на то, что производил впечатление массивного и грозного оружия, весил совсем немного, но зато был слишком велик, нести его в руках неудобно, а закинутый за спину, он постоянно цеплялся за ветки, и Павел даже пару раз подумал, не оставить ли его где-нибудь под кам-

нем, но вспоминал дакинью и тогда, успокаивая себя, гладил рукой хромированное ложе.

Вчера, обучая Павла пользоваться арбалетом, Китоврас устроил пробные стрельбы.

Стрела, лишенная грозного наконечника, легко ложилась в продольную ложбинку, пневматический затвор до упора оттягивал тетиву, а спуск был так мягок, что выстрелить смог бы и ребенок.

— Но будь все-таки осторожен, — наставлял напоследок кентавр. — Не стреляй, пока не убедишься, что другого выхода нет. Всегда можно договориться. Почти всегда, — добавил Китоврас, заметив, что Павел недоверчиво взглянул на него. — Не стреляй в упор. Если окажешься близко от цели в момент выстрела, то и сам можешь оказаться втянутым в Коридор, тогда еще неизвестно, удастся ли мне тебя оттуда вытащить.

— А с кем я могу еще встретиться, кроме дакинью?

— Трудно сказать. Одни уходят, приходят другие. В основном криттеры стремятся попасть к Алабелле. Все знают, что перед Путешествием Алабелла начинает отвечать на вопросы. Это такое своеобразное паломничество к оракулу. Но ведь и ты идешь туда за тем же. Кроме того, есть наши вечные враги. Дракон рассеивает во Вселенной жизнь, Кэшот — рассеивает смерть.

— Боже мой! — вздохнул Павел. — Этого еще только не доставало. Кто такой Кэшот?

— Долго объяснять. Не хочу пугать, но лучше бы тебе с ним не встречаться.

— Но ведь это ваши враги, не мои. Может, и обойдется. Меня вот еще интересует, как я узнаю пещеру Алабеллы и какой он из себя.

— Хороший вопрос, но этого не знает никто, — неожиданно послышался голос Колдуна.

Он и Тим незаметно подошли сзади; обернувшись, Павел встретился с Колдуном взглядом и, как всегда в таких случаях, отвел глаза, словно от края пропасти.

Мгновенно рассердившись на себя за это, Павел вызывающе уставился в лицо Колдуну, но тот лишь усмехнулся и отвернулся сам к далекой глади озера, едва просвечивающей сквозь стволы деревьев.

— Алабеллу никто не видел, а если и видел, не спешит рассказать об этом. Некоторые считают, что Алабелла один и в то же время его два.

— Как так два? — не понял Павел.

— Его и называют тогда — Алла и Белла. Он сам задает себе вопросы и сам на них отвечает. Он знает все, что происходит во Вселенной и тяготеет своим знанием, потому что абсолютное знание равно смерти. Ты бы хотел знать ВСЕ?

— Н-не знаю, — растерянно пробормотал Павел.

— Тогда еще раз крепко подумай, прежде чем идти к пещере.

— Крепко подумай, — еле слышно шептал Павел, продираясь напрямик по склону через колючие заросли ежевики. — У вас-то для того, чтобы думать, в распоряжении почти вечность, а я, может, больше и не попаду сюда никогда.

Тропинка давно кончилась, или, скорее всего,

Павел опять ее потерял, блуждая по нетронутому лесу. Туман рассеялся, и прогретый воздух пах хвоей, успокаивающе пересвистывались птицы, а где-то далеко-далеко слышался прерывистый рев мотора, как будто грузовик забирался в гору, и этот очень земной звук успокаивал Павла, как колыбельная ребенка.

Впервые за последние три дня вспомнилась военная база у истока Кию, бесполезные посты часовых, глхохнущие броневые машины и нелетающие вертолеты. Большой глупости, чем военные действия в этих обстоятельствах, представить трудно.

«Это надо же придумать — ладить гарпунную пушку на прогулочном судне, — Павел укоризненно помотал головой. — Что за мания: если появится что-то неизвестное, непременно действовать с позиции силы? Или правительство все-таки знает кое-что или о чем-то догадывается и потому так боится?»

В воздухе послышался тонкий вибрирующий звук.

Увлеченный поиском правильной дороги и своими размышлениями, Павел не обратил вначале на этот прерывистый свист никакого внимания, но потом насторожился и поудобнее перехватил арбалет.

Казалось, звук шел отовсюду, и в какое-то мгновение Павел даже подумал, что это галлюцинация и звенит у него в ушах, но тут же раздался отрывистый хлопок, как будто порывом ветра внезапно наполнило парус. Мелкий сланцевый щебень стал осыпаться со склона, и Павел неуклюже замахал руками, стараясь сохранить равновесие.

«Неужели землетрясение?» — подумал он первое, что пришло на ум, с удивлением заметив, как задрожал воздух между соснами, словно горячие испарения поднимались там, искажая перспективу.

Его лицо и руки, не защищенные одеждой, почувствовали сухой нестерпимый жар, и он, вскрикнув, выронил арбалет, а потом упал и сам, не в силах противостоять напору горячего воздуха, который скатывался с горы и ощутимо толкал его вниз.

«Никакое это не землетрясение! — Павел попытался закрыть лицо рукавом. — И не дакини. Это что-то другое!».

Он еще продолжал лежать скорчившись, подтянув колени к подбородку, когда ощутил, что жар ослабевает, спадает давящая тяжесть.

Вновь стали различимы крики птиц и шум ветра.

Павел встал, покачиваясь, попытался опереться о ствол сосны и с криком отдернул руку. Обуглившаяся до черноты кора дымилась, и раскаленная смола влипла в ладонь, как печать в сургуч.

Отыскивая взглядом арбалет, Павел увидел склон горы, по которому словно прошелся гигантский каток, оставив после себя дымящуюся просеку.

Свернулась тонким серпантинном трава, кое-где на концах ветвей еще горела рождественскими свечками хвоя, а у самых его ног корчился, пытаясь опереться на обугленные лапки, большой чер-

АЭЛИТА

ный жук.

— Дунуло, как из ада. — Павел провел рукой по лицу и почувствовал, как стираются в пыль сгоревшие брови и ресницы. Кожа на щеках вздулась, прикосновение к ней вызывало сильную боль.

Свой арбалет Павел отыскивал метрах в двадцати выше по склону.

Оружие совсем не пострадало и на удивление осталось холодным даже среди превратившейся в пепел травы.

Шипя от боли, Павел обработал лицо и руки марлей, смоченной в спирте, оглядел свой хэбэшный геологический костюм и обнаружил всего три прожженные дырки на локтях и колене. Потери оказались не самыми страшными: руки-ноги на месте, арбалет исправен. Настораживало одно — непонятность происходящего, но и к этому Павел уже немного привык, поэтому не стал дальше ломать голову над неразрешимыми вопросами и вновь осторожно пошел вперед, к плавной седловине, обозначавшей перевал.

Уклоняясь от гибких ветвей, — каждое прикосновение теперь к обожженной и натянувшейся коже стало болезненным, — Павел вспомнил, как ему на работе постоянно пеняли за его настырность. Там, где другой, повоював безрезультатно, в конце концов отступал, смирившись с неизбежным, Павел не успокаивался и в результате нарывался-таки на неприятность. Так и теперь, получив уже достаточно щелчков по носу, и весьма болезненных, он продолжал делать то, что решил раньше, хотя самым благоразумным было все-таки повернуть назад.

На седловине обнаружилась маленькая каменная площадка, от которой вниз тянулась узкая, хорошо обозначенная тропинка. Похоже, что с этой стороны склон был более обжитым и чаще посещаемым.

Павел приободрился. Больше ничего опасного вокруг не замечалось, и если бы не саднящие от ожогов лицо и руки, он, пожалуй, даже стал бы нахвистывать, так как впереди отчетливо слышался шум водопада. Выбранное направление оказалось верным.

Перед тем, как резко повернуть налево, тропа снова упиралась в небольшую площадку, на которой росла одинокая старая береза. Дойдя до дерева, Павел в удивлении остановился.

— Ал лук мас, — прошептал он, глядя на разноцветные тряпочки, привязанные к ветвям. — Жертвенная береза.

Название неожиданно всплыло из памяти, хотя Павел и не был уверен, что произнес его правильно. Когда-то он читал о жертвенных деревьях у народов востока, исповедующих буддизм, и, казалось, прочно забыл об этом, но сейчас непроизвольно вспомнил, как будто утерянные знания только и ждали того, чтобы вернуться к нему в нужную минуту.

Многие пестрые лоскутки выцвели, первоначальный цвет угадывался с трудом, но были среди них и совсем новые. Самую нижнюю ветку украшал салатно-зеленый шнурок с колокольчиком. Колокольчик чуть раскачивался и мелодично зве-

нел.

От водопада тянуло свежестью. Здесь, на площадке, его рев усилился, и, хотя падающая вниз мощная струя была еще не видна, воздух над расщелиной с ручьем искрился мелкой водяной пылью, образуя короткую радугу.

Павел постоял у священной березы, глядя на пеструю бахрому колышущихся вместе с листвой лоскутков, потом решительно вытащил из рюкзака аптечку и, разорвав длинную ленту бинта, привязал и свой дар на нижнюю ветку рядом с колокольчиком.

Место для ночевки Павел выбрал около тихого родничка в низине, защищенной со всех сторон от ветра большими базальтовыми валунами. Родник выбивался из-под серого булыжника вялыми пульсирующими толчками, образуя вначале неглубокий прозрачный бочажок, из которого потом спокойно вытекал узкий ручей.

Миновав в полдень водопад Три Ступени, и вправду напоминавший короткую крутую лестницу, Павел не задержался у ревущего каскада ни на минуту, стремясь как можно ближе подойти к Сухому хребту. Это ему почти удалось, но выбрать место для стоянки пришлось все же раньше, чем он рассчитывал, — сильно болело обожженное лицо, под прогоревшей тканью на локтях и колене тоже вздулись волдыри, идти стало трудно.

— Что же все-таки это была за пакость? — бормотал вслух Павел, стараясь бинтами осторожно обмотать саднящие участки кожи. — Так ведь и вовсе сгореть можно.

Но, бормоча все это вслух, про себя он тихо радовался, что не пришлось встретиться с испытаниями похуже. Что ни говори, а кроме птиц да пары бурундуков никто ему на пути не попался, не пришлось пускать в ход арбалет, в надежности которого он сильно сомневался, и значит, несмотря на боль, дела обстояли не так уж плохо.

Бросив в кипящую воду пачку гречневого концентрата, Павел взял за нож, чтобы открыть банку тушенки. Есть хотелось смертельно.

После долгого дня ходьбы следует основательно подкрепиться, потом попить крепкого чая, а после этого сразу завалиться на боковую, — завтра надо выйти пораньше, чтобы найти пещеру Алабеллы, а то как бы действительно путешествие не оказалось напрасным.

От мирных приготовлений к ужину Павла отвлекла внезапная, какая-то вакуумная тишина. Еще секунду назад в сонном вечернем воздухе раздавались слабые трески и шорохи, которые всегда слышны в лесу даже в очень тихую погоду, но сейчас все убаюкивающие сознание звуки исчезли, словно все онемело кругом, и это было настолько странным, что Павел, боясь лишней раз звякнуть, осторожно протянул руку, чтобы поставить банку на траву.

Он не успел закончить это простое движение. Уже знакомая сухость разлилась вокруг, ярче вспыхнул костер, и тут же как будто горящая марля коснулась и так обожженного лица. Павел вскрикнул и выронил ставшую нестерпимо горя-

чей банку. В следующее мгновение раздался мягкий, но ощутимо толкнувший в грудь взрыв, и Павел упал навзничь, инстинктивно пытаясь опереться на широко раскинутые руки, чтобы не удариться о землю затылком.

На этот раз жар не был столь силен, как днем. Не загорелась хвоя на ветках, не обуглилась трава, но все же Павел почувствовал, как на лице лопнули волдыри и по щекам потекли горячие струйки.

Приподнявшись на локтях, он не сразу понял, что температура воздуха вновь стала нормальной; и кроме того, он сейчас у костра не один.

Больше всего появившееся существо напоминало классический призрак, каким его принято описывать или показывать в кино.

Бесплотная, словно сотканная из пара, человекоподобная фигура. Широкий плащ и лишь угадывающиеся просторные рукава; остроконечный капюшон и полное отсутствие лица: то ли магистр тайного общества, то ли балаганый волшебник, но ростом не менее пяти метров. Выглядел новый незнакомец достаточно угрожающе и непонятно.

— Боишься? — удовлетворенным басом констатировал пришелец и презрительно хмыкнул, когда Павел попытался ответить, но вместо слов лишь несколько раз судорожно кивнул. — Тебя ведь предупреждали, что со мной лучше не встречаться.

Пока фигура в балахоне, подобно отражению в воде, колебалась на противоположном конце поляны, Павел лихорадочно вспоминал, о чем же или, вернее, о ком предупреждал его Китоврас, а, вспомнив попытался отползти подальше.

— Я вижу, что ты понял, с кем имеешь дело, — голос Кэшота загромычал на немислимо низких регистрах. — Почему ты молчишь?

— О чем говорить, — с усилием выдавил из себя Павел. — Ты — Кэшот, сеющий смерть. Но ведь ты пришел не за мной, а за драконом.

— Вот уж глупости! — Кэшот умерил тембр и стал как будто меньше. Очертания его фигуры приобрели большую отчетливость. — Сейчас настроюсь, — пообещал он.

На том месте, где только что колебался полупрозрачный призрак, вспыхнуло голубоватое пламя, и вместо силуэта в балахоне Павел увидел вполне обыкновенного смуглолицего молодого человека в шортах и рубашке с короткими рукавами.

— Так лучше? — спросил он.

— Вы — дьявол? — неуверенно поинтересовался Павел, продолжая лежать на земле.

— Дьявол, демон!.. — воскликнул Кэшот и сел прямо на траву, скрестив ноги. — Можно сказать и так. Правда, эти глупости говорят люди, а они сами не знают, что говорят.

Ничего особенно страшного пока не происходило, и Павел осмелел настолько, что тоже сел напротив Кэшота. Собеседников разделял лишь костер.

— Значит вы — демон, — Павел испытывающе посмотрел на Кэшота, — пришли сюда затем...

— Если под «демоном» ты понимаешь сверхъестественное существо, обладающее огромной силой и способностью временно принимать любые

формы, то ты не прав. Всего лишь в одном, но не прав.

— И в чем же я ошибаюсь?

— В моей сверхъестественности.

— Но все остальное верно?

— Да.

— Тогда я не вижу разницы, ведь вы обладаете и остальными качествами.

— Разница есть и большая. Это разница между непознанным и непознаваемым, между наукой и фантазией — это вопрос самой сути, которую люди пока понять не могут. Четыре полюса компаса — это логика, знание, мудрость и непознанное, оно же неведомое.

— Значит вы...

— Познаваем. Я и мне подобные — порождение скорее энергии, чем материи. И у нас когда-то были тела, но в поисках личного бессмертия мы вступили на другой путь, нежели человек. Нам удалось найти способ увековечить себя в виде стабильных энергетических полей. При этом, правда, была допущена одна, но существенная ошибка — мы вечно будем тосковать по покинутым телам.

— И что, обратного пути нет?

— Есть временный выход — завладеть любым другим материальным телом. Я бы мог сейчас это сделать запросто.

— Моим телом? — Павел почувствовал, как похолодела его спина. В отчаянье он поискал глазами арбалет.

— Без глупостей, — предупредил Кэшот. — Это тебе все равно не поможет. Да и не собираюсь я делать ничего плохого. Скажи честно — это Китоврас так тебя напугал?

В ответ Павел смог лишь утвердительно кивнуть.

— Еще один из распространенных предрассудков, — замешательство Павла немного развлекло его собеседника. — Дух смерти, да? Ужасный Кэшот, противник всего живого? Глупости. Я бы, конечно, мог уничтожить здесь все. Понимаешь — все, а не тебя одного, дурачок. Это такая ерунда, что не стоит даже тратить усилий. Зачем уничтожать то, что и так обречено.

Увидев, что Павел постоянно дотрагивается до обожженной кожи, Кэшот пояснил:

— Когда ты днем шел к водопаду, то встретился со мной. Я спешил к Алабелле.

— Как, и вы? Разве может Алабелла сказать вам то, что вы не знаете сами?

— Конечно. Но то, что он сказал мне, не может интересовать тебя. Я узнал, что хотел, и теперь удаляюсь. Это Путешествие предотвратить не удастся.

— Но что же плохого в том, что где-то во Вселенной зародится новая жизнь. Зачем вам препятствовать этому?

— Ты — человек. Тебе не понятно многое. Даже этот наш разговор, я уверен, преждевременен. Но и здесь, на Земле, вы беспокоены тем, что вас становится слишком много. В космосе достаточно различных форм жизни. Зачем множить сущности?

— Сущности? Разве вы только что не говорили, что формы жизни различны. Значит и задачи у этих

жизней разные. Некоторые еще не догадываются о своем предназначении, и человечество относится к их числу, но это ведь не значит, что они бесполезны или вредны. Космос многообразен, и неужели вы не допускаете, что вновь появившийся разум может быть тем самым недостающим звеном, способным привести мир к гармонии.

— Знакомая теория. Но знаешь ли ты, человек, сколько миров пришлось мне уничтожить, чтобы не допустить исчезновения той самой гармонии, о которой ты так глубокомысленно рассуждаешь? Разве хирург, избавляющий от болезни посредством скальпеля, хуже терапевта, лечащего таблетками.

— Вы — хирург? Кэшот, сеющий смерть?

— Повторяя слова Китовраса, ты только доказываешь свою неспособность мыслить самостоятельно. Ты — примитивен. И скучен, — с зевком добавил Кэшот. — Я зря надеялся развлечься. Но тебе еще предстоит повеселиться. Я побывал у Алабеллы не напрасно. Пусть мне не удастся предотвратить Путешествие, но есть еще кое-кто, желающий вмешаться в эту идиллию. Тебе и твоим друзьям очень скоро скучать не придется — сюда плывет Нагльфарк. А я пока удаляюсь. Будет забавно понаблюдать, как вы справитесь с ситуацией.

Павел глядел широко раскрытыми глазами, как силуэт Кэшота начал терять четкие очертания и поднялся над поляной. Пламя костра в тот же момент свернулось в узкую огненную спираль и устремилось вслед за Кэшотом, почти касаясь его ступней. Вновь послышался легкий хлопок, и Павла в очередной раз бросило на землю, мгновенно ставшую сухой и горячей, как песок в пустыне.

Растерянно оглядев потухший костер и разбросанные вокруг вещи, Павел медленно встал и отряхнул ладони. Похоже, поход к Алабелле придется отложить. Что там говорил Кэшот о Нагльфарке? Пока понятно только одно — это новая опасность, способная повредить дракону и его Путешествию. Если так, то надо предупредить Китовраса и Колдуна. Обратно следует идти немедленно, ведь раньше утра назад вернуться не удастся.

— Не бойся, я друг, — послышался звонкий голос с другого конца поляны, и Павел от неожиданности выронил рюкзак, куда начал записывать разбросанные по траве банки консервов.

Не очень уместное теперь упоминание о дружбе заставило его быстро распрямиться. То, что он увидел, не могло пока сильно напугать, ведь тонкая фигура в свободном белом платье, отделившаяся от старой сосны, принадлежала несомненно девушке, но приобретенный за последние два дня опыт заставил Павла насторожиться. В этом враждебном для человека мире трудно рассчитывать на внезапную дружбу, здесь слова не всегда соответствуют своему первоначальному значению, здесь следует полагаться только на себя, иначе запросто можно попасть в очередную переделку.

— Я друг, не бойся, — повторила девушка и сделала два скользящих шага по направлению к Павлу.

Она не переставала улыбаться, и Павел, не-

смотря на настороженность, почувствовал, как спадает напряжение.

— Не спеши говорить, — продолжила девушка, пока Павел пристально изучал ее открытое лицо с правильными чертами.

Русые волосы девушки были схвачены широким берестяным обручем, а большие серые глаза смотрели спокойно и бесхитростно.

— Я уже давно следую за тобой, — девушка остановилась у дымящегося костра. — Я хотела подойти раньше, но появился Кэшот, — с легкой гримасой отвращения добавила она. — Он не злой, но просто очень равнодушный. Равнодушный, как смерть. Я не люблю с ним встречаться, потому что он мне не нравится и потому что он совсем чужой. Из другого мира.

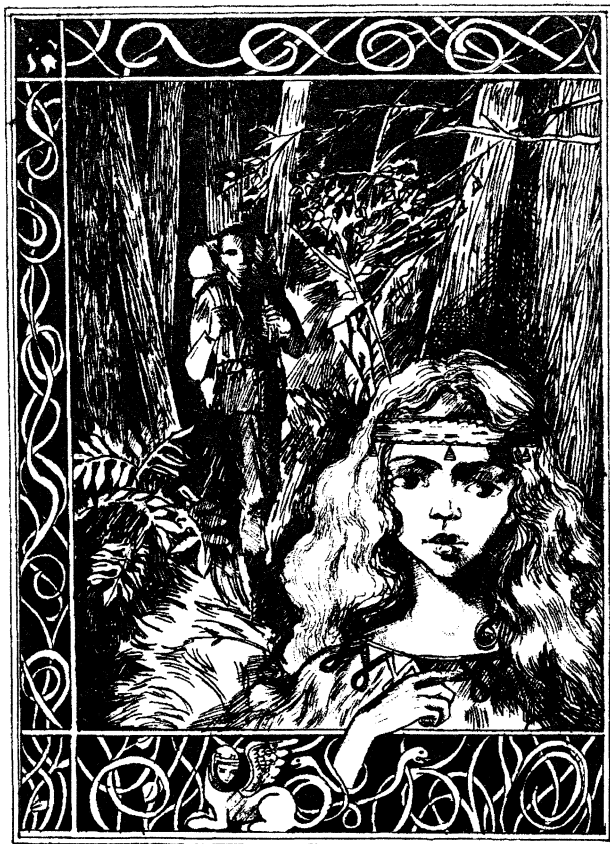
— А ты из нашего? — недоверчиво спросил Павел.

— Не будем спорить, — девушка откинула прядь волос со щеки. — Я — берегиня. Пинна. Я услышала о Нагльфарке и испугалась. Нагльфарк никогда не приплывал сюда. Я пришла помочь тебе быстрее добраться до Колдуна. Ведь если сюда приплывет Нагльфарк, будет бой.

— Да кто это такой, Нагльфарк?

— Это не кто, а что. Нагльфарк — корабль мертвых. Корабль существ совсем не таких, как ты, Колдун или даже Кэшот. Я не могу сейчас тебе рассказать всего и знаю только одно — следует торопиться.

— А я разве не тороплюсь, — Павел крепко затянул шнуровку рюкзака и попытался продеть в

лямки руки, но сморщился от боли. — Ты же видишь, я иду обратно. Если ты не будешь мешать, то к утру я доберусь до Китовраса и Колдуна и расскажу им обо всем.

— Ты мне не веришь, — огорчилась Пинна. — Ты устал и болен. Дай я хотя бы вылечу ожоги. Там, где появляется Кэшот, всегда огонь.

Павел недоверчиво посмотрел на девушку. Юная берегиня была не просто успокаивающе приветлива, она была, Павел подыскивал определение, удивительно естественна в этом лесу, среди высокой травы и каменистых валунов, как будто сама являлась частью природы. Взгляд широко открытых глаз Пинны излучал спокойствие, и Павел на мгновение почувствовал себя ребенком, подчиняющимся взгляду матери.

— Вот так, — Пинна неожиданно оказалась совсем рядом и прикоснулась ладонями к обожженным щекам Павла. — Теперь не больно?

— Теперь нет, — прошептал Павел, невольно ловя себя на мысли, что не хочет, чтобы девушка отнимала ладони от щек.

— Так ты позволишь мне пойти с тобой? — рассмеялась берегиня, уловив перемену в его настроении. — Я могу и сама добраться до Колдуна, но нельзя сейчас оставлять тебя одного. Есть более безопасный и короткий путь. К тому же, я постоянно живу в этом мире, а ты здесь пришелец. Не удивляйся: мы соседи на этой земле, но, к сожалению, очень редко ходим друг к другу в гости.

— Колдун и Китоврас мне о тебе ничего не говорили, — грубовато ответил Павел, пытаясь за напукной суровостью скрыть смущение.

— Они не говорили еще о многом. Они предупреждали об опасностях, а я — не опасна. Они позволили тебе идти к Алабелле, надеясь, что узнают через тебя что-нибудь новое о будущем Путешествии, но сейчас такая надобность отпала. Кэшот опередил тебя и узнал о Нагльфарке, а это достаточно серьезная причина, чтобы немедленно объединить силы.

— Хорошо, мы пойдем вместе.

— Вот и договорились, — по лицу Пинны скользнула улыбка. — Только, пожалуйста, следуй точно за мной, не отставай и не оборачивайся.

— Прямо как в сказке, — иронично заметил Павел. — Обернешься — пропадешь.

— Может статься и так. Мы пойдем очень быстро и совсем не той дорогой, что привела тебя сюда. Мы пронзим этот лес насквозь, и за нами устремятся враждебные криттеры. Они не смогут причинить нам вреда, но если ты отвлечешься и отстанешь, то выйдешь из-под моей защиты.

— Вот это уже понятнее, — Павел вздохнул и поудобнее расправил лямки рюкзака. — Что ж, вперед!

Пинна вышла на тропу и, обернувшись, заметила:

— Не дальше, чем в пяти шагах. Постоянно помни об этом.

Пока двое путешественников поднимались по тропе в гору, послевать за берегиней было для Павла не слишком утомительно. Он с самого начала взял правильный темп и только иногда удивлял-

ся, как девушка может идти в гору таким быстрым шагом.

Они снова миновали водопад Три Ступени и даже остановились там на минуту отдохнуть, подставляя лица мелким брызгам, рассеянным в воздухе. Но около священной березы, на которой Павел с изумлением заметил свой повязанный в дар кусочек бинта, теперь явно обгоревший, Пинна резко свернула в сторону, прямо в лесную чащу.

Павлу ничего не оставалось делать, как послушно следовать за ней. И там, уже в лесу, началась настоящая гонка.

Плотный подлесок из кустарника и высокой травы, едва берегиня приближалась к нему, самым волшебным образом расступался, пропуская путников, и тут же смыкался за спиной Павла. Белое платье и берестяной обруч Пинны мелькали впереди, сливаясь иногда в размытые светлые пятна. Часа через два зашло солнце, и в сгустившемся мраке Павел, чувствуя дрожь в уставших ногах, напрягал последние силы, чтобы не отстать.

Временами по бокам и сзади слышались непонятные шорохи и треск сучьев, как будто кто-то большой и быстрый неотступно следовал за ними, а пару раз прямо впереди вспыхивал бледно-фиолетовый холодный огонь, и земля колебалась под ногами, как трясина.

«Не отставай!» — время от времени подгонял сам себя Павел, стараясь не отвлекаться на шум и возню в чернеющей по сторонам чаще.

Еще он иногда думал о Пинне, удивляясь легкости ее скользящего бега, и тогда его занимал вопрос — материальна ли она или только сгусток энергии, облеченный в форму человеческого тела. Почему-то хотелось, чтобы берегиня была похожа на обычную земную девушку, но он тут же отгонял эту мысль, сосредоточившись лишь на том, чтобы не запнуться и не остаться одному в темном и враждебном лесу.

Потом, даже еще не видя воды, Павел понял, что они движутся по высокому берегу, и, вроде бы, узнал тропу, на которой пришлось повстречаться с дакинями, а затем неширокую просеку, и в следующую минуту впереди послышалось глухое ворчание Гарма, и просека озарилась ярким неестественным светом, выхватив из мрака рослые фигуры Китовраса и Колдуна, а рядом с ними Тима, придерживающего за ошейник гигантского лохматого пса.

— Да ты не расстраивайся, — утешал Павла Китоврас. Забытый в спешке арбалет остался лежать в кустах у потухшего костра. — Неужели ты думаешь, что эта игрушка и впрямь может согдиться в битве с мертвыми? Тут даже вот такая штукавина мало чем поможет.

Китоврас в свою очередь тяжело вздохнул, но не перестал заниматься делом — подгонять друг к другу загадочные металлические детали, которые на глазах превращались в некое подобие огнестрельного оружия.

— Излучатель вполне способен пригодиться, — заметил Колдун. — Но только на него рассчитывать не стоит.

— Вообще непонятно, на что рассчитывать, а

на что нет! — Китоврас стукнул могучим кулаком по столешнице. — Нагльфарк — худшее из зол. С Кэшотом можно договориться, можно отбиться от криттеров, но против Нагльфарка оружия нет. Такой случай, правда, единственный, уже был. Далеко отсюда. Тогда Инкубатор был уничтожен.

— Да что это за враги такие! — не выдержал Павел. — Неуязвимые, что ли?

Изба Колдуна походила сейчас на штаб перед сражением, и это ощущение не нарушали даже вполне мирные берегиня и Никишка, хлопочущие по хозяйству. Домовой и Пинна сразу нашли общий язык, впрочем, кажется, они и до этого были знакомы. Павла занимало другое: почему следует так опасаться Нагльфарка. Враждебные криттеры в Инкубаторе не редкость — об этом говорили и Китоврас, и Колдун, — так почему же именно Нагльфарк, пусть он и называется кораблем мертвых, беспокоил бесстрашного Инспектора и взволновал бесстрастного Хранителя. Их опасения полностью разделял и Тим, об этом говорили его потемневший взгляд и суровая складка, пролегла в углу крепко сжатых губ.

Самым обидным было то, что никто не спешил посвятить Павла в известную всем тайну, а такая доброжелательная при первой встрече Пинна на прямой вопрос лишь отрицательно помотала головой и указала глазами на Китовраса, мол, он тут главный, с ним и разговаривай.

— А что с гостем делать будем? — вспомнил наконец о Павле Китоврас, обращаясь к Колдуну.

— Гостем? — Павел чуть не задохнулся от возмущения. Он-то считал себя здесь своим среди своих. — А кто вам рассказал об этом корабле? Пушкин? Может, еще в чулане запрете, чтобы под ногами не путался?

— Очень дельная мысль, — в глазах Китовраса мелькнула шутивая искорка. — Запрет, и еще Гарма приставим, чтобы охранял.

— Гарм будет нужен на берегу, — без тени улыбки ответил Колдун. — Не забывай — он из их мира. Никто лучше Гарма не знает Хрюма и его воинов.

— Да, об этом я как-то забыл, — Китоврас поднял полностью собранное оружие, опираясь согнутым локтем о стол, и прицелился. — Сейчас попробуем на самой малой мощности.

Не успел Павел ничего понять, как раздалось слабое шипение, по комнате мелькнул зеленоватый шарик величиной с горошину и ударил в раму. Вслед за этим массивный оконный переплет вместе с косяком с оглушительным треском вылетел наружу.

— У, варнак! — раздался в наступившей вслед за этим тишине негодующий голос Никишки. — Окошко выбил. А чинить кому, мне?

— Перебор, — огорченно сознался Китоврас и смущенно втянул голову в широкие плечи, как будто боялся, что домовый отвесит ему подзатыльник.

Из выбитого окна тянуло ночной сыростью, и не перестававший негодовать Никишка заткнул проем большой пуховой подушкой. После неудачного выстрела общее напряжение как-то ослабло, и даже Колдун позволил себе усмехнуться в боро-

ду, глядя на то, как, неловко подогнув колени, Китоврас помогает домовому собирать осколки.

К Павлу подошел Тим и, обняв за плечи, увлек в угол избы, подальше от суматохи.

— Ты на них не очень обижайся, — кивнул он в сторону Колдуна и Китовраса. — Они сегодня просто нервные, ведь вся ответственность за Инкубатор лежит на них.

— Так это же я рассказал вам о корабле! Я! А меня в чулан.

— Не будет тебя никто запирают. Ты что, шуток не понимаешь? А о Нагльфарке мы уже и без тебя знали.

— То есть как?

— Остынь. Ну, не совсем без тебя. Вернее сказать, через тебя. Я постоянно поддерживал с тобой ментальную связь. Это было необходимо и для твоей безопасности, и еще была для этого пара причин. Так что, как только Кэшот сказал тебе о Нагльфарке, это стало известно и нам.

— А Пинна об этом знала?

— Знала. Но ведь она — берегиня. Ей надо было увести тебя оттуда в относительно безопасное место, то есть сюда. К тому же, по-моему, ты ей нравишься.

— Скажешь тоже, — недоверчиво покосился на Тима Павел. Но последнее замечание неожиданно привело его в хорошее настроение. — Ладно, говори, что знаешь о Нагльфарке.

На этом месте в разговор приятелей вмешался Китоврас.

— Нагльфарк — слишком серьезная тема, чтобы говорить о ней походя, — заметил он. — Его не зря называют кораблем мертвых. Мы даже не знаем, корабль ли это в привычном смысле этого слова. Сведения о нем очень отрывочны. Упоминание о Нагльфарке есть в мифологиях народов Земли. Древние скандинавы называли его кораблем, сделанным из ногтей мертвецов. Поэтому те, кто умирает с неостриженными ногтями, дают новый материал для его строительства. И пусть это всего лишь инсказание, но оно не лишено смысла. Ведь отрицательная биологическая энергия погибших организмов не исчезает бесследно. Часто она служит для создания энергетических монстров, так же точно, как положительная используется в последующих инкарнациях для улучшения энергетического баланса. В этом смысле мертвые с планеты Хель, точное ее местоположение до сих пор не установлено, мертвецы дважды. Они даже не зомби, поэтому их невозможно уничтожить никаким физическим воздействием. Только громадная сила освобожденной энергии может вышвырнуть Нагльфарк за пределы Земли, но у нас для этого нет достаточно мощного генератора.

— И что же, никто не сталкивался до этого с кораблем мертвых в космосе?

— Почти никогда. Мы лишь постоянно ощущаем присутствие его обитателей, их враждебный интерес. Но несомненно Нагльфарк уже посещал Землю, иначе не сохранились бы предания о нем. Еще было, как я уже говорил, нападение корабля на один из Инкубаторов. Но, в общем-то, пока и они, и мы избегали контактов. То, что Нагльфарк

прибывает сюда, свидетельствует о том, что они почувствовали здесь какую-то слабину и надеются на успех. Но это мы еще посмотрим.

— Но как же биться с мертвыми, если у нас нет эффективного оружия?

— Кое-что есть. Потом, не надо забывать, что, вполне возможно, они не так сильны, как мы об этом думаем.

До рассвета Павлу так и не удалось уснуть, хотя он пару раз укладывался на жесткую лавку, а Нишкишка даже приволок ему стеганое одеяло. Колдун с Китоврасом и Тимом уединились в дальнем углу и, похоже, держали военный совет. Об этом, правда, можно было лишь догадываться, так как никто из них не говорил вслух: общение скорее всего шло на ментальном уровне.

Павел мучился от сознания собственной неполноценности, но вмешаться в разговор не пытался, понимая, что мало чем сможет помочь. Оставаться в полной бездеятельности тоже было трудно, и время от времени он выходил на крыльцо, смотрел на медленно смещающиеся на запад звезды и прислушивался к тихим шорохам ночи.

Каждый раз вместе с ним на улицу выходила и Пинна. Она стояла рядом молча, словно боялась навязывать свое присутствие и помешать, но Павел ощущал, что от нее исходят почти физическое тепло и спокойствие.

Гарм спал у крыльца, свернувшись большим взъерошенным клубком, и при слабом свете звезд казался копешкой сена. Поглядывая изредка в его сторону, Павел думал о словах Колдуна, упоминавших о том, что Гарм принадлежит тому же миру, что и Нагльфарк, и не мог найти связи: ведь если пес каким-то образом попал на Землю и был приручен, то и обитатели корабля должны быть не такими уж непостижимыми существами. Тут было о чем поразмыслить, и для того, чтобы понять происходящее, не хватало только фактов.

Пинна все же первой прервала молчание и осторожно дотронулась до руки Павла.

— Ты твердо решил пойти с нами? — спросила она, и Павел посмотрел прямо в ее ставшие совсем темными глаза. Берегиня сняла берестяной обруч, и теперь ее волосы, рассыпавшись по плечам, почти скрывали белое платье.

— Конечно, — Павел пожал плечами, как бы показывая этим, что вопрос неуместен. — Разве можно оставаться здесь, зная, что идет сражение? Ведь и ты всего лишь женщина, — помедлив, сказал он.

— Вот это как раз не имеет значения, — Пинна позволила себе улыбнуться. — Я — берегиня, и могу многое. Ты же — всего лишь человек. Земле пока ничего не угрожает, сходятся совсем иные силы, о которых вы всего лишь догадываетесь.

— Мне не нравится слово «пока». Значит когда-нибудь настанет и наш черед.

— Возможно. Но тогда и человечество будет другим.

— А разве нельзя позвать на помощь? Где же, например, друзья Китовраса с Пляяд?

— Наш народ называет это созвездие — Волосыни. Оно очень далеко, но помощь уже в пути.

Хотя, как мы думаем, друзья опоздают, Нагльфарк совсем близко.

Словно поняв эти слова, зашевелился и зарочался Гарм. Павел почувствовал, как рука Пинны крепче сжала его пальцы. Девушка откинула голову, чтобы лучше видеть его лицо, и Павел вдруг заметил, что ее губы совсем рядом.

— Может быть, ты все-таки останешься здесь? — голос берегини стал едва слышен. — Ты — человек, но ты не чужой.

— Нет, Пинна, — так же тихо прошептал Павел, словно замороженный ее неподвижным взглядом. — Я пойду с вами.

В безоблачном небе над ними медленно проплыла падающая звезда. Она так плавно пролетела над поляной, что можно было загадать не одно, а несколько желаний, и скрылась за верхушками деревьев в стороне озера.

— Ну вот, — сказала Пинна и мягко отстранилась от Павла. — Нагльфарк и пришел.

— Как? — удивился Павел. — Это... — но не успел закончить фразу.

Где-то в глубине озера раздался лопающийся звук, а в следующее мгновение яростный порыв ветра согнул деревья, и лес застонал, словно от боли.

— Прозевали! — на крыльцо, выбивая по доскам дробь, выскочил Китоврас.

Он застыл посреди поляны, запрокинув голову, словно пытался разглядеть в небе очередную опасность. В его руке холодно посверкивал излучатель, но цель была не видна, и Китоврас опустил голову и как будто сгорбился. Вся его фигура выражала отчаяние и досаду.

Вслед за ним неспешно и, как показалось Павлу, нарочито медленно из избы вышел Колдун. В первый раз Павел увидел, что свой посох он несет, как копье. Сейчас он больше походил на воина-ветерана, чем на сказочного старца.

Берегиня белым облачком скользнула в сторону и исчезла в чаще.

Все представления Павла о том, что сейчас они выступят маленьким, но сплоченным отрядом, развеялось вместе со словами Колдуна, обращенными к Китоврасу:

— Встретимся, если понадобится, у Мокрого камня. Тим пойдет с Гармом.

Павел не стал напоминать о себе. Он молча решил, что ему следует держаться поближе к Тиму. Если понадобится помощь, Тим скажет, что делать. Настораживало отсутствие Пинны, но, судя по поведению остальных, берегиня знала, как ей следует поступать, и значит о ней можно не беспокоиться.

Общее напряжение, как всегда, разрядил Нишкишка. Он торжественно вынес из избы здоровенный, в пол его роста, глиняный жбан с медовухой и, одуваясь, сообщил, что приберег этот запас на самый крайний случай, какой, очевидно, и наступил. Этот тридцатилетний напиток он не дал попробовать даже собравшимся на свой очередной съезд домовым, а ведь всего один глоток из этого жбана способен утратить силы.

Колдун гневно обернулся к домовому и, видимо, хотел что-то сказать, но, увидев, как тот бережно прижимает к животу вместительный жбан, просто махнул на него рукой. Китоврас же утешительно похлопал Никишку по спине, отчего медовуха дважды выплеснулась на ступени.

Ворча, домовый заявил, что так с драгоценным напитком не поступают и, демонстрируя, что надо делать в подобных случаях, надолго припал губами к краю, после чего заявил, сверкая сразу же замаслившимися глазками, что теперь готов сразиться хоть со всеми мертвецами мира, пусть их только сюда приведут.

Но Китоврас и Колдун мало обращали внимания на его слова. Кентавр, поудобнее перехватив излучатель, трусцой устремился в лес и сразу же пропал в тени деревьев. Колдун, подождав еще минуту, чтобы посоветоваться с Тимом, вдруг плавно взмыл в воздух, заставив Павла от изумления вскрикнуть, и унесся восточным джином к озеру по самому короткому прямому пути.

Павел проводил его взглядом, потом посмотрел на Тима. Тот стоял совсем рядом, придерживая ошестинившегося Гарма за ошейник, и вся его напряженная фигура говорила о том, что и он хотел бы сейчас легко воспарить над землей и последовать за учителем. Но, пересилив себя, Тим кивнул Павлу на тропинку и, отпустив ошейник пса, побежал вслед за ним между соснами, навстречу Нагльфарку.

Солнце еще не взошло, но стало заметно светлее. Мягкий полумрак-полусвет разлился в воздухе, но все: и деревья, и скалы, лишённые теней, казались плоскими и ненастоящими, как театральная декорация.

Туман держался у самой воды, напоминая сверху корку неровного льда.

Громадными скачками Гарм спустился к самому озеру; с высоты обрыва Павел слышал его ворчание, которое становилось все громче и громче. Пес явно чуял приближающихся врагов и давал знать об этом.

Мокрый камень не зря получил свое название. Ноздреватая глыба известняка, зажатая среди базальтов, как губка, впитывала воду и все время оставалась влажной. Зеленый, в седых подпалинах мох плотно покрывал его вершину, выделяясь среди черных валунов ярким пятном.

— Они идут!

Павел обернулся на звонкий голос берегини.

Пинна появилась из чащи позади них и остановилась на самом краю обрыва. Белое платье облепило ее стройную фигуру, ветер с озера постепенно усиливался.

Словно желая противостоять его напору, Пинна раскинула руки, застыв над озером живым распятием. И ветер на мгновение стих. От берега к середине озера поползла белая стена тумана. Но это был не тот туман, что тонким покрывалом стелился у самой воды. Это была именно стена, достигавшая высоты Мокрого камня.

Пинна взмахнула руками, подгоняя туман туда, где уже явственно слышался глухой однотонный

шум приближающегося нечто.

— Они идут! — повторила берегиня.

Но об этом можно было уже не говорить. Павел увидел, как по воде, как будто ее не касаясь, прямо на них движется странный предмет.

Больше всего э т о походило на две половинки расколотого вдоль кокона. О размерах невиданного катамарана судить было трудно, но, похоже, они были довольно внушительными. Даже издали Павлу удалось разглядеть, что стенки корабля состоят из множества шестигранных ячеек, на манер пчелиных сот, и кажутся пористыми. В середине каждой из скорлупок копошились фигурки человекоподобных существ мертвенно-серого цвета. И это неясное копошение вызывало почему-то отвращение и ужас.

Туман, насылаемый на Нагльфарк Пинной, катился по озеру плотным валом. Он двигался все быстрее, из самой его толщи вытянулись длинные языки, словно пытаясь опередить основную массу и достичь корабля как можно раньше. На минуту Павел даже подумал, что так оно и случится, и Нагльфарк затеряется в белом непроницаемом облаке, как соринка в туче, но грозный ровный рокот от медленно движущихся скорлупок вдруг стал оглушительным, как будто некто резко повернул регулятор громкости, и туман сначала остановился, а потом так же неотвратимо пополз в обратную сторону.

АЗЛИТА

Берегиня еще раз отчаянно взмахнула руками, но созданный ею самой туман внезапно стал неуравновешенным. Павел видел, как затрепетала на усилившемся ветру фигурка Пинны, как пьются она от обрыва, пытаясь противостоять направленной против нее силе, а в следующее мгновение шквальный порыв с озера смял ее, как лист, и отшвырнул в сторону.

Рев Гарма внизу стал страшен. Пес готов был броситься в воду и достичь Нагльфарка вплавь, и только успокаивающие команды Тима еще удерживали его на берегу.

Туман сдуло с обрыва, как сдувает парок с кипящей кастрюли, и теперь Павлу ничего не мешало увидеть Нагльфарк во всем его страшном величии.

Ячеистые стенки корабля под все ярче разгорающимся утренним светом отсверкивали металлическим блеском. В одной из его половин, над копошащейся массой одетых в грязно-серые доспехи воинов возвышалась фигура отвратительно-морщинистого старика с клочковатой пепельной бородой. Правая его рука сжимала двулезвенный боевой топор, а левая в чешуйчатой перчатке была устремлена прямо на обрыв, и ее указательный палец, как показалось Павлу, целился точно ему в грудь.

Расстояние между Нагльфарком и берегом еще оставалось порядочным, но Павел почувствовал какую-то обреченность и бесцельность всех попыток противостоять надвигающейся силе.

Даже сквозь грохот, исходивший от пугающе-грозного корабля, Павел внезапно различил стук дизельного мотора. Звук приближался от изгиба озера. Само судно было пока не видно, но, несомненно, так звучать мог лишь мотор вполне земного катера. В этой закрутившейся чертовщине не было сейчас для Павла звука милее и привычнее, но Тим думал иначе.

— Это еще что такое! — обеспокоенно крикнул он и крепко сжал плечо Павла. — Зачем они лезут сюда? Неужели не понимают, что это смертельно опасно?

Вспомнив военный лагерь, Павел подумал, что, пожалуй, нет, не понимают. Очевидно, оставленные без внимания Колдуна, которому теперь было совсем не до этого, военные оживили заглохшие моторы транспортов и теперь устремились в недоступную до этого зону. Того гляди, покажется и вертолет.

— Сюда нельзя! — крикнул Тим, как будто его слова могли быть услышанными на грязно-белом катере, который неспешно выползал из-за крутой излучины.

Одного взгляда хватило убедиться, что это многострадальный «Пионер Алтая», много лет служивший прогулочным судном на озере. На носу катера Павел различил вращающийся круг турели и установленную на ней гарпунную пушку. Большую нелепость представить было трудно.

«Пионер» пыхтел и кашлял. Сизые клубы дыма от сгоревшей солянки тянулись за ним клочковатым шлейфом. Множество фигур в военной фор-

ме облепило леера.

Катер по сравнению с Нагльфарком выглядел игрушкой, и, как с игрушкой, Нагльфарк обошелся с ним. Крутая пятиметровая волна покатила по направлению к катеру. Она не опрокинула его, не закрутила в смертельном водовороте, а просто отбросила в сторону. Так брезгливо отряхивают руки, желая избавиться от чего-то ненужного и неприятного.

«Пионер Алтая» натужно закричал, потом звук дизеля на полутакте оборвался, и катер мощно потащило обратно за излучину, креня на правый борт. С катера раздался многоголосый вопль и тут же смолк за поворотом, словно между ним и Нагльфарком установили звуконепроницаемую стену.

Никак до этого не обнаруживавший себя Китоврас воспользовался моментом, ушедшим у Нагльфарка на то, чтобы расправиться с катером. Почти в ту же секунду, как по озеру прокатилась волна, заговорил его излучатель.

Метрах в двухстах Павел различил на берегу яркую вспышку. Желто-зеленый шар, вычерчивая по воздуху абсолютно прямую огненную линию, устремился к кораблю. Ожидая мощного взрыва, Павел поспешно зажал ладонями уши, но посланный Китоврасом заряд, ударившись о невидимую преграду, как мяч, отраженный умелым теннисистом, взмыл свечой и, описав крутую дугу, с сухим треском взорвался в лесу. Потянуло гарью.

Излучатель выплевывал заряды один за другим. Стало заметно, что их мощность постоянно возрастает. Но защита корабля была безупречной. Ни один из выстрелов не причинил Нагльфарку ни малейшего вреда. Заряды отскакивали от силового поля и по самым немислимым траекториям устремлялись в сторону берега. Взрывы в лесу слышались один за другим.

С грохотом откололась часть базальтовой плиты, ее обломки посыпались в воду. Местами озеро вскипало и всплескивалось гейзерами брызг. Пар от кипящей воды смешался с удушливым дымом горящих деревьев, и когда Павел обернулся, то обнаружил за спиной сплошную стену пожара. Теперь стало невозможным даже отступление — сзади путь к поляне был отрезан огнем, впереди растилась озеро с неумолимо надвигающимся кораблем мертвых.

Один из зарядов со страшной силой ударил в берег совсем рядом с Китоврасом. Волна горячего воздуха заставила Павла присесть на корточки. Как он заметил, вокруг фигуры Тима появился бледно-голубой ореол. Каким-то неведомым образом и он вступил в сражение, но его усилия оставались тщетными. Нагльфарк приблизился настолько, что можно стало различить узор в виде змеи на шлеме направляющего корабль к берегу старика.

Павел почувствовал, как давящая сила тупой злобы расплзается от Нагльфарка. И тут же он услышал слова Колдуна.

Колдун появился рядом с ним, словно не перемещался в пространстве известными Павлу способами, а возник прямо из воздуха. Казалось, он стал выше ростом, по крайней мере рядом с ним Павел ощутил себя совсем крошечным, почти гно-

мом. Седая борода Колдуна перекинулась ему за плечо, как шарф, в руке он сжимал великанский посох.

*— Хрюм едет с востока,
щитом заслоняясь.
Змей бьет о волны,
клекочет орел,
павших терзает;
Нагльфарк плывет.*

*Солнце померкло,
земля тонет в море,
срываются с неба
светлые звезды,
пламя бушует,
жар нестерпимый
до неба доходит;
Нагльфарк плывет.*

Колдун цитировал «Эдду», как актер, комментирующий происходящее на сцене театральное действие, и Павел ощутил невольную отстраненность от реальности. Не может быть ничего такого на самом деле, все ему только снится. Но новый громовой удар сотряс камни, берег заколебался, рискуя обрушиться в озеро, и Павел с благодарностью почувствовал ободряющее прикосновение к своему плечу — это Пинна белым мотыльком порхнула рядом, желая защитить его от опасности.

Из посоха Колдуна внезапно вырвался узкий луч света. «Это тоже какое-то оружие», — подумал Павел, но, на его удивление, Колдун передал посох Тиму, и тот высоко поднял его над головой, изготовившись для броска. Сам же Колдун, словно передав свою власть и силу, и тем самым совершив необходимый обряд, свободно взмахнул руками и плавно взмыл в воздух.

Еще мгновение, и огромный белый орел устремился к кораблю, вытянув вперед когтистые лапы, между которыми фиолетовой сеткой заискрились короткие молнии.

Хрюм на корабле устрашающе взревел, но заслонил лицо и грудь щитом и лезвием топора, в которые с неотвратимой силой ударили змеящиеся разряды. Сладкий запах озона смешался с едким запахом гари. Вода вокруг Нагльфарка закипела. Булькающие пузыри подняли огромное облако пара, скрывшее прибрежный участок от глаз наблюдающих за сражением.

Собравшийся метнуть посох, как копье, Тим остановил руку на полувзмахе. Нагльфарк полностью скрылся за белой пеленой, но с когтей орла срывались все новые и новые молнии и били в облако пара, почти не переставая.

Мощно взмахнув крыльями, орел на потоке горячего воздуха поднялся еще выше. Круг за кругом чертил он по небу бесконечную спираль, зорко вглядываясь вниз. От Нагльфарка, пробивая непроницаемую для глаз пелену, рванулись вверх несколько стрел, но ни одна не достигла гигантской птицы.

«Неужели победа!» — Павел приподнялся над краем обрыва, и в этот момент плотный клубок пара распался надвое, словно разрезанный острой брит-

вой, и в образовавшемся пространстве ясно стала видна уродливая фигура Хрюма.

Он стоял в самой середине суеотящихся вокруг него воинов и сжимал в руке тонкое длинное копье. Неуловимый взмах, и копье устремилось вверх. Оно мелькнуло неясной тенью, — не копьем, а привидением копья, — и пронзило тело орла, как иголка пронзает марлю. Ничуть не замедлив своего полета, копье исчезло в вышине, уносясь в стратосферу, и только липкий свистящий звук еще длился и длился.

Павел услышал, как рядом пронзительно и яростно, будто это не Колдуну, а ему причинили боль, закричал Тим. Крылья орла сложились, и он, перевернувшись на спину, стал падать в озеро комком белых перьев, не переставая испускать разряды молний, безвредно бьющих теперь в пустой небосвод.

Все вокруг неожиданно озарилось теплым золотистым светом. Краешек солнца показался над гористой грядой на северо-востоке. Его лучи заставили с новой силой вспыхнуть светящийся наконечник посоха, который Тим продолжал сжимать в занесенной для броска руке.

И хотя, как успел подумать Павел, было уже поздно, Тим с необыкновенной для его хрупкого тела силой метнул посох в сторону Нагльфарка.

Посох зазвенел в полете, сияние его наконечника усилилось во много раз, он словно резал солнечный свет, как тень, и не было от него спасения.

Одновременно с броском на Нагльфарке раздался боевой злобный крик. Борты корабля в долю секунды стали выше от поднявшихся над ними щитов. Один лишь Хрюм не пригнул головы, готовясь встретить удар широким лезвием топора, но неожиданно, не преодолев и половины расстояния, посох замер в воздухе.

Не только посох застыл в полете. Оцепенел, словно усыпленный необъяснимой колдовской силой, весь мир, лишенный движения времени. Так, прекратив свое мелькание, кадры кино становятся фотографией.

Ничего не происходило кругом. Но не успел Павел осмыслить это новое непонятное состояние, как на фоне неестественно мертвого покоя, на самой середине озера вода поднялась крутой полусферой.

Водяной холм рос и рос вопреки всем законам физики, не раскатываясь волнами к краям. Вскоре он достиг высоты в сотню метров. Вершина зеленоватого мерцающего купола вздыбилась над обрывом.

Павел перевел взгляд к кромке берега, но вместо двух распахнутых половинок увидел захлопнувшийся кокон Нагльфарка. Корпус его, оставаясь неподвижным, бледнел и терял четкость.

В ту же секунду вершина водяного купола превратилась в воронку. Закрутилась спираль водоворота, и над озером взметнулось неподдающееся описанию тело дракона.

Дракон был так велик, что его невозможно было охватить взглядом. Лимонно-золотистая чешуя блестела расплавленными зеркалами. Почти прозрачные перепончатые крылья ослабили свет взошедшего солнца, но, как само солнце, сверкал сам

дракон. Соединяя берега озера многоцветной скрепкой, повисла над миром ослепительно яркая радуга.

— Этого не может быть! — шептал Павел, но смотрел и смотрел, как дракон набирает высоту, почти не шевеля распахнутыми крыльями, неся во рту, между страшно-изогнутыми белыми клыками, жемчужное яйцо Дунги Гонгмо.

Потом Павел почувствовал, что он вдруг повис в безопорном пространстве. Что-то подняло его, и Тим оказался внизу, уменьшившись почти до точки. Павел перестал ощущать под собой землю, как будто весь земной шар исчез.

Затем послышался тяжелый-претяжелый вздох откуда-то снизу, и он очутился на дне глубокой впадины, и увидел Тима на краю обрыва как бы через огромную линзу, увеличенным в несколько раз.

Через бесконечно долго тянувшееся мгновение послышался резкий удар, будто крепко прихлопнули дверь в иной мир, и земная твердь вновь застыла, но еще до этого Павел упал ничком на камень, уткнувшись лицом в седой мох.

Солнечный зайчик, отразившись от никелированной спинки кровати, больно ударил в глаза, и Павел непроизвольно зажмурился. Он еще ничего не помнил и даже не сознавал себя, а просто жил спокойно и естественно, как примитивная, не осознающая, что она живет, белковая клетка.

Извне слышались звуки тихой суеты, и этот невнятный шум становился с каждой минутой понятнее и понятнее.

Павел вновь открыл глаза.

Белый потолок, окно, свет. Много света. Белые халаты и наклонившееся совсем близко к его лицу лицо незнакомого молодого мужчины.

— Вот, — голос мужчины выдавал скрытое торжество. — Все так, как и должно быть. Безусловно, болезнь Жарова, — эти слова он произнес, обращаясь к кому-то невидимому, но, несомненно, находящемуся рядом. — Это для вас такие случаи в новинку, а у меня за шесть лет работы на полигоне их накопилось примерно с десяток. Ты — молодец! — он нащупал пульс и удовлетворенно кивнул. — Теперь самое страшное позади. Скоро будешь на ногах. Вот, Инне не забудь спасибо сказать, она от тебя неделю ни на миг не отходила.

Павел безучастно посмотрел в сторону, куда кивком указал доктор.

Что с ним случилось? Попал в аварию?

Белое пятно халата приблизилось со стороны

окна. Лицо в контражуре было почти неразличимо. Лишь волосы вспыхивали золотистым сиянием, окружая голову девушки нимбом.

Девушка подошла совсем близко. Наклонилась. — Пинна! — закричал Павел, но прохладная ладонь предостерегающе легла на его губы.

— Видишь, Инна, ты ему понравилась.

Доктор рассмеялся и встал со стула, собираясь уходить.

— Ну, мне здесь теперь делать нечего, процедуры по графику.

Павел попытался сесть, и это неожиданно легко ему удалось. Тело слушалось безупречно, он чувствовал каждую мышцу, словно лежал не на больничной койке, а просто вставал с постели после здорового отдыха.

— Ну уж нет! — Пинна шутливо толкнула Павла в грудь. — Лежи-лежи. Ты так меня напугал.

— Где Тим? — вскрикнул Павел, но Пинна осуждающе покачала головой, и он продолжил уже шепотом. — Что с Тимом?

— С ним все в порядке. Теперь — он Хранитель.

— А Колдун?

— Ты же знаешь, — по лицу Пинны пробежала тень. — А вот Китоврас уцелел. Правда, пришлось лечить. Но главное — жив.

— Ты-то как здесь оказалась?

— А я с тобой. Так будет лучше, правда? И ты ведь не против? — лукаво улыбнулась Пинна.

— Я... — растерялся Павел. — Я — нет. Скажи, что с озером. Мы вернемся туда?

— Может быть. Как захочешь. Только того озера больше нет.

— Совсем нет озера! — Павел снова приподнялся на кровати, и Пинна успокаивающе обняла его.

— Нет, ты не так меня понял. Есть озеро, оно называется Тургай, и скоро его откроют для туристов. Ты ведь хотел пройти озеро на байдарке?

— А как же Тим, Никишка? Смогу ли я встретиться с Китоврасом?

— Я же сказала, может быть. Я пришла за тобой в твой мир, когда-нибудь ты станешь способен прийти в мой. Смотри лучше, что я тебе подарю.

Пинна шире отдернула шторы. Ломкие слабые стебли больничной герани под ее взглядом стали ярко-зелеными, а в следующий миг киноварью загорелись цветы.

Цветы из минувшего будущего.

Цветы из ненаступившего прошлого.

Ведущий рубрики Игорь ХАЛЫМБАДЖА

НОВОСТИ ФЭНДОМА

РОЛЕВЫЕ ИГРЫ-98

Этот выпуск ЗКЛФ мы посвящаем ролевым играм, завоевавшим необычайную популярность в последние 8 лет, после проведения первых хоббитских игр, предложенных представителями красноярского КЛФ на Аэлите-90 участникам фестиваля. Кое-кто обвиняет «ролевиков» в бегстве от действительности, эскапизме. Но скорее всего это жажда познать ощущение перевоплощения, частицу чуда — перемещение в мир больших страстей, волшебных превращений. А умение преобразиться в другого человека способствует и умению лучше понимать других людей.

ХОББИТСКИЕ ИГРИЩА-98

Традиционные ежегодные хоббитские игры 1998 года проходили со 2 по 8 августа в районе г. Михайловска на Среднем Урале. Игра проводилась на одном из берегов Михайловского пруда. Участвовало около 20 команд (1100 человек). Мастерская группа, наблюдавшая за соблюдением правил игры была из Красноярска. Время действия — конец Второй эпохи. В заключение 12 августа в ДК Михайловска был дан концерт авторской песни «Страна Средиземья».

Ратмир КАРЕНЕН

Впечатления одного из участников игры — ниже.

ХОББИТСКИЕ ИГРЫ — КАК ЗЕРКАЛО НАЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА

Хоббитские игры-98 (ХИ) были заявлены как самые массовые: ожидалось 1500 участников. Мастерами выступили те самые красноярцы, что сделали первые и лучшие ХИ за все время их существования. Со всей Сибири игроки были переквалифицированы в посредников. После игры ожидался двухдневный фестиваль...

А парадокс заключается в том, что сказать про прошедшую игру практически нечего. Люди, одетые в странные одежды, обсуждают обыденные вопросы, строят планы на будущее, тусуются со старыми приятелями, и только игра мешает почувствовать полный оттяг.

Любая игра — концентрат обыденной жизни, а жизнь — это вечное развитие, где дважды нельзя войти в одну и ту же реку. Ролевое движение развивается, копит опыт, создает и ломает собственные структуры, игровые модели отягощаются инструментарием, внутри которого существует свой сленг и мода. И

только ХИ словно остались в прошлом. Они давно уже превратились в империю, которую кусают пассионарные провинции и грозят мятежом. В рамках ХИ пересекается масса интересов, которые не могут быть удовлетворены из-за консерватизма формы, отчасти из-за отсутствия диалога между поколениями.

Мастера ХИ-98 сделали все, что могли: создали демократичные правила, обеспечили транспорт, дали игрокам творческую свободу. Но... в старые мехи не наливают молодого вина. Привычная форма ХИ — линейная структура команд — совершенно исчерпала себя. Все эти профессорские роскошества — эльфы, гномы, орки, хоббиты, энты, существа различной природы, по-разному влияющие на человека и

Рисунок Константина ДУБКОВА

САУРОН ОСАЖДАЕТ КРЕПОСТЬ ГНОМОВ

мир вокруг — все они неизбежно оказываются просто людьми с разными самоназваниями, и единственный их удел в борьбе за победу тьмы или света — обычная войнушка.

Те, кто хотят от игры чего-то большего, чем «зарница», ездят полудикими племенами, какими-то собственными образованиями типа «клан такой-то», «храм такой-то». Война проносится мимо них, все эти кланы словно не у дел, украшение без права решающего голоса. Зато игрокам их можно лишь позавидовать.

Повод для надежды и грядущих трудов есть: если ХИ себя исчерпали, то Профессор — нет. Пора приниматься за работу: искать адекватную форму игры, набраться смелости в отказе от традиций, забыть свой опыт и оценить все заново. Иначе, нашим фирменным анекдотом вместо «Толкиен же умер!» — «Нет, Толкиен бессмертен!» станет неутешительное: «Толкиен же умер!» — «Нет, просто он так пахнет!»

Л. Мем

ЗИЛАНТКОН-98

7-10 ноября в Казани состоялся очередной, уже шестой, Фестиваль фантастики, толкиенистики и ролевых игр «Зиланткон». Свое причудливое название он получил от имени казанского «родственника» Змея Горыныча, фигурирующего на гербе города. Впрочем, самый первый фестиваль назывался «Дни Толкиена в Казани», но с каждым годом программа его расширялась, пока не приняла нынешний вид. Второй год в город на Волге приехало около 600 гостей из городов России и Ближнего Зарубежья. Как всегда состоялись различные семинары (фантастиковедение, толкиеноведение, фэн-пресса, ролевые игры и пр.), конференция мастерских групп прошедших в 1998 году игр, презентация игр будущего года, литературный семинар молодых авторов. В литературной гостиной прошли пресс-конференции приехавших на фестиваль писателей-фантастов и разговор с ними «по душам». Состоялось вручение призов. «Большой Зилант» получили супруги Дяченко из Киева за книгу «Ведьмин век» и С. Лукьяненко из Москвы за роман «Лабиринт отражений». «Малый Зилант» — Т. Борщевская (Петер-

бург) за вклад в фэндвижение и многолетнюю работу по организации фестивалей «Зиланткон». Особый «детский Зилант» присужден Д.Р.Р. Толкиену и В.П. Крапивину.

Традиционное для любого фестиваля общение гостей между собой в гостинице, как всегда рождающееся стихийно, на этот раз «попало» в программу.

Фестиваль проходил, в основном, в ДК им. Горького, ряд мероприятий — в школах. Естественно ограниченность сроков и обилие мероприятий не позволили развести их все во времени. И многие гости сумели побывать только на 2-3 из них.

Как всегда, проходила ярмарка, где гости могли приобрести сувениры, книги, диски и иные памятные подарки. Как никогда была обширная культурная программа — несколько концертов, в том числе средневековой медивальной музыки, менестрелей, А. Свиридова, Л. Смеркович и др., был просмотр кино и видео-материалов, уже традиционное «Костюмированное гуляние».

ХРОНИКА

НЕКОТОРЫХ РОЛЕВЫХ ИГР 1998 ГОДА

* 17-28 июля — в рамках V фестиваля «Нордкон» в Котласе прошла ролевая игра «По XIII веку в Северной Европе», естественно с элементами «магии».

* 26-28 июля в Речице (Беларусь) прошел рыцарский турнир на ролевых видах оружия.

* 10-12 июля под Симферополем прошла IV Крымская ролевая игра, посвященная древней истории Крыма с участием... древнегреческих богов. Организована клубом «Черный доктор» из Симферополя.

* 13-21 августа под Санкт-Петербургом прошел фестиваль «Волки Одина», в котором участвовало около 300 человек из Москвы, Петербурга, Пензы, Коломны, Речицы, Архангельска, Котласа, Йошкар-Олы, Северодвинска.

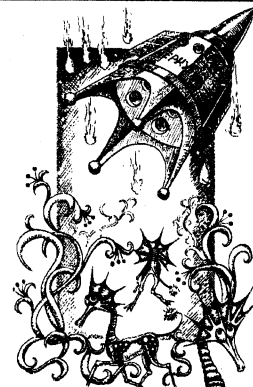
* В сентябре в Северодвинске прошла игра по произведениям Д.Р.Р.Толкиена. Участвовали клубы ролевых игр Северодвинска («Форн») и Архангельска. В октябре клуб «Форн» провел ролевую игру по произведениям Р. Желязны.

КОНКУРС «НЕНАПИСАННЫЙ РОМАН»!

ПАДАЙТЕ СПОКОЙНО...

- Меркурий-12! Меркурий-12! Вызываю станцию Меркурий-12!.. Мой звездолет терпит крушение! Я падаю!
- Скорее сообщите координаты предполагаемого места падения!
- По расчетам бортового компьютера точка падения находится в квадрате сто тридцать восемь-четыренадцать...
- Фу, слава Богу! Падайте спокойно, там сейчас никого нет.

В. Нейвин

Владимир АНУФРИЕВ

НОВИЧОК ИЗ ТАЙГИ

Повесть в новеллах

Почти всю жизнь я проработал в тайге. Много мне известно в лесных дебрях: где и какие растут деревья, как текут большие и малые речки, что можно найти в тайге съедобного и каким способом добыть зверя и птицу. Могу по таежному небу предсказать, какая завтра будет погода, а, присмотревшись к болоту, определить, можно ли по нему пройти.

Книга тайги написана на понятном мне языке. Но мир состоит не только из лесов и болот. Есть на Земле пустыни и джунгли, тундры и горы. И многое, многое другое. Несколько раз в жизни меня заносило из родных лесных краев то на юг, то на север. И везде я чувствовал себя новичком. Первоклассником. Я видел над собой другое небо. По нему носились какие-то непонятные ветры. Даже костры нужно было разводить совсем не так, как я привык. А уж про зверей и птиц и говорить не приходится. Совсем они на таежных не похожи. Ни видом, ни повадками. А поскольку я работал в этих краях недолго и оставался новичком, то и повесть получилась в основном о том, как я попадал впросак.

ТУНДРА

Сначала из знакомых мне лесов я попал в тундру. Из года в год продвигался дальше на север — сперва работал в южной тайге, потом в средней, затем в северной. Ну а за северной тайгой уже идет лесотундра.

Я подумал и решил — чего мне ехать в лесотундру? Там, наверное, все кусочками — то лес, то тундра. Лес я и так видел, а вот увидеть тундру хотелось не кусочками, а всю — целиком!

И мы с другом поехали на полуостров Ямал. Имя моего друга Сергей, но все зовут его «дядя Сережа». Это потому, что у дяди Сережи борода лопатой, а на носу сидят огромные квадратные очки. Всех своих друзей он называет «мальцами». Окружающие дядю Сережу уважают. Думают, что он большой начальник. А мы лишь посмеиваемся меж собой. Ведь дядя

Сережа вместе с нами в институте учился. Тогда у него никакой бороды не было. И очки он носил тоненькие — студенческие.

Так, вот... Прилетели мы дядей Сережей в город Салехард в марте. Нужно было выбирать место для экспедиции. Поговорить с бывальыми людьми — охотниками, рыбаками, метеорологами, заказать вертолет на лето, а главное — присмотреть избу.

Изба в тундре — большая ценность. Это вам не тайга. Здесь всякую дощечку приходится на себе тащить издалека. На месте ее не сделаешь — леса-то нет. У каждой избы есть хозяин. Вот с таким хозяином мы и мечтали встретиться, чтобы он разрешил нам лето пожить в доме, а не мерзнуть в палатке. Когда мы прибыли в аэропорт Салехарда, дядя Сережа сразу пошел договариваться, чтобы лететь дальше —

на Ямал. Выбрали мы нашей следующей точкой поселок Мыс Каменный. Полуостров Ямал плоский, равнинный, а тут — каменный мыс. Интересно все-таки. Необычно.

Пока дядя Сережа покупал билеты, я вышел на крыльцо — посмотреть на край тундры. Ведь город Салехард находится на самом Полярном круге.

Никакого края я не увидел. Горизонт прятался в легкой дымке поземки.

Рядом с аэропортом росли деревца. Они были щуплыми, изможденными и жалобно тянули тоненькие веточки из огромных, как великанские языки, сугробов.

Я представил себе, как такие же огромные снежные языки тщательно вылизывают эту удивительную землю, тундру, и понял, что деревца обязательно должны уступить такому напору. И сразу поверил, что если я полечу дальше на север, пусть даже совсем немного, то никаких деревьев больше не увижу. Эти — последние.

Мы снова летим, держа ориентир на мыс Каменный. Сверху тундра вся одинаковая. И небо над ней все одинаковое. И даже поземка, которая зализывает очертания земли, тоже одинаковая — злая и колючая. Главный цвет зимой в тундре — серовато-синюшный. И у земли, и у неба, и у поземки. Как сухое молоко, разведенное в кастрюльке. Мы летели в этом молоке. Лопастни пропеллеров старательно его размещивали, заваривая густой молочный кисель.

Приземляемся. У крыльца здания аэропорта стоят два вездехода и две оленьих упряжки. Вездеходы выбрасывали в воздух клубы дыма сзади, а олени — клубы пара спереди. Старались не мешать друг другу.

Дядя Сережа решительно вошел в зал ожидания, набрал в грудь начальственного воздуха и строго спросил:

— Чьи олени? Что здесь делают?

— Мои, — робко отделился от группы людей, одетых в неуклюжие оленьи шубы — совики, молодой парень. — Я охочусь здесь недалеко. Ко мне сестры приезжали, теперь их провожаю. Я не знал, что тут оленей нельзя держать.

— Ладно, — милостиво махнул рукой дядя Сережа, — это мы замнем, если нам в одном деле поможешь. Меня дядя Сережа зовут, — и он решительно протянул парню руку. — А тебя как?

Совики в углу приснули веселым девичьим смехом.

Хозяина оленей звали Алексей Явтысый. Пока его сестры садились в самолет, на котором мы прилетели, он успел пожаловаться, что братьев у него нет. Сестры приезжают только погостить и снова улетают учиться — одна в медучилище, другая — в педучилище. Один он в семье охотник.

— Ладно, — миролюбиво прервал его дядя Сережа, — ты нам лучше про избы расскажи.

— Есть одна хорошая изба на речке Сёяхе. теплая, большая, — откликнулся Алексей. — Три метра на четыре.

По нашим таежным меркам это не изба даже, а так — банька. Но ведь здесь своего леса нет. Наверное, для тундры это и впрямь большой дом.

— Свозишь нас? — взял быка за рога мой друг.

— Поехали, — вздохнул Алексей.

— А хозяина сможем увидеть? — спросил я.

— Если повезет, то увидим, — откликнулся Алексей и пошел готовить оленьи упряжки.

НЕ ТРОГАЙ ХОРЕЙ!

Олени были запряжены в нарты полукругом. В сухом морозном воздухе они глухо постукивали рогами. Алексей развернул одну упряжку, вытащил из снега длинную жердь для управления оленями — хорей и бросил его перед упряжкой на снег. Потом развернул вторые нарты и тоже бросил хорей под ноги животным.

Затем обратился ко мне:

— На оленях никогда не ездил? Научишься! Главное, не трогай хорей!

Дядя Сережа гордо стоял рядом. По его виду можно было сказать, будто он каждый день ездит на оленях. Вот ему, мол, хорей трогать можно.

Алексей ловко упаковал груз, потом напаялил на нас совики, и мы сразу стали неповоротливыми.

— Садись!

Кивнул он мне.

Пока я устраивался к Алексею на нарты, дядя Сережа подошел ко второй упряжке, нагнулся и взял

хорей в руки. Теперь он на своих нартах становился главным.

Тут же олени щелкнули копытами и полетели вперед — куда глаза глядят, а за ними, крикнув, дернулись и мои нарты.

В последнюю секунду откуда-то сбоку ко мне на колени упал Алексей. Он высоко подбросил ногой свой хорей, подхватил его на лету и начал погонять оленей, покрякивая на них хриплым, сердитым голосом.

Я обернулся. Изумленный дядя Сережа со своим хореем в руках остался стоять у крыльца.

Метров через триста первая упряжка запуталась на повороте, когда мы пытались завернуть ее обратно. Алексей воткнул в снег тормоз — остол, бросил хорей и пошел распутывать постромки. Потом он сел в нарты, подбросил хорей ногой, и мы помчались назад к аэропорту.

Алексей молча притормозил. Помог мне встать и пересел на вторые нарты. Сказал укоризненно в пространство:

— Я же говорил: не трогай хорей!

Усадил дядю Сережу к себе за спину, подбросил хорей, и олени тут же помчались вперед. Я едва успел подхватить свою жердь. Поддержал ее на весу, а потом пристроил на нарты. Пользоваться хореем я все равно не умел. Да и не было нужды. Моя упряжка мчалась вслед за первой. Я уселся поудобнее и запел песню. Она была про первый тундровый урок:

«Не трогай хорей, если ты не готов тронуться в путь. Олени ведь этого не знают!»

ЧАЙ

Сначала тундра показалась мне однообразной — ровной, бесцветной. Упряжки то спускались в незначительные ложбинки, то двигались горами длинных пологих холмов.

Потом я заметил, что снег везде лежит разный. Где-то олени утопали по щиколотки, где-то шуршали сухой крупой. Но чаще всего они бежали по звонким тугим надувам — легко, как по асфальту.

Я понял, что Алексей специально выбирает такую дорогу, чтобы животным было легче. Он читал свою тундру, как страницы хорошо известной книги.

Потом, когда мне начало казаться, что я тоже стал улавливать ритм и расположение снеговых дорог, Алексей вдруг свернул куда-

то и мы поехали пологим склоном вниз — все дальше и дальше. Олени шли тяжелее, но мы упорно ехали вперед.

Вдруг впереди из земли показалась щетина. Тундра стала похожа на щеку огромного небритого человека. Упряжки с ходу влетели в щетину и затормозили.

— Привал! — встал со своих нарт Алексей. — Чай варить будем!

Я тяжело слез с нарт и только тут разглядел, что щетина — это верхушки занесенного снегом ивняка. Ивняк этот доходил нам до колен, а летом, наверное, скрыл бы и с головой. Мы были в тундровом лесу! Лес, конечно, был маленький, ненастоящий, но он так отличался от голой тундры, что я сразу почувствовал себя увереннее.

Ведь я оставался лесным человеком даже в тундре.

— Так! — бодро вскочил дядя Сережа. — Где дрова брать?

— Как где? — изумленно уставился на него Алексей. — Вон сколько дров кругом!

Дядя Сережа окинул щетину глазами. Посмотрел в одну сторону, в другую.

— И это, кхм, дрова? — крикнул он.

— Конечно! — Алексей ловко ломал прутья, стараясь выбирать сухие, погибшие. Потом он построил из сучков крохотный остроконечный костерок, подвесил над ним чайник и стал набивать его снегом.

Через минуту костерок весело запылал. Огонь экономно облизывал дно чайника, а Алексей ловко подкармливал то костерок прутьями, то чайник — снегом.

Спустя полчаса мы пили крепкий душистый чай.

— Здорово! — честно признался, вкусно прихлебывая напиток, дядя Сережа. — Мне бы этих щепочек хватило только на растопку.

— И мне тоже! — согласился я.

— Этак вы нам все ивняки за лето переведете! — засмеялся Алексей.

ТУНДРОВЫЙ ХАРАКТЕР

После чая ехать было еще приятнее. Нарты мягко покачивались на пригорках. Олени ритмично щелкали копытами. Клонило в сон. Я все время боялся выпасть из нарт. Алексей гнал свою упряжку не оборачиваясь. Остаться одному посреди незнакомой тундры мне не хотелось.

При каждом толчке я судорожно хватался за что-нибудь руками и старательно таращил глаза в сгущающиеся сумерки. Они наливали тундру густым синевато-серым цветом. На небе появились звезды, разбегались во все стороны. Начинало морозить.

Впереди была неизвестность, а сзади остался теплый уютный аэропорт. Немного хотелось назад.

Вдруг упряжки снова влетели в щетину, но теперь уже бежали по ней не останавливаясь. Ивняки мелькали то справа, то слева, сухо стучали по полозьям нартов. Вдруг впереди показалось что-то темное и неестественно огромное. Когда мы подъехали ближе, оказалось, что это и есть обещанная изба — три на четыре. Но какой же она казалась нам большой! Наши таежные глаза привыкли к тундровым просторам и предметам.

Пока Алексей занимался оленями, мы с Сергеем топили железную печку и готовили ужин. В избе почувствовали себя как дома. Да и дрова в сенах нашлись настоящие — нормальные тяжелые поленья, а не ивовые прутьики.

Через час мы сидели за столом и весело смеялись, болтая о пустяках.

Наконец Сергей перешел к делу:

— Хорошая изба! Нам подходит. Неплохо бы с хозяином договориться.

— Договаривайтесь, — хитро блеснул глазами Алексей. — Я и есть хозяин.

— И молчал?! — поразился Сергей. — Чего же сразу не сказал?

— Надо было посмотреть, что вы за люди, — улыбнулся наш новый знакомый.

— Ну и что мы за люди? — расхохорился Сергей.

— Вова — очень хороший человек, — кивнул на меня Явтысый.

— А я? — обиделся дядя Сережа.

— А ты просто хороший. Потому что хорей брал.

Я не выдержал и прыснул прямо в кружку с чаем.

Сергей долго обиженно шуршал на нарах, устраиваясь на ночь. Ему казалось несправедливым, что он оказался «просто хорошим» человеком. Ведь он все это устроил. Договаривался. Командовал.

К счастью, обиды Сергея не хватило даже до утра. Встал он ни свет, ни заря. Песни пел. Готовил завтрак.

Утро было пасмурным. Потеплело. Поземка замела вчерашний след, и я никак не мог ре-

шить — тем же путем возвращаемся назад или другим.

Я еще не привык к тундровому морю открытого пространства. То мне казалось, что я узнаю вчерашний холм или ложбину, то мгновение спустя убеждался, что ошибся. Тундра обманывала меня, кружила голову тайнами безбрежной заснеженной земли.

Я даже не дремал, как за день до этого, а все думал и думал. Пытался понять что-то самое важное об этих просторах.

К обеду мы увидели на горизонте столбики дыма. Погода опять прояснилась. Мы подъезжали все ближе. Столбики сужались к основанию. Наконец показалось здание аэропорта.

— Ну, спасибо тебе, дорогой! — тряс дядя Сережа руку Алексею. — Сейчас зайвочку оставим на вертолет и можно лететь домой. Летом увидимся, да?!

— Да нет, наверное, — застенчиво признался Алексей. — Я летом с отцовским стадом کوچую. Они сейчас на юге — аж за Салехард ушли, а летом вернутся.

— Жалко! — искренне признался Сергей.

Мы пожали Алексею руки.

— Спасибо тебе за все! — добавил я. — Ты сейчас назад — к избе?

— Нет, — Алексей отвел глаза в сторону. — Мой участок совсем в другой стороне. Просто хотелось вам помочь. Ну, пока!

Явтысый ловко подкинул ногой хорей и повалился в нарты. Первая, за ней вторая — привязанная упряжка покатились по белой тундре, становясь все меньше и меньше, пока совсем не исчезли с глаз.

— Вот человек! — восхитился Сергей. — В первый раз людей увидел и так помог во всем.

— Наверное, это и есть тундровый характер! — вслух подумал я.

ЯЗЫК ТУНДРЫ

Я все время гадал, как выглядит тундра летом. Мне хотелось познакомиться с ней. Но получилось так, что я смог поехать в поле только в августе.

Дядя Сережа уже два месяца работал и жил в избе Алексея Явтысыя. Кормил комаров и ругал меня на чем свет стоит. Когда ты один кормишь комаров там, где договаривался кормить вдвоем с другом — это нормальное дело.

...Над тундрой стоял птичий гомон.

Каждое озерцо заняли гагары и теперь сто-

нали свои заунывные гагарьи песни.

Гагары были двух видов — чернозобые и краснозобые. Они старались перепеть друг друга. Наверняка, свои вопли им ужасно нравились.

Я сел на кочку, чтобы послушать тундру. Делать этого не стоило. Из кочки тут же, как из губки, выступила вода. Тундра только притворялась частью суши. На самом деле она была сплошной водой.

Я вскочил и слушал тундру уже стоя.

Она разговаривала совсем не похожим на тайгу языком. Не было шевеления мелкой птичьей жизни — с ее песнями, криками, позывками. Воздух заполняли крупные птицы. Огромные серебристые чайки — халеи деловито летали вдоль залива. Тут и там висели в воздухе крачки. Иногда их гоняли длиннохвостые поморники. И все эти птицы издавали звуки. Резкие. Непривычные.

Язык тундры мне не нравился. Казался грубоватым, неутонченным. Мне предстояло его изучить и привыкнуть к нему.

Я еще не знал, что полюблю эту гортанную, странную речь.

КОМАРЫ

Дядя Сережа очень обрадовался, что я приехал. Потому что комариный сезон еще не кончился.

Комары в тундре — самая большая напасть, и дяде Сереже хотелось отомстить мне за скучное двухмесячное сидение. Он изо всех сил притворялся больным, и мне приходилось целыми днями мотаться по тундре.

Но мерить тундру ногами мне нравилось. Я узнавал маленькие тайны этой земли. Огорчались только комары.

Я ждал заморозков как божьей благодати. Заморозки должны были покончить с летающими злодеями, но август стоял на удивление теплый.

Каждый шаг по карликовой березке или ивняку-ернику сбивает с веточек сотню комаров. Они радостно поднимаются в воздух.

К счастью, в тундре всегда дуют ветры. Чаще всего северные — холодные. Ветер такой плотный, что если идешь на него, то можно полулежать, почти падая вперед. Тогда комары сидят на твоей спине и злобно зудят.

Зато когда ветер дует в спину, комары лезут в нос, глаза, уши.

От комаров можно убежать. Вскрикнуть, метнуться несколько раз из стороны в сторону

и дать пробежку метров на сто.

Правда, убежать удастся ненадолго.

Каждый новый шаг по ернику, и сотня маленьких кровопийц поднимается в воздух. Хорошо еще, если идти приходится на ветер.

Когда я иду по ветру, дядя Сережа должно быть, без перерыва крутится в своем пологе. Так часто я его поминаю.

Но однажды тундра стала наконец золотой и багряной. пожелтели карликовые ивы, загорелись огнем березки. Ночью был мороз. Тундра щедрой рукой насыпала мелкую золотую монету листочков, чтобы откупиться от комаров. Наверное, ей от них тоже достается.

СТОРОЖ

У тундры есть свой сторож.

Его зовут тулес. Это крупный кулик в черном жилете и сером фраке с нарядным белым подхвостьем.

Быть сторожем щеголю тулесу нравится. Стоит кому-нибудь появиться на горизонте, как он с заунывным криком «туу-етса в воз-том пикирует и бежит впереди

ближе чем на сто метров тулес человека к себе не под-ет и ноет на всю тунд-идет! Человек!»

Первое время мне хотелось убить тулеса. Раз-дражали его крики, противное стремление обязательно обратиться на себя внимание.

Потом, привыкнув к тундре, я начал думать по-иному. Ведь тундре повезло: у нее есть свой сторож. Многие животные, предупрежденные им, успевают попрыгаться. Не всегда ведь человек приходит в природу с добрым сердцем.

И тулес, изо дня в день, завидя человека, взмывает в воздух: «Туу-ли! Тюирли!»

Потом бежит впереди. Приглядывает за порядком.

Наконец взмывает в воздух и летит назад — на свой участок. Но тут же в воздухе появляется другой тулес. Ты пришел на его территорию. Потом он сдаст тебя третьему...

И это правильно. Нельзя же одной птице стеречь всю тундру.

Миром легче.

ГУСЬ

ДО СВИДАНИЯ, ТУНДРА

У дяди Сережи случился день рождения. Ему захотелось съесть гуся. Жирного тундрового гуся, на каком летал по всей Швеции мальчик-с-пальчик по имени Нильс.

Наверное, дядя Сережа не читал этой книги. Гуся ему было не жалко.

— Сегодня я ничего не делаю! — заявил он с утра. — У меня день рождения! Хочу гуся!

И я пошел гуся добывать.

Сначала мне попались утки-морянки. Они нахально крутились перед носом, явно не считая меня за приличного охотника.

Скрипя зубами, я прошел мимо нахалок.

Потом попался выводок утки-шилохвосты.

Мимо шилохвостей я тоже прошел гордо. В стволах у меня были вставлены патроны на гуся. Дробь два нуля.

Потом я долго шел по тундре — от озера к озерку, от ручья к ручью.

Тундра вымерла. кто-то предупредил зверье и птиц, что дядя Сережа хочет гуся. На всякий случай все попрятались.

Но возвращаться без добычи было глупо. И я упорно шел вперед.

Вдруг из ивняка на берегу речки раздалось хлопанье могучих крыльев, разбег по воде.

«Бабах!» — не раздумывая, выстрелил я.

Красавица, краснозобая гагара, лежала на берегу. Никогда не стонать ей больше свои ггарьи песни. Три капельки крови оста-

лись на осоке.

Я нес домой гагару и сдирался на дядю Сережу.

Потом я щипал гагару за домом, чтобы дядя Сережа не догадался, что это не гусь.

Потом тушил гагару с картофелем.

Наконец, когда я приготовил ее, злость на дядю Сережу у меня кончилась. У человека всего раз в году случается день рождения. Так пусть он будет веселым, ведь вернуть гагару уже было нельзя.

Праздник получился замечательным. Мы даже пели песни.

Когда съели все блюда на столе, дядя Сережа хитро подмигнул мне и сказал:

— Никогда не думал, что гагары такие вкусные. Гораздо лучше гуся. На следующий год на день рождения опять хочу гагару!

Мы стояли с дядей Сережей на берегу озера.

Озеро лежало прямо у крыльца нашего дома. Похожее на чайное блюдце, оно нависало над берегом речки, но чай из блюдца не выливался. Не давала вечная мерзлота.

Мерзлота не успевала растаять за лето.

Слишком коротко оно в тундре. Слишком коротко.

С неба лениво падали снежинки. Первые сентябрьские снежинки опускались на тундру, на озера, на крышу нашего дома и сложенные у крыльца вещи.

Мы ждали вертолет. Наша экспедиция закончилась.

— Знаешь, — задумчиво проговорил дядя Сережа, — я, наверное, останусь здесь.

— С ума сошел? — встрепенулся я. — Как выбираться-то будешь?

Дядя Сережа рассмеялся:

— Ты не понял! Сейчас мы улетим домой. Но на будущий год я вернусь сюда. И на следующий год тоже. Я полюбил тундру. Мне нравится ее плотный ветер!

Мы помолчали.

Тундра лежала, странно притихшая. Время ее разговоров кончилось. Птицы покидали тундру молча. Совсем не так, как прилетали весной. И это правильно. Если при встрече нужно радоваться, то расставаясь — лучше помолчать.

— А я в тайгу, — возобновил я разговор. — В тундре интересно, но я соскучился по лесу. Хочется проснуться, а в окно царапают ветки...

— И дождь! — подхватил Сергей.

— Да, дождь это здорово! — согласился я.

И тундра словно услышала наши слова. Воздух потеплел, и вместо снежинок на землю посыпались крохотные капельки осеннего затяжного дождя.

В дождливой дымке родился знакомый звук. Над притихшей тундрой летел наш вертолет.

Мне подумалось, что теперь долго-долго я не увижу тундру.

И это случилось именно так. Но я не жалею, потому что точно знаю — мы еще встретимся вновь...

До свидания, тундра!

ЛЕСОСТЕПЬ

Вы когда-нибудь летали над лесостепью? Так, чтобы окинуть одним взглядом все ее пространство — от горизонта до горизонта? С полями, лугами, перелесками и озерами?

А на горизонте дымка.

За дымкой прячутся другие страны. Наверное, тоже прекрасные и удивительные. Но разве сравнишь их с этим чудом — сибирской лесостепью?

Ты висишь в теплом, прогретом воздухе, и только восходящие потоки шевелят твои крылья...

Честно скажу, я так не летал. Над лесостепью я летал только на самолете. А в самолете иллюминаторы. И железные крылья. Они мешают смотреть вниз. И не вдохнуть всей грудью свежего, терпкого ветра.

И все же, даже с самолета, невозможно насладиться этим краем. Сотнями озерных глаз смотрит он на тебя снизу. И ложится-ложится под крылья самолета. Часами. Тысячами километров.

Озера округлой формы сплошь покрывают землю. Словно детской рукой разбросаны во все стороны невиданные игрушки. Словно накрыта для чьего-то гигантского чаепития удивительная скатерть-самобранка. Блестят блюдца с чаем. Соленым, пресным, голубым, розовым. На любой вкус.

Так открылась мне лесостепь сверху. Я летел над ней в самолете из Новосибирска в Тюмень. Заходящее на западе — туда, куда летел мой самолет, — солнце красило лесостепь в розово-голубые цвета. Только цвета эти были не яркие и чистые, а затуманенные, круто заправленные дыханием и паром земли.

По лесостепи шла весна. Она уже съела снега, и лишь по березовым колкам прятались рыхлые сугробы.

Самолет пошел на посадку. Лесостепь синела своими глазами. Я пытался заглянуть в них. Правда, еще стеснялся.

Я приехал со студентом-дипломником Геной. с борта самолета манили нас бесконечные озера-блюдца. А на земле пространство начинающей зеленеть земли казалось плоским. Иногда из этого пространства торчали сломанные зимними бурями камыши. За камышами прятались озера.

— Будем пробираться к воде? — поинтересовался Гена.

Я никогда не бывал на степных озерах и легкомысленно согласился.

Мы развернули болотные сапоги-бродни и решительно нарушили границу.

Камыши широко улыбнулись и проглотили нас. Я шел впереди. мои сапоги были выше. Воды еще не было, но Гена послушно трещал след в след. Осваивал полевую науку. Камышам не было конца и края. Даже птичьи крики стали будто тише. Окружавшая нас стена поглощала звуки. Наконец, под ногами зачавкала вода.

— Скоро придем! — подбодрил меня Гена.

— Ага! — согласился я.

Очень хотелось так думать. Вода медленно прибывала. Мы брели уже по колено, а камыши не кончались. Птичье царство оставалось таким же далеким. Внезапно солнышко скрылось за тучку. Небо порядком затянуло. Погода потилась.

— Гена, не отставай, а то заблудимся, — на всякий случай сказал я. Мне никто не отозвался. Гены за спиной не было.

— Эй, ты где? — крикнул я. Потерять Гену в камышах мне решительно не хотелось. Все-таки я был опытным человеком, а он новичком. Я развернулся и пошел обратно. Время от времени я громко кричал:

— Где ты?

Отвечали мне только птицы. Птичьего языка я не понимал. Солнышко упрямо не показывалось. Внезапно меня взяло сомнение — правильно ли я иду? Воды было чуть выше колена. Она не прибывала и не убывала. Я взял правее. По подсчетам я должен был идти теперь к берегу, но вода становилась глубже. Стало окончательно непонятно — откуда пришел?

Вдруг слева от меня затрещали камыши.

— Гена, это ты? — радостно бросился я на звук.

Кто-то напролом бросился в сторону. Слышно было сопение и мерный плеск воды. Меня прошиб пот. Я понял, что Гена так сопеть не может. Кто же это? Медведь? Корова? Кабан?

Еще полчаса я бродил по камышам, уже окончательно уверившись, что мне предстоит ходить по ним вечно. Вдруг навстречу мне вышел Гена. Он двигался, но камыши пропускали его без треска.

— Где ты ходишь? — спросил он.

Я открыл рот, но сделал над собой усилие и ничего не сказал.

— Пошли, — поманил Гена.

Я уныло плелся за ним. Гена по непонятным для меня приметам вел меня по камышовым джунглям. Вода становилась все мельче. Наконец выбрались на берег. Я с наслаждением упал на землю. Ноги от долгой ходьбы по воде гудели.

— Видел озеро? — спросил я своего студента.

— Видел, — ответил тот, — правда издалека. Глубоко. А ты куда ходил — славок смотреть? С этими славками любой заблудится. Чего не кричал?

В ответ я промышчал что-то невразумительное. Никаких славок я не видел. Было не до них. Я понял, что лесостепь приняла Гену. Ведь это было его первое боевое крещение в жизни.

Я же так и остался на этой земле новичком. Новичком из тайги.

УРОК БАХМЕТА И ЛАДЬИ

Я всегда любил коней. Только мне на них редко приходилось ездить. Несколько раз в детстве — в деревне у бабушки, да пару раз на ипподроме.

На ипподроме работал мой друг Виталик. Он был ветеринарным врачом и частенько приглашал меня покататься. Однажды он вышел из своей ветеринарной лечебницы и увидел меня на прекрасном донском жеребце Лиходее — гордости ипподрома. Вечером, пряча глаза, он сказал:

— Знаешь, я тебя очень люблю, но мы с тобой познакомились уже в студенческие годы. А лошадей я люблю с детства. Поэтому прошу — давай мы с тобой не будем встречаться на ипподроме.

Я постарался понять Виталика и простить его. Правда, его слова и теперь кажутся мне несправедливыми. По-моему, я довольно неплохо езжу верхом.

Конечно, насчет лошадиного характера я — специалист некрупный. Что верно, то верно.

Когда мы со студентом Геной прилетели в Ишимскую лесостепь на весеннюю разведку, мне сразу пришла в голову мысль о лошадях. Во-первых, Гена был маленький и худенький. И хотя он рвался работать побольше, я боялся, что загоняю его на маршрутах. Ведь в открытых местах ходить приходится много. Во-вторых, я представлял себе, как это здорово — мчаться верхом на скакуне и ловить ртом густой степной воздух. Наверное, во мне заго-

ворил голос каких-то кочевых предков.

Я пошел в колхоз и попросил двух лошадей. К моему удивлению, там сразу согласились. Но когда конюх — татарин Тагир вывел двух оседланных кляч, я сразу понял, что кочевые предки в моей душе могут спать спокойно. Хватать густой от скорости воздух нам не удастся.

— Ты неправильно на коней смотришь, — усмехнулся Тагир. — Это заслуженные кони. Призовые скакуны. Просто они теперь на пенсии. Этот жеребец — Бахмет, а кобыла — Ладья. Смотрите, не особенно их гоняйте. А то они с непривычки охромеют!

Тоже мне призовые скакуны!

Сели мы с Геной в седла и давай коняг понукавать. А те идут неторопливо, только ушами потряхивают. Да еще все время назад оглядываются — далеко ли от конюшни ушли?

Правда, ругали мы их все же зря. Нешатко, невалко наш Бахмет с Ладьей целый день возили нас по степям и колкам-перелескам. Километров тридцать мы отмахали. Потопай столько своими ножками по весенней земле! На открытых-то местах снег уже сошел, а в колках лежал мокрыми слоистыми пластами.

Наконец мы повернули в сторону дома. Наши коняги сразу пошли веселее. Откуда только прыть взялась!

Едем, едем, поскрипываем седлами, вдруг поперек дороги препятствие. Канавка — не канавка. Речка — не речка. Так, неторопливый какой-то поток. Ширина от силы метра четыре.

— Вперед, — говорю, — Бахмет!

А мой конь ни с места. Гена Ладью по бокам каблуками лупит:

— Давай, миленькая! Ну, чего ты?

Я тоже удивляюсь. Поток неглубок. Я специально слезал, дно ногами щупал. Хорошее дно, гладкое. Но наши кони пятятся от воды, храпят. Разобрала меня злость, схватил я плетку-камчу и давай Бахмета по боку охаживать. Напрягся мой пенсионер да как прыгнет вперед! А дно под ним как ухнет! Провалился Бахмет по самое седло. Еле успел я ноги задрать.

Всплыли вокруг меня осколки льдин. Оказывается, дно хитрое — двойное. Бежала талая вода прямо по льду степной речки. Уж очень стремительно весна налетела на эти края.

А мой Бахмет как ледокол — на льдины наваливается, крошит их, но вперед пробивается. Оглянулся я назад, а за мной Гена на Ладье плывет. Тоже ноги на седло задрал.

Подплыли кони к берегу, в два скачка вы-

метнули на берег и давай ходу к дому! Без остановок. Сначала на рысь перешли, а как деревню увидели, то и на легкий галоп.

Вот тебе и пенсионеры!

Прискакали мы к конюшне, сдали лошадей Тагиру. Гена размял ноги, поприседал и говорит:

— Ничего себе! Я бы после такого купанья сразу седоков посбрасывал!

Я ничего не сказал, но тоже так подумал.

На следующий день пришли мы на конюшню. Гадаем, захотят ли кони-пенсионеры с нами идти?

А Бахмет с Ладьей увидели нас и заржали радостно. Старость всегда мудра.

«Чего на них обижаться, — видно, решили старые кони, — молодежь учить надо. Даже если это не всегда приятно».

* * *

Широки степные дороги.

Когда-то по ним мчались на низких косматых лошадаках тумены Чингисхана.

Сегодня мчимся мы с Геней на своих верных старичках.

А дороги все так же широки. Как и тысячу лет назад. Как и две тысячи.

Юная трава пробивает скорлупу земли, лезет вверх, манит в дорогу. Прячет унылые осенние разбитые тропы.

Ах, как привольно дышится, какие тугие оболочки* бегут по ясному, глубокому небу. Хочется смеяться, кричать во все горло залихватские степные песни.

Скрипит седло, похлопывают по крупу лошади притороченные вьючные сумы.

Останавливаемся на склонах пологих вросших в землю курганов, прижимаем бинокли к глазам. Быстро-быстро размечаем летние маршруты и снова вперед.

Вдруг Бахмет сбивается с мягкой, неторопливой рыси, начинает крутить головой во все стороны, пытается укусить меня за колено. А Ладья под Геней бежит вперед. Неторопливо, надежно. Натягиваю удила построже, шпорю своего коня, но он все сбивается с ноги, все трясет головой.

Окликаю Гену. Слезаю с коня, осматриваю копыта. Ничего не понимаю. Вроде все в порядке. Ни ушибов нет на ногах у Бахмета, ни ссадин. Чего волнуется конь?

— Эй! — окликает меня Гена. — Это что

там лежит?

Прижал Гена бинокль к глазам, смотрит туда, откуда мы прискакали. Я взбираюсь в седло, тоже настраиваю бинокль. Что-то или кто-то в грубой зеленой шкуре прячется в мелкой ложбинке метрах в восьмистах от нас. Мала еще юная трава, не может спрятать степь ничего, укрыть ковылями. Но тщетно вглядываемся мы вдаль. Так и остается неясным — как могли мы на этом ровном пространстве пропустить хоть что-нибудь.

— Придется ехать! — вздохнул Гена, опускающая бинокль.

— Да уж! — соглашаюсь я. Все равно с такого расстояния не понять — что же прячется от нас в траве.

Бахмет на удивление охотно движется теперь подо мной. Грива в гриву скачем мы с Геней, гадая на ходу, что лежит в траве на пробитой нами тропе. Остается триста метров, двести. Я быстро оглядываюсь, бью себя по коленям и начинаю хохотать. Гена смотрит на меня удивленными глазами.

Наконец я смахиваю набежавшие слезы и выдавливаю:

— Ге-Гена... это же моя ... вьючная сума...

Гена натягивает поводья и тоже начинает смеяться.

Наши кони второй раз учили нас не быть самоуверенными здесь — в незнакомых для нас краях.

Ведь Бахмет сразу почувствовал пропажу. И как он старался показать мне: «Оглянись! Оглянись, таежник! Это ведь не лес. Здесь все дороги открыты глазу. Оглянись! Не оставил ли ты что-нибудь, ради чего стоило бы вернуться?»

ПРОЛЕТ

Над землей летели перелетные птицы.

Они летели над пустынями и оазисами Средней Азии. Потом над степями. Птицы торопятся все дальше на север.

Теперь они тянули над нами.

Мы с Геней стояли на кургане и смотрели на бесчисленные стаи.

Наши кони щипали травку. Их не интересовала скучная птичья жизнь. Стоит ли куда-то лететь, суетиться, когда из земли лезет молодая сочная трава?

Мы не были согласны с нашими верными друзьями. Нам были понятны птичьи желания.

Хотелось оттолкнуться от земли, махнуть крыльями и рвануть куда-нибудь, чтобы успокоить тревожное сердце.

Иногда птицы уставали, и тогда стаями сыпались на землю.

Лесные пернатые набивались в колки, и те гудели от мелкого многоголосья. Огромными массами летели вьюрки, зеленушки, лесные коньки. По опушкам суетилась овсяночная жизнь. Здесь можно было увидеть рядом обыкновенную овсянку и овсянку-крошку и даже редкую красавицу — белошапочную.

По открытым участкам встречались тундровые знакомые. От лужи к луже, полыхая крыльями, металась стаи турухтанов. Иногда петушки спохватывались и заводили скоротечные турниры. Устраивать их по-настоящему было некогда. Их ждала покрытая еще зимними снегами тундра.

Здесь же на лужах крутились стайки мелких куликов-песочников. То и дело из-под лошадиных копыт взлетали ближайшие родичи тулеса — бурокрылые и золотистые ржанки. Каждый раз мое сердце вздрагивало. Но сторожа тундры не было. Ржанки хоть и кричали так же заунывно, как тулес, но старались держаться от человека подальше.

С остановками на озерах летели гуси и многочисленные утиные стаи. Водоплавающие жадно цедили чай лесостепных озер. Впереди их ждали узкие голодные забереги на речках тайги и тундры.

Рядом с северными путешественниками по озеру гордо плавали пеликаны. С земли их не было видно, но иногда эти тяжелые птицы взлетали над озерами и делали круг над водой.

Мы ехали с Геной по ровным, гулким под лошадиными копытами пространствам. На пространствах устроилась тундровая мелочь. Рогатые жаворонки, лапландские подорожники, краснозобые коньки.

Мне нравился пролет в лесостепи. От колка к колку, проезжали мы то птичьей стаи степей, то тундры, то лесов.

Над головой висела песня черного жаворонка. Впереди наших коней бежала смешная степная птица авдотка. Она то убегала вперед, то поджидала нас, мелко кланяясь.

Вдруг из-под ног с противным бляением сорвался комок белой куропатки.

— Тоже на пролете, что ли? — удивился Гена.

— Нет, — улыбнулся я. — Это местные. Разве ты не чувствуешь, что эти места чем-то

похожи на тундру?

Гена задумался. Он никогда не был в тундре.

А я уже знал, что прав. Мне говорила об этом не только куропатка. Просто я услышал в воздухе знакомый гортанный голос. Только легкий степной акцент мешал мне понять до конца — о чем это важным так тревожно кричат птицы.

КРАСАВКИ

В лесу увидеть птиц удастся не сразу. Сначала слышишь крики или песни, а уж потом доберешься и до самих певцов.

На открытых пространствах все не так. Чаще всего птицу ты сначала увидишь, а уж потом подойдешь к ней на такое расстояние, что она закричит. Да еще как закричит! Стоит вспомнить мне голос тулеса в тундре, как сразу начинают ныть зубы.

Но еще хуже, если птица крупная и молчаливая. Терпит-терпит она, если ты на нее идешь, а потом как взлетит из укрытия! От страха шапка на голове поднимается.

Идем мы с Геной по маршруту. От перелеска к перелеску. Удивительные это леса — лесостепные колки. Одна береза в них растет. А под березами — трава да шиповник. Настоящий парк. Правда, птиц в них не так уж много. Лесные птицы предпочитают лететь дальше на север — к настоящим лесам. Сосновым. Еловым.

Наконец, вышли на обширное пространство. Луга и поля сливались с горизонтом, стояло знойное текучее марево.

Едва тронулись мы от перелеска вперед, как в мареве появился удивительный цветок на длинном стебле. Стебель качался в плавающем воздухе, а длинный лепесток цветка топорщился на ветру. Не успели мы удивиться, как рядом с первым цветком закачался второй, третий. И вот уже весь горизонт был усеян удивительными цветами. Приглядевшись, мы увидели, что из каждого цветка кроме раскачивающегося лепестка торчал длинный твердый клюв. Клювы были решительно направлены к земле, но ходили из стороны в сторону.

— Красавки! — воскликнул я и махнул Гене рукой, чтобы он присел.

— Какие красавки? — запыхтел он рядом.

— Журавли такие, — отмахнулся я. — Любуйся лучше. Они в Красную книгу вписаны.

Редкий вид.

— Ничего себе редкий, — хихикнул Гена и начал считать, — раз, два, три... семнадцать... тридцать восемь... семьдесят два! — наконец закончил он счет. — Они что, со всей страны здесь собрались?

Журавли поглядывали на нас подозрительно. То, что мы притаились, казалось им злым умыслом. Мы встали и приложили бинокли к глазам. Журавли были действительно очень красивы. Черный пушистый шарф на шее, черные фалды сюртука, белые элегантные перья, хохолком свисающие с затылка. Наряд венчали глаза в ярко-красном ободке. Когда мы встали, все журавли направили на нас эти ободки. Вместо того, чтобы улететь, красавки успокоились. Если противник не прячется, значит все в порядке. Цветы стали по одному исчезать в мареве. Красавки кормились. Осталось только две или три головки. Все же до конца журавли нам не доверяли. Караулили.

— Представляешь, как они взлетят, если мы тронемся? — спросил Гена.

Я вообразил вспыхивающее на солнце облако взлетающих птиц и даже зажмурился от удовольствия:

— Пошли!

Мы решительно тронулись вперед. Немедленно в мареве заструились головки всех птиц. Тревога! Красавки прикидывали, насколько мы опасны. Потом они повернули и быстрым шагом пошли от нас, грациозно покачивая шеями и двигая ходульными ногами.

Мы шли друг за другом. Семьдесят две красавки и два человека, которые мечтали увидеть журавлей в полете. Пришлось прибавить шагу. Журавли засеменили быстрее. Дистанция в полтора метра оставалась постоянной.

Наконец Гена не выдержал и побежал. Он махал руками и кричал:

— Кыш! Кыш!

Я бежал рядом и тоже кричал, чтобы спугнуть птиц.

Красавки обернулись на нас, прибавили ходу и убежали.

Через пару минут цветы их головок качались уже где-то у горизонта.

— Тоже мне, птицы, — разочарованно протянул Гена. — И летать-то не умеют.

Я посмотрел на свои ноги и рассмеялся:

— По-моему, это мы с тобой бегать не умеем. Как ты думаешь?

СПЛАВИНА

Если ехать по лесостепи на юг, то лесов становится все меньше, а открытых пространств все больше. незаметно лесостепь переходит в степи. А если поехать на север — то леса будут все обширнее. Правда, на тайгу они еще не похожи и поэтому называются подтаежные.

На юге озера были почти степными, зато на севере их часто окружали леса. Я любил ездить в гости к северным озерам. С воды было не видно, что леса подтаежные. Они казались настоящей тайгой.

На одном из таких озер я попал в ловушку.

Абсолютно круглое, оно лежало между двумя сосновыми лесами, похожее на ватрушку. Вода была начинкой, а тестом служили зеленые, поросшие кустарником и прибрежной растительностью берега. Берега были такими аппетитными, что ватрушку хотелось укушать.

После утреннего учета птиц мы встретились с Алексеем — одним из наших студентов — на берегу этого озера. Нужно было еще пойти проверить несколько гнезд и снять промеры птенцов. Алексею очень хотелось сделать это самостоятельно, и я остался лежать на краю бора любоваться озерной ватрушкой.

Скоро лежать надоело. К тому же лес этот для меня слишком южный. от него не пахло прелыми, сырыми иголками и настоявшимся духом лишайника и брусники. Бор тревожно пах терпкими травами.

Я достал из полевой сумки смотанную леску с крючком и поплавком, вырезал в ивняке удилице и решил попытаться рыбацкого счастья.

Идти до воды было метров полтора. Меня удивило, что на ровной зеленой поверхности луга не видно тропок: озеро было рыбным. Над водой летали крачки — болотные и речные. Они то и дело падали в воду, выхватывая мальков.

Я быстро пробирался между кустами, отряхивая с растений капельки росы. Солнце еще не успело просушить ее. Пришлось раскатать сапоги-бродни на всю их длину.

Метров через сто кусты стали мельчать, а потом и вовсе кончились. Передо мной лежал ровный зеленый лужок. Цвет его был ядовитым. Я догадался, что нахожусь на сплаvine. Таких больших видеть в тайге мне не приходилось.

Сплавина — это фальшивый зарастающий берег, состоящий из растений. Под ним всегда

лежит вода. Я стоял на такой огромной сплаvine, что озеро, должно быть, растило ее несколько тысяч лет. С того места, где мне пришлось остановиться, могли ловить рыбу воины Чингисхана. Но мне-то хотелось поймать рыбу сегодня. пришлось двигаться дальше.

Сначала лужок был прочным, и я уверенно шел вперед. Потом сплавина начала колыхаться. Но ногу она держала, и я осторожно продвигался. Десять метров, еще пять. Через несколько шагов можно было забрасывать удочку.

Сплавина расступилась, громко сказала: «Чва!», — и я полетел вниз.

Меня не проглотила сразу. Я висел по пояс в воде, но потихоньку проваливался. Опоры под ногами не было. рванувшись пару раз из стороны в сторону, я прекратил это занятие. сплавина была слишком рыхлой, непрочной. Любое движение только усугубляло погружение. Сапоги тянули вниз.

Побарахтавшись легонько, я спихнул с себя один сапог. Он рыбой ушел куда-то в ужасную черную глубину. второй сапог решил не расставаться со мной до конца.

Я висел и мысленно подсчитывал в уме скорость погружения и время прихода Алексея. Он был моей последней надеждой.

Вода под сплавиной оказалась ледяной. Ее ведь не грело жаркое лесостепное солнышко. Оно старательно палило мне макушку, но зубы уже начинали выколачивать легкую дробь.

Я лежал на сплаvine, раскинув руки во всю ширину, судорожно цеплялся пальцами за жалкие болотные растения и тонул.

Алексея видно не было.

Вдруг на краю бора я услышал звуки. Осторожно повернувшись, я увидел двух рыбаков с легкой лодочкой на плечах. Они спустились по моим следам и пошли к озеру. Минут через пять их фигуры исчезли из глаз в кустах, и я едва сдержался, чтобы не заорать от страха.

Кричать было стыдно.

Наконец, рыбаки вышли из кустов. Теперь они толкали лодку по растениям и держались руками за борта. Ногами они едва касались сплавины. Жирная болотная трава под лодкой шуршала и сразу распрямлялась. Я понял, почему не видел рыбацких тропинок.

Лодка все приближалась, и когда я уже хотел окликнуть рыбаков, один из них заметил мою нелепую фигуру.

— Давно висишь? — спросили мужики,

когда вытащили меня в лодку.

— Н-н-не оч-ч-чень! — простучал я зубами.

— А я думаю, что тут за ангел по воде, аки посуху ходит? — засмеялся один из рыбаков и сунул мне в рот прикуренную сигарету.

Потом я лежал на краю бора и жадно вдыхал настой трав. Теперь он не казался мне чужим, а лекарством вливался в легкие. Одежда и содержимое карманов сохли, разложенные вокруг.

Когда появился Алексей, он удивленно окинул полянку взглядом и спросил:

— Купался, что ли?

— Да, — беззаботно улыбнулся я. — Хотел наловить рыбы сапогом.

— Ну и как? — поинтересовался студент.

— Сапог утащило, — ответил я, — слишком крупная рыба подвернулась.

Я оделся и решительно направился к спрятанному в лесу мотоциклу.

Идти по шишкам и иголкам босой ногой было колко, неприятно, но я терпел.

Через сотню шагов обернулся на озеро. Оно уже спряталось за соснами, но все равно было похоже на ватрушку.

Я поймал себя на желании укусить ее.

БЕЛОЗУБКА

Любому таежнику известно, кто такие буроzubки. Эти маленькие насекомоядные зверьки с острым носом-хоботком рано или поздно попадутся на глаза бывалому человеку. Ну, а мы, зоологи, и подавно знаем, что буроzubок в тайге — пруд пруди. И крошечная, и малая, и обыкновенная, и равнозубая. Да разве всех перечислишь!

А вот кто такие белозубки, мы знали только по книжкам. Эти зверьки в тайге не водятся. Только в степях...

Гене очень хотелось поймать белозубку. Он мечтал об этом страстно и часто спрашивал меня:

— Как ты думаешь, какие они, а?

— Да такие же, как буроzubки. Только зубы белые, — нарочито равнодушным голосом отвечал я.

— Эх, — махнул рукой Гена, — ничего ты не понимаешь в белозубках! Это же не просто зверек. Это мечта...

Гена заразил своим энтузиазмом обоих студентов-практикантов — Алексея и Колю-маленького. Особенно старался Коля-маленький.

мы прозвали его так не потому, что у нас был другой Коля — большой, а потому, что наш Коля был очень мал ростом. Наверное, ему очень хотелось поймать белозубку, еще и потому, что зверек этот тоже совсем невелик.

Наконец наступил сезон ловли мелких млекопитающих.

Мы нарыли по всей округе длинных канавок и установили в них цилиндры — ловушки. Зверьки начали попадаться сотнями. теперь каждый день после обеда мы сидели над большими биноклярными лупами и определяли животных. Ведь про каждый вид нужно знать не только численность, но и возраст в популяциях, и как идет размножение.

Соседняя кошка Муська переселилась в наш дом. Она терпеливо сидела возле рабочих столов часами, следя, как горы животных потрошатся и попадают под оптический прибор.

За терпение Муське доставалось огромное количество еды. Муська с наслаждением копалась в этих кучах. Ведь она была единственной кошкой в деревне, которая могла попробовать эти редкостные деликатесы. В деревне жило от силы три-четыре вида звериной мелочи, а на Муськины обеды попадало видов двадцать.

Но белозубок среди этих двух десятков не было!

Я сидел и разбирал полевок. Всех насекомоядных зверьков чуть не в драку разбирали на определение студенты. Каждому из них хотелось первому найти белозубку.

Я возился со своими полевыми и посмеивался. Муська меня понимала. полевки ей нравились больше, чем бурозубки. Особенно жирные водяные.

Постепенно разговоры о белозубках забылись. страсти поутихли, осталась работа.

Наконец дней через двадцать Гена стукнул кулаком по столу и сказал:

— Нет здесь никаких белозубок! Слишком северо для них.

В это время в открытую из-за духоты дверь проскользнула Муська. Она пришла с добычей, легла у печки и стала играть придушенным зверьком.

Гена тусклым взглядом глядел на эту возню. Вдруг глаза его оживились и он гаркнул:

— Муська!!

Кошка, взлетевшая от испуга под потолок, не успела приземлиться, а Гена уже держал в руках ее добычу.

Через минуту мы все хохотали, хлопали друг друга по плечам и склонялись над бинокляром.

Муська притащила белозубку! Представляю, как ей надоели постоянные жалобы студентов.

На следующий день мы выкопали канавку прямо в поселке и через неделю были обладателями прекрасной коллекции белозубок.

— Ну как, доволен? — спросил я Гену.

— А чему тут быть довольным, — рассеянно ответил Гена, — ну, белозубки. Такие же, как бурозубки, только зубы белые.

Я засмеялся.

Я уже знал Гену. Раз он так говорит, значит у него появилась новая мечта.

ОСЕНЬ

Я ехал на Бахмете. седло мерно поскрипывало. Тянуло в дрему.

Следом на молодом буланом коньке Гулливере скрипел седлом Гена. Ладья уже с неделю припадала на заднюю ногу и потому осталась в своем деннике. Конюх Тагир тайно был рад этому. Он любил поболтать со старой скаковой лошастью.

За лето к нам привыкли в деревне и теперь доверяли любых коней. Но мы всегда старались взять Бахмета и Ладью.

Алексей и Коля-маленький удивлялись такой привязанности. Они старались выбрать себе лошадок побойчее. Чтобы промчатся в легком галопе по луку, вскрикнуть залихватски, подбросить в воздух шапку.

Вот и сейчас они ускакали куда-то вперед, посмеиваясь над нашей степенной тихходностью.

Гена сдерживал своего конька. Ему хотелось поговорить. На друга напало лирическое настроение.

Мы ехали закрывать ловчие канавки на зверьков. Кончился летний сезон. Через неделю за нами должна была придти машина.

В лесостепи начиналась осень. Она была удивительной и странной. Ни одного желтого листочка не появилось на деревьях. Только травы на нескошенных лугах пожухли и легли на землю. Но это не было приметой осени. Травы здесь выгорают уже к середине лета.

Ночи стояли теплые, совсем не осенние.

Но мы лучше других уже знали, что пришла осень.

В лесостепи появились молчаливые стаи птиц

Они прилетали по ночам и жадно кормились на луговых участках. А ночью улетали дальше. Молча.

Видно, где-то там — на севере, уже щедро сыпались на землю золотые и багряные листья. Остывал воздух. В тундре по утрам появились на озерах тонкие ледяные корочки, и с неба летели первые белые мухи.

Молчаливые странники принесли нам об этом вести.

Как и весной, в лесостепи сразу появилось множество птиц. Лесные. Тундровые. Степные пернатые тоже покидали родные места. Не сразу, постепенно. Их становилось все меньше и меньше, а северных птиц — больше.

Поэтому нас не мог обмануть теплый воздух. Мы не верили зеленым листьям. Как всегда в этих краях, они могут в летнем наряде сразу попасть под снег. Для этого достаточно здесь одного мощного вздоха Арктики.

— Ну и как тебе в этих местах? — спросил Гена.

— Нормально, — отмахнулся я. — Работа как работа.

— И никуда больше не хотелось бы? — подначил друг.

— Почему же! — обиделся я. — В джунгли хотелось бы. В пустыню.

— Но потом-то ты все равно в свою тайгу поедешь, — полувопросительно заметил Геннадий.

— Я всегда буду возвращаться в тайгу, — усмехнулся я.

Гена ехал рядом и раздумывал над моими словами. Ему в жизни еще предстояло чему-то отдать свое сердце. Навсегда.

Впереди, на кургане, появились два всадника. Так же, вытянувшись в стремени, появлялись они на этом кургане тысячу лет назад. И две тысячи.

Это были поджидавшие нас Алексей и Коля-маленький.

Гена гикнул и пришпорил Гулливера. Время тратить жизнь в долгих раздумьях еще не пришло для него.

Бахмет, не прибавив шага, все так же неторопливо попирает свою родную лесостепь копытами.

Я же покидал ее. Надолго, если не навсегда.

Но одно я знал точно. Когда бы я ни летел на север, подо мной будет расстилаться эта удивительная земля. Часами. Тысячами километров.

И мне нечего теперь стесняться заглянуть в глаза ее озер.

Ведь эти глаза знали обо мне так много.

Если не все.

ГОРЫ

О горах я мечтал с детства.

Мне хотелось увидеть облака под ногами и штурмовать неприступные скалистые вершины.

Я верил песням, в которых пелось, что друг познается в горах.

В моем воображении рисовались картины зеленого буйства склонов и снежные пики.

Поэтому когда мои друзья собрались поехать зимой на Северный Алтай, я не был готов к этому.

Я не знал, как выглядят горы зимой. Боялся, что они оттолкнут меня излишней суровостью. Мне казалось, что сочетание скал и снега хорошо только на вершинах. Всегда хочется верить, что где-то внизу тебя ждут теплый воздух и цветущие сады.

— А ты представь, что это так и есть. Просто тебе не хочется спускаться к этим цветущим садам, — посоветовал мне дядя Сережа.

Компания на Алтай собиралась замечательная. Здесь были и дядя Сережа, и Гена, который уже работал в нашей лаборатории, и Коля-маленький, приехавший во время каникул писать диплом.

И я согласился.

— Если тебе совсем не понравятся зимние горы, то ты можешь сидеть дома, варить для нас кашу и смотреть телевизор, — предложил Коля-маленький.

В его сердце горел огонь мужества. Коля-маленький не сомневался, что полюбит суровые горы. А если не полюбит, то просто покорит их.

— И не думай! — тут же разрушил красивую картинку дядя Сережа. — Кина не будет!

— Почему? — удивился Коля.

— Понимаешь, малец, — уперся дядя Сережа в студента пальцем, — горы — это такие складки местности, которые мешают прохождению радиоволн. Поэтому в девяти из каждых десяти горных селений телевизоры не работают.

Коля обиженно сглотнул слюну, но не нашел, что ответить.

Я же рассмеялся и, не сомневаясь более, начал собираться в путь.

Ведь с такими друзьями можно ехать хоть на край света!

КАКИЕ ВЫ, ГОРЫ?

Мы ехали на Алтай на маленьком автобусе, похожем на «скорую помощь». На нашем языке такая машина называется «буханкой».

Рядом с шофером сидел Коля-маленький. Кличка у шофера была «капитан Жеглов». У капитана Жеглова наискосок через лицо проходил суровый белесый шрам. Коле-маленькому нравилось беседовать с таким мужественным человеком. Он ведь не знал, что еще мальчишкой наш шофер упал с сенокосилки.

Мы ехали по зимней степной Сибири. Она вся состояла из заснеженных пространств, кустов вдоль ниточки дороги и заячьих следов. Время от времени машина ныряла в сосновые боры. Мы ехали вдоль великой сибирской реки на юг.

На юге лежала горная страна — Алтай. Алтай находился на краю нашего света. За ним уже прятались чужие края — Монголия и Китай. На Северном Алтае, куда мы ехали, две могучих стремительных реки — Бия и Катунь — сливались в Обь.

На подъезде к Барнаулу земля начала вздыбливаться могучими холмами. Иногда поросшие лесом сопки вдруг обрывались крутыми скалами. Проехали поселок Манжерок. Все знали, что про него есть какая-то старая песня, но никто не мог вспомнить слов.

Горные песни были пока не для нас.

На краю Манжерока возле дороги высился неприступный скалистый зуб. На вершине зуба синей краской было написано «КАТЯ».

Все дремали, только капитан Жеглов уверенно крутил баранку. Он пел:

— Что такое Манжерок? Фью-фью-фью-фью городок! Фью-фью-фью-фью островок!

Капитан Жеглов был упорен и старался вспомнить песню.

Дядя Сережа, не открывая глаз, пробормотал:

— Прекрати свистеть. Буран накличешь!

Жеглов тут же смолк. Буран в горах не шуток.

Вдруг мотор смолк. Все проснулись. Дядя Сережа распахнул двери, впустив морозные клубы воздуха, скомандовал:

— Вылазь, приехали! Черга!

Мы были у конечной цели нашего путеше-

ствия — в поселке Черга.

Сначала таскали в дом вещи, потом варили ужин и устраивались на ночлег.

Мне не спалось, ведь мы приехали на свидание с детской мечтой. Одевшись потеплее, я вышел во двор. Над Чергой висело звездное небо. Звезды были колючими, холодными и огромными. Тучи над горами разогнало. Морозило. Пар изо рта с шорохом оседал в воздухе.

Звезды на небе светили странно — широкой полосой. Луны почему-то не было.

Всмотревшись, я вдруг понял, что нахожусь в ущелье. Крутые склоны справа и слева от меня убегали вверх, разрезая небо на три части. Над ущельем висела звездная дорога. По его дну тянулась дорога, которая привела нас сюда. На нее были нанизаны домики поселка, подмигивавшие звездам тусклым светом окошек. Только наш, самый крайний, оштукатуренный и побеленный домишко стоял словно нежилой.

Воздух был сух. Он слегка потрескивал и странно журчал чем-то невидимым. Звук для зимы был совершенно непривычным. Я напряг слух и двинулся к его источнику.

Двадцать шагов, тридцать. Конечно! Это журчала мелкая горная речка. Через минуту я стоял на ее берегу. Вода стремительными струйками завивалась в веселые жгуты, легко позванивая мелкими камешками на дне.

Это было удивительно. С неба сияли знакомые созвездия. Воздух был таким же холодным, как над всей Сибирью, а здесь у моих ног весело лопотала незамерзающая вода. Я пронзительно остро понял, что попал в неведомый край.

«Эй! — тихонько окликнул я летящие мимо меня струи, — о чем говоришь ты?»

«Я звеню о снежинках на южных склонах и горячем полуденном солнце. Они питают мое тело водой, и по ночам я пою для них колыбельные песни», — ответила мне речка.

«Разве зимнее солнце может быть горячим?» — удивился я.

Речка звонко рассмеялась:

«Ты совсем ничего не знаешь про горы! Не торопись задавать вопросы. На многие из них ты найдешь ответ сам...»

И речка снова вернулась к своему неумолчному журчанию. Колыбельной песне окружающим горам.

КАБАРГА

Все проснулись затемно.

В ущелье утро сваливается сразу, но с большой задержкой.

Я побежал к речке умываться. Мороз был градусов под двадцать пять, и ребята посмотрели на меня как на сумасшедшего. Я же просто торопился на свидание с ночной собеседницей.

Ледяная вода-зуболомка на утреннем морозе показалась даже теплой. После умывания лицо загорелось огнем, взор прояснился. Теперь, даже в предутренних сумерках, я четко видел долину речушки. Склоны ущелья, поросшие то кустарником, то купама деревьев, легкую, невесомую сеть козьих троп на южном склоне.

Мой пример разбудил тревожное самолюбие Коли-маленького, и он тоже побежал умываться к речке. Остальные, глядя на нас, только поелись.

После завтрака выехали на учеты.

Солнце наконец выскочило из-за гребня ущелья. Мгновенно окрасило склоны розовым, нежным.

Мы ехали, сверяясь на каждом перекрестке с картой. Дорога то скользила вниз — в долинки крохотных стремительных речушек, то, завиваясь змеей, упрямо ползла вверх. Мосты через речушки были на удивление высокими, крепкими. Видно, шутливые эти водотоки весной могли разыграться не на шутку. Иногда вода притаскивала огромные — с дом — валуны, но, обессилев, бросала их прямо в русле. В таких местах речки бурлили и кипели, показывая характер.

Наконец мы приехали, надели лыжи и, разделив участки, разошлись на учеты. Мне достался северный склон, густо заросший пихтовым и еловым лесом. Кое-где на склоне торчали скалистые выходы с площадками, словно специально сделанными для осмотра достопримечательностей.

Сначала идти было нетрудно. Как на прогулке в парке. Широкие лыжи проваливались неглубоко. Птиц в лесу, а, значит, и писанины было немного.

Постепенно склон набирал крутизну. Деревья, казалось, торчали теперь прямо на отвесном склоне. Особенно тяжело было, когда маршрут упирался в скалистый выход. Обходить их было тяжело. Дважды я падал с лыж и плавал в рыхлых, засасывающих сугробах. Ноги никак не доставали твердой основы. От бессилия на ресницах закипали жгучие детские слезы.

Я давно уже был мокрым как мышь. Куртка покоилась в рюкзаке, но от меня все равно валил пар. Семь потов сошло уже на полдороге.

Постепенно завершая круг, я решил скосить себе пару километров и двинул к машине напрямик. Когда же вышел к ней, то чуть не завыл от досады.

Машина была всего в двухстах метрах, но я находился прямо над ней. Крутой обрыв не давал спуститься вниз. На обход нужно было потратить не меньше часа. Возле машины, беззаботно посвистывая, гулял капитан Жеглов. Хотелось запустить в него камнем.

Как я вышел к машине, запомнилось плохо. Тянуло прилечь в мягкий пушистый снег, отдохнуть. Закрывать глаза, чтобы не видеть эти ненавистные склоны.

Вышли все мы почти одновременно.

Маленький мерзкий старичок в душе радовался, что досталось не мне одному.

Друзья выглядели так, будто перетаскали вагон муки на пятый этаж.

— Нет, ребята, я не горный орел! — прохрипел я, привалившись плечом к борту машины.

— И я тоже! — просипел Гена. — Никогда не думал, что так вымотаюсь.

Коля-маленький тоже хотел что-то сказать, но самолюбие ему не позволило. Он просто тяжело и прерывисто дышал, как выброшенная на берег рыба.

— Да бросьте вы, мальцы, — засмеялся дядя Сережа. — К утру забудете!

Дядя Сережа в студенческие годы работал в горах и знал, что говорил.

Все остальные только скрипнули зубами.

Дядя Сережа оказался прав. Через неделю мы уже сносно лазили по горам. Седьмой пот сходил с нас теперь только к концу

маршрута.

Мы даже стали замечать красоты окружающих нас гор. К тому же на южных склонах оказалось работать гораздо легче. Можно было бегать по лесенкам козьих троп. Нужно только следить, чтобы не сорвалась нога с обледеневшей почвы.

Если снег не шел два-три дня, южные склоны освобождались от него полностью и даже пытались нахально зеленеть. На них тут же выбирались крупные животные — бараны, козы, косули. Иногда здесь же паслись табуны мустангов — одичавших коней.

Отделенные ущельем, они не боялись человека. Верили в свои горы.

Мне очень хотелось увидеть кабаргу. Этого маленького, безрогого, но вооруженного острыми клыками оленя. Увидеть кабаргу никак не удавалось. Мне попадались десятки ее следов, я постоянно натыкался на стада косуль. Кабарги не было.

Однажды я лез на скалистую площадку. Она была плоской. С нее должен был открываться прекрасный вид. Я мечтал о костерке и кружке горячего, густого чая. Лезть на площадку приходилось почти отвесно — с одного уступа на другой. На таком крутом склоне умудрялись зацепиться только отдельные, искривленные тяжелой жизнью деревья.

Наконец моя голова показалась над краем площадки.

Тут же на меня бросилось что-то по-звериному теплое, шерстистое. Мелькнул огромный испуганный глаз, острый желтоватый клык, и зверь рядом со мной ухнул в пропасть.

Я, наконец, попал на отстой кабарги. На таких местах эти оленьки подолгу пережевывают пищу, спят, спасаются от врагов.

Чудом не рухнув вслед за кабаргой, я мгновенно глянул вниз. Мне представилась картина разбитого в жестоком падении беззащитного тела.

Но кабарга уже улепетывала метрах в трехстах вниз по склону. В три касания она проскочила отвесную стенку, по которой я поднимался минут десять.

Я пил чай, смотрел с площадки на горы и начинал понимать, что мир нельзя ценить только потому — подходит ли он для тебя. Я опять начал верить, что горы — это прекрасно.

ЦВЕТОК

На десятый день дядя Сережа проснулся и заявил:

— Все! Хватит! Выходной!

Все завопили от радости.

Каждый молчал о выходном только из чувства мужского самолюбия. Тело просило отдыха давно и настойчиво. К тому же, просто хотелось прогуляться по деревне. Мы ведь покидали ее затемно, а возвращались в густых синих сумерках.

Истопив к обеду баньку, мы с криками восторга до дури парились в ней. Потом прыгали в тугие струи бегущей рядом речушки. Тела, ошалев от такого блаженства, наполнялись радостью души.

Склоны ущелья казались нам теперь хорошими знакомыми, а сами горы — почти родной сторонкой. Все тяжести трудов внезапно отошли куда-то на второй план. Можно было поверить дяде Сереже, что, покидая горы, мы будем помнить о них только хорошее.

После обеда пошли гулять по деревне. Пешком. Она тянулась, поднимаясь вверх по ущелью — к перевалу. Куцые огороды притесняли склоны, которые летом, наверное, покрывались шикарным разноцветьем лугов.

По огородам бегали какие-то голубовато-желтые птички. Зрение у нас словно отказало. Мы шли, не обращая внимания на мир животных. Нам хотелось общаться с миром людей.

Вдруг Коля-маленький отключился от общего разговора, стал к чему-то прислушиваться. Выудил из кармана бинокль и уставился на огороды. Затем протянул бинокль мне:

— Ну-ка, глянь!

Я настроил объективы. «Да это же! Да это же...»

— Это же овсянка Голдевского! — заорал над ухом дядя Сережа и грохнул меня кулаком по спине.

Потом мы вырывали друг у друга бинокль и смотрели на эту любопытную птичку. Овсянки опровергали данные Красной книги о своей редкости. На каждом огороде сидела добрая сотня.

К нам подошел местный тракторист Тимофей, живший по соседству.

— Чему вы тут радуетесь? — спросил он.

— Да вот, — начали объяснять ему. — Это птица очень редкая. В Красной книге записана мы ее тут впервые увидели.

— Это правильно, — степенно заметил со-

сед. — Летом она очень редкая. А зимой ее в бочках можно солить. В каждой деревне тысячи. Так что вам этой птичке надо не зимой радоваться, а летом.

И Тимофей пошел по своим делам.

Мы обескураженно остались стоять на дороге.

Может, и правда в Красную книгу вкралась ошибка?

И еще одна радостная встреча. Я шел с учетом по выпасным лугам вокруг поселка. То и дело попадались мне привычные теперь глазу овсянки Годлевского, а также воробьи, серые снегири да щеглы. Иногда в смешанных стайках мелькали горные коноплинки.

Все это было хорошо известным.

Вдруг на широкой утоптанной прошедшим стадом дороге что-то полыхнуло в снегу.

Цвет был ярко-красным, необычным. На белом снегу он просто резал по глазам. Осторожно, стараясь не скрипеть снегом, пошел я к неглубокой рытвине, в которой пряталось неизвестное.

Еще пару раз над снегом вспыхивал удивительный красный цвет. Слово распускался в снегах яркий, безумный цветок.

Наконец, мне удалось занять удобную позицию.

В ямке, куда свалилась с саней кучка комбикорма, полыхало переливами самых разных красных оттенков чье-то крупное, тяжелое тельце. Моя голова никак не могла уяснить, кто это. Птица (а это, конечно, была птица) неторопливо кормилась в ложбинке, не обращая на меня внимания.

И вдруг, откуда-то из глубины памяти, выплыло знание: «Да ведь это сибирская чечевица!»

Какой же казалась она прекрасной на этом пробитом копытами снегу. Настоящий зимний цветок.

Я стоял и любовался чечевицей, а та, не торопясь, занималась своим делом. Спешить мне было некуда. Время учета кончилось.

Сзади осторожно захрустели шаги. Ко мне подходил возвращавшийся с учета Коля-маленький.

— Что тут? — спросил он шепотом.

— Цветок, — засмеялся я тихонько. — Обычный зимний цветок.

Мы стояли рядом и любовались удивительной красной птицей. Коле-маленькому приходилось все время подниматься на цыпочки, но

он не жаловался.

Ведь именно за такие редкие минуты мы навсегда прикипали сердцем к своей работе. Даже, если боялись признаться в этом.

БИРЮЛЬКИ

Капитан Жеглов сердился и ругал нас на чем свет стоит.

Особенно попало мне и дяде Сереже.

— Ладно бы пацаны придумали, а то здоровые мужики! — пилил он нас. — Машину человек для чего придумал? Чтобы ездить! А они в конце двадцатого века в бирюльки играют!

«Бирюлками» капитан Жеглов прозвал наше желание пробиться на перевал на низеньких, косматых алтайских лошадках. Дважды по утрам начинали мы свои попытки, и оба раза буран заворачивал нас с полдороги обратно.

Шофер же наш просто до самозабвения любил крутить баранку и считал, что люди вообще не должны ходить пешком. По крайней мере до тех пор, пока техника не сломается. Он уже возил нас по тончайшему льду горных речек, штурмовал переправы вброд и бодро елозил машиной по закустаренным горным склонам.

Нам не хотелось испытывать судьбу. Мы предпочитали добраться до дому на колесах, а не на куче металлолома. Лошадки казались нам для взятия перевала более надежным средством.

Вся работа была сделана. Оставалось провести учеты в горных тундрах. Они прятались от нас за высоким перевалом. Дядя Сережа, я и Гена мрачно напяливали на себя теплые вещи. После двух неудачных дней казалось, что попасть в тундру нам уже никогда не удастся.

Вечерний буран стих. Снег лежал нетронутыми волнами и искрился в лучах восходящего солнца. Лошадки разбрасывали его в стороны легко, как мьльную пену. Бежать по луговине к кромке леса было для них видимым удовольствием.

Трудности начинались с леса. Ветром залиывало даже самые жалкие звериные тропы, и дорогу приходилось торить заново.

Уже перед самым перевалом лошади попали в снежные завалы. Они тяжело проваливались в снег по самые седла, но, привыкшие к горам, ни на секунду не останавливались. Плы-

ли по сухой снежной крупе, высоко задирая головы. Мы чувствовали себя уже не просто тунейдцами, а настоящими подлецами.

Добравшись до огромных валунов, мы укрыли лошадок попонами и задали им овса. Теперь начиналась наша работа. Я забрался на небольшое возвышение и огляделся. Горная тундра совсем не похожа на свою северную родственницу, она не походила на Землю.

Может быть походила на Марс.

Было очень холодно.

Птицам не нравилось жить на Марсе. Залетая сюда, они жались к камням, ютились в остатках жалкой, скудной растительности. Если пытались взлететь, их крылья тут же уносил стремительный шквалистый ветер.

Поэтому учет прошел быстро. Времени мы потратили в общем немного, но когда собрались к своим лошадям, разговор уже не получался. От холода сводило скулы. Гена немного обморозил лицо.

Прижавшись всем телом к теплым конским спинам, тронулись мы в обратный путь. Ах, немного бы раньше! Совсем немного!

За спиной, в брошенном нами безжизненным пространстве, зарождалась буря. Злые языки поземки догоняли нас и нахально толкали в спину. Небо поглотили тучи. Потом они проглотили лес, по которому мы гнали лошадей. Потеплело. Но тепло это было ужасным. Мокрый, налипающий снег стал рождаться прямо в воздухе вокруг нас. Он приклеивался к одежде, к лошадиным шкурам, ветвям деревьев. Иногда деревья не выдерживали этой сырой тяжести и падали под сильным порывом ветра.

Мы бросили поводья. Искать дорогу в этой снеговерти было бессмысленно. Оставалось положить на своих коней. Те, уставшие от непривычной тяжести, с трудом перебирали ноги. На полянках снега скапливалось уже столько, что лошадям все чаще приходилось в нем плавать.

Наконец лошади остановились.

— Что делать? — глухо и серьезно спросил дядя Сережа.

— Пробиваемся! — коротко ответил Гена. Я только кивнул головой.

Теперь мы шли впереди, стараясь по наклону долины определять свое движение, и тащили за собой лошадей в поводу. Не было сил ни ругаться, ни думать о чем-то. Хотелось лечь в мягкий теплый снег и полежать хоть немного.

Вдруг Гена сел в снег и сказал:

— Все, мужики, больше не могу. Вы идите.

Мы молча сели в снег рядом. Это было единственное, что мы могли сделать для Гены. Все молчали.

Вдруг лошади разом начали дергать поводьями. Сквозь снежные стены к нам пробивались какие-то звуки. Потом появились огромные светящиеся в снежном тумане глаза.

— Мужики! — улыбнулся Гена. — Это же капитан Жеглов!

Мы вывели своих лошадей на звуки сигналов прямо под горящие фары машины.

Жеглов выскочил навстречу, отобрал у нас поводья. Потом он долго ругался в салоне, растирая наши руки и лица спиртом. Все совал зачем-то в рот сигареты.

Потом мы сладко дремали, вяло поглядывая, как капитан осторожно, со скоростью черепахи, ведет машину. Сзади, привязанные к бамперу, плелись наши кони.

— А все-таки мы взяли эту тундру, да, мужики? — счастливым голосом спросил Гена.

Мы хотели ответить утвердительно, но не смогли. Нас просто сморил сон.

ОЛЯПКА

Наше горное время истекло. Мы добирали «хвосты». Недостающие учетные километры, редкие, но интересные урочища. Мотались по всему Северному

А л т а ю. От перевала к перевалу, от поселка к поселку.

Мы уже в один присест могли одолеть крутой, заросший лесным чапыжником склон, а седьмой потыжили теперь только пролибане. По мелким приметам научились выбирать пути полегче. Освоили-таки горную науку, что прямая между двумя точками не всегда является кратчайшей дорогой.

— Ну, теперь вам лето в горах покажется малиной, — шутил дядя Сережа.

Капитан Жеглов дергал нас за штормовки и напоминал:

— Мужики, если приедете, то я с вами. Не забывайте!

Его белесый шрам от волнения розовел, и капитан становился похож на героя американского фильма про ковбоев.

Однажды мы возвращались в Чергу молча. У всех настроение было немного грустным. «Хвосты» были подобраны. Поездки наши по горным долинам подходили к концу. Дорога бежала вдоль светлых, могучих струй Катуня.

Гена, сидевший на переднем сидении, положил руку на плечо капитану Жеглову и попросил:

— Остановись!

Жеглов съехал с трассы по боковой щебнистой дорожке почти к самой воде. Вылезли из машины. Даже дядя Сережа не стал ни о чем спрашивать. Все было понятно без слов.

Могучие потоки воды, свиваясь жгутами, яростно лупили в берега. Над Катунью висела дымка из пара. Прибрежные камни были покрыты щедрым пушистым инеем.

Разговаривать было невозможно: слишком громко редела вода. Мы просто стояли и смотрели на завораживающее зрелище буйства природы.

Вдруг прямо из ревущего потока выскользнула коричневая птаха с белой грудкой. Она уселась на камень у самого уреза воды и начала смешно разевать рот.

Это была оляпка. Она пела. Пела для себя. Ведь никто другой не мог слышать ее тоненького, прозрачного пения среди этого могучего рева. Оляпка закончила внезапно свою трель и сразу — без перехода ухнула в стремительно летящие воды. Через минуту она выскочила на камень ниже по течению и снова старательно начала щелкать своим клювом.

Все заулыбались.

— Ну что, поехали? — прокричал дядя Сережа.

Мы весело стали рассаживаться в машину. Маленькая птаха дала нам урок жизни. Стоит ли огорчаться при расставании, если веришь, что впереди обязательно будет радостная встреча!

Так пела нам на прощание маленькая отчаянная оляпка на берегу горной реки Катуня.

* * *

Мы готовили прощальное застолье.

А какое же застолье в Сибири без пельменей! Специально для этого события были добыты две косули. Коля-маленький колдовал над

ними, вырезая самые нежные филейные части. Сосед Тимофей ради такого события притащил килограммов пять свинины.

— Не многовато будет? — оглядывая горы мяса, спрашивал Жеглов.

— Ты меси, меси. Все съедим, или я не знаю гор! — торопил его дядя Сережа. Капитан Жеглов у нас отвечал за тесто.

При главной машине — мясорубке гордо сидел Гена. Его смазанное гусиным салом по обмороженным местам лицо по-восточному самодовольно блестело. Казалось даже, что у нашего Генчика появился татарский разрез глаз. Он восседал на лавке богдыханом и старательно крутил ручку, проливая богдыхановы слезы.

Слезы лились от лука.

— Крути, крути! — командовал наш прирожденный начальник. — Какие же это пельмени без лука.

Впрочем, командовал дядя Сережа не отлынивая от дела. Мы с ним как старшие товарищи лепили пельмени. Работа шла быстро, и капитан только успевал вытаскивать очередные доски с разложенными изделиями на мороз.

— Неужто съедим? — никак не верилось ему.

Наконец кучи фарша были пристроены в тесте. Подготовка прощального ужина оставила нас без обеда. Теперь капитан Жеглов кровожадно рычал и уверенно говорил:

— Все съедим! Чует мое сердце.

На плите дымились две огромные кастрюли с водой. Первая партия пельменей исчезла в наших животах без последствий. Мы варили и варили свое единственное блюдо. Ели и ели. Наконец стали наедаться.

— Как же это, — волновался наш шофер, — там же еще море пельменей осталось!

В это время в дверь постучали. Дядя Сережа победно улыбнулся и басом прорычал:

— Войдите!

В дверь робко протиснулся Тимофей.

— А жена где? — строго спросил Сергей.

— Здесь, — смущенно мямля шапку сосед. Открыв дверь, он позвал: — Люсь, заходи.

— Эй, малец, пельмени! — щелкнул дядя Сережа пальцами. И Коля-маленький, впервые пропустив мимо ушей обидное для него обращение, бросился к кастрюлям. Он тоже изменился за время нашей экспедиции. Стал взрослее.

Не успели Тимофей с женой прикончить первую порцию угощения, как в дверь опять постучали. Теперь пришел второй сосед, из дома напротив.

— Уезжаете, говорят? — спросил он.

— Уезжаем, уезжаем, — оборвал его дядя Сережа. — Ты давай-ка лучше волокни сюда свою красавицу. Сначала пельмени будем есть, а потом уж разговоры вести.

Через час в доме негде было повернуться. Все соседи с нашего края поселка сидели в жарко натопленной горнице и, отдуваясь, ели пельмени.

Откуда-то появилась гармошка, и уже первая песня пробовалась женскими голосами.

Коля-маленький и Гена, сменяя друг друга, суетились у плиты.

— А ведь съедим, — жарко дышал на меня Жеглов и восхищенно крутил головой. — Ей Богу, съедим!

Волнения будили в нем аппетит, и он опять сидел с полной миской дымящихся пельменей.

Я улыбнулся Сережиной задумке и осторожно выскользнул из дому. Именно так и нужно прощаться с новыми местами и друзьями. Весело. С гармошкой. Просто мне хотелось побыть одному. Со всем немного.

Прислушавшись, я уловил тонкое лопотанье моей первой горной собеседницы и пошел на ее голос. Речушка неумолчно тренькала своими легкими водяными струйками по камням.

«Ты все поешь колыбельные песни?» — спросил я.

«Да, все пою», — легко и бездумно согласилась она.

«Мне будет жаль с тобой расставаться», — сказал я.

Сначала речка ничего не ответила, а потом прожурчала:

«А ты не расставайся. Возьми меня с собой. В своем сердце. Если у человека большое сердце, оно может вместить в себя даже горы».

И моя речушка весело рассмеялась.

«Как все просто, — думал я,

шагая к дому. — Как действительно все просто в этом мире. И не надо ничего усложнять и загадывать наперед. Ведь прожитое нами никто не способен забрать у нас».

Я остановился на крыльце и посмотрел на небо. Оно было разрезано на три части. По средней из них пролегла звездная дорога. Она висела надо мной и как магнитная стрелка компаса указывала путь домой.

— Эй! — крикнул я, — Горы! До свидания!! Я люблю вас!!!

И, открыв двери в дом, пошел к своим друзьям. Есть пельмени.

ИРБИТСКАЯ ЯРМАРКА ГРАВЮРЫ

Рембрандт Хармес ван Рейн.

«Взвешиватель золота».

1639. Офорт.

Игорь ХАЛЫМБАДЖА

АВТОР «НОВОГО ГОЛЬФСТРИМА»

В далеком уже 1949 году в Казани из одного случайного источника я с удивлением узнал, что в Свердловске издан научно-фантастический роман А. Подсосова «Новый Гольфстрим». Фантастику я обожаю. Еще дошкольником, как замороженный, слушал радиопостановки по «80 000 километров под водой» Жюль Верна. Первой самостоятельно мной прочитанной книгой стал «Волшебник Изумрудного города» А. Волкова.

«Вот бы почитать этот «Новый Гольфстрим»! — мелькнула мысль. Да где его найдешь... Издан в провинции.

Между прочим, это особенно поразило меня тогда. Редко-редко печатавшиеся в те годы книги фантастики появлялись только в московских издательствах. А тут вдруг — Свердловск.

Прошло семь лет. Я окончил университет, получил направление на работу в Свердловск, и вскоре в букинистическом магазине набрел на тот самый «Новый Гольфстрим». Типичное произведение довоенной советской фантастики, наиболее яркими представителями которой были А. Белая, Г. Адамов, Ю. Долгушин, — с происками империалистов и гениальным отечественным ученым...

Еще через семь лет я познакомился и подружился с Виталием Бугровым, вскоре поступившим на работу в журнал «Уральский следопыт». Сблизила нас именно общая страстная любовь к фантастике. Мы часами могли бродить по городу, заглядывая в забытые «общественно-политической» литературой книжные магазины в тщетной надежде отыскать что-либо фантастическое и рассуждая об истории фантастики в России и на Урале.

А.В. Подсосов

Роману А. Подсосова Виталий Иванович посвятил немало страниц в своей книге «В поисках завтрашнего дня» (Свердловск, 1981, 2-е издание — «1000 ликов мечты», 1988), разбору его технических идей, художественного исполнения. Но вот об авторе он ничего не знал.

Однажды мы сидели вечером в редакции журнала (Виталий Иванович имел привычку работать допоздна, днем не давали посетители). И я, гордый тем, что перед этим раскрыл псевдоним Риса Уильки Ли, предложил Виталию:

— Хочешь, я вот прямо сейчас узнаю все о Подсосове?

Он мне не поверил. Тогда я снял с полки старый телефонный справочник, отыскал в нем фамилию «Подсосов» и позвонил. Человек, взявший трубку, оказался... внуком писателя! Он рассказал мне, что дед родился в 1879, умер в 1956 году, окончил Медико-хирургическую академию, был в Свердловске известным врачом, а роман свой написал еще в середине 1930-х годов...

Виталий Иванович написать о Подсосове так и не собрался, и я опубликовал заметку об авторе «Нового Гольфстрима» на страничке фантастики в газете «Наука Урала». А оттуда «сведения» о Подсосове просочились в справочник А. Шмакова «Урал литературный».

Между тем, я увлекся поисками уральской фантастики. Просмотрел всю доступную периодику, начиная с «Екатеринбургской недели» и «Пермских Губернских ведомостей», поработал и в Госархиве, и в Объединенном музее писателей Урала, в библиотеке и архиве краевед-

ческого музея. Постепенно мне открылась жизнь удивительного человека — Алексея Викторовича Подсосова, врача, общественного деятеля, писателя.

Он родился на Среднем Урале, в Камышлове, в семье разорившегося золотопромышленника. Учился в екатеринбургской мужской гимназии. Окончив ее, решил стать врачом и поступил на медицинский факультет Казанского университета. Трудное материальное положение семьи побудило его перевестись в Петербургскую Военно-медицинскую академию — стипендия здесь была заметно выше. Студентом пристрастился к журналистике: сотрудничал в уральских и омских газетах.

Армейская муштра, ее неприятие Алексеем, сыграли с ним злую шутку. Находясь на практике в Ярославле он возмутился поведением одного из офицеров, систематически измывавшимся над студентами, и вместе с товарищами дал ему отпор. Поднять руку на офицера — серьезный проступок в армии. Три месяца Подсосов провел в тюрьме. Стипендии его, естественно, лишили. Продолжение учебы стало невозможным, и Алексей Викторович отправился... в Порт-Артур врачом-добровольцем. Начавшаяся русско-японская война предоставила ему обширнейшую хирургическую практику.

После сдачи Порт-Артура юный врач оказался в Японии. Но пробыл там недолго. Японцы не считали медицинский персонал пленными и передали А. Подсосова вместе с другими медиками англичанам для доставки в Россию. Так Подсосов совершил свой первый и единственный «круиз» — вдоль Китая, через Шанхай, Сингапур, Индийский океан, Цейлон, Суэцкий канал, Средиземное и Черное моря — назад, в Россию.

Получив за мужественную службу приличную сумму денег, он попытался организовать на Урале в Екатеринбурге книжную торговлю. Но его культуртрегерский проект лопнул — один из приказчиков книжной лавки в Надеждинске попался на торговле нелегальной литературой. Снова А. Подсосов предстал перед судом. Кое-как ему удалось доказать свою непричастность к этой торговле, но все заработанные деньги пропали. Восстановившись в Академии, Подсосов, наконец, окончил ее в 1907-м, служил в Брест-Литовске, в санитарном поезде, в Харбине (снова Манчжурия!). Уволившись из армии, вновь вернулся на родной Урал — трудиться заводс-

ким врачом в пос. Сосьва.

Интерес к литературе вспыхнул с новой силой. Алексей Викторович был, видимо, из тех людей, что не могут не писать. Его драма «В борьбе» (1911 г.) выдержала три издания, в течение шести лет были изданы и поставлены пьесы «Новые силы», «Испытание» (1918 г.).

Между тем, в 1914 году, с началом Первой мировой войны, армия вновь «забрала» А. Подсосова. Мобилизованный, он служит на мурманском побережье, в Енанге, в 100 километрах от гирла Белого моря.

Революция разрушила царскую армию, и Подсосов в очередной раз вернулся на Урал. Работал в Екатеринбурге, в комиссии социального обеспечения.

С приходом колчаковцев последовал новый арест Подсосова («Работал на красных!»), следствие, и... очередная мобилизация в армию. С белыми Подсосов дошел до Урала. И здесь его свалил тиф. Больного Подсосова некоторое время везли на восток, и, наконец, бросили в Омске. Выздоровев, Подсосов работал там детским врачом. И вновь возвратился в Екатеринбург, теперь уже навсегда.

Он активно участвует в создании и возрождении медицинских учреждений города. Организует детский санаторий на Седьмой Версте, студенческую поликлинику, детский изолятор. Работает главным врачом Свердловской железной дороги. Создает Общество помощи больным детям. Его стараниями создано 70 детских площадок в городе и детская экскурсионная база в Хосте, куда курсировал специальный поезд из Свердловска. Энергии пожилого уже врача можно только поражаться. С ребятами он исходил многие красивейшие места Урала. Написал несколько книг — о внешкольном образовании, о своих походах. А в 1936 году — фантастический роман для детей «Атом», одобренный уральской писательской организацией и направленный в одно из московских издательств. Там он благополучно и затерялся.

В 1948 году А. Подсосов все-таки умудрился издать свой «Новый Гольфстрим». Множество писем вызвала эта книга, автор решил ее доработать. За этим и застала его смерть.

Нет, имя Алексея Викторовича не забыто в Екатеринбурге. Помнят его книги. А среди людей старшего поколения нет-нет да встречаются те, кто лечился у замечательного детского врача А. Подсосова. Врача и Большого Друга Детей.

ЯРМАРКА НЕВЕСТ И ЖЕНИХОВ

Берберы, что обитают в пустынных местах Алжира и Марокко, имеют интересный свадебный обычай. Во время осенних ярмарок на одной из них в Имилшилле проходят массовые женитьбы по любви «с первого взгляда». Женщины самого большого берберского племени Аит-Хадида славятся своей красотой, которую, впрочем, не так просто рассмотреть. Берберки прячут свои лица под тяжелыми многоцветными покрывалами и различными украшениями. Покрывало, однако, оставляет щель для глаз, которая дает возможность девушке наблюдать за потенциальными женихами. Так как на ярмарку приезжают из любопытства и женатые мужчины, женихи сзади тюрбана носят квадратный конец его — отличительный знак холостяка. Невесты находятся в явно выгодном положении — они имеют возможность хорошо рассмотреть внешность суженого, чего не скажешь об этих последних. Как правило, последнее слово за невестой, принуждения бывают редко.

ДРЕВНЕЙШИЙ СПОРТИВНЫЙ АВТОГРАФ

История олимпийских игр известна довольно хорошо. Также хорошо известно, что были и другие спортивные состязания в Древней Греции. Например, нумейские игры и игры в честь бога-врачевателя Асклепия, что проходили в Эпидавре. Так что, начиная с VI века до н.э. и до первого века новой эры, редкий год в Элладе обходился без спортивных состязаний, на которые собирались атлеты со всех ее концов. Недавно были завершены раскопки в Нумее (в 130 километрах юго-западнее Афин). Первые атлетические состязания состоялись там в 1250 году до н.э., а с 574 года н.э. они стали регулярными. Самая интересная находка археологов — тоннель длиной 50 мет-

ров, по которому атлеты выходили на поле стадиона. На его стенах сохранились надписи участников состязаний, которые ждали здесь своего выхода. Специалисты считают, что одна из росписей принадлежит Фелестату Мессинскому, которого в те времена считали сильнейшим боксером. Так что очень может быть, что речь идет о самом древнем спортивном автографе.

ПРЕТЕНДЕНТ НА ПОЛОВИНУ АМЕРИКИ

В США некто Джордж Бюстер заявил, что в старые колониальные времена его предки получили от английской короны право владения огромной территорией на севере Соединенных Штатов — от Атлантики до Тихого океана. Недавно Бюстер направил в Федеральный суд соответствующие документы, которые обосновывают его претензии. На первой стадии рассмотрения дела эксперты не смогли поставить под сомнение подлинность документов. Джордж Бюстер в интервью сказал, что намерен на «своей» территории создать государство, где будут жить только блондины и блондинки с зелеными глазами. Желающие, мол, могут уже подавать прошения... Юристы относятся к этой истории как к курьезу — после выхода США из-под «опеки» Великобритания многие королевские акты утратили силу.

ОСТРОВ МАЛЬЧИКОВ

Небольшой японский остров Джинуджи в простонародье зовется Островом мальчиков. На это есть причина — здесь на свет появляются мальчиков в три раза больше, чем девочек. Например, в начальной школе острова в классах девочки составляют едва 20 процентов. В результате молодым людям приходится искать невест чаще всего вне своего острова. Специалисты считают, что причина такого явления

в повышенной щелочности местной питьевой воды, которая якобы благоприятно влияет на развитие мужских клеток.

ЭРЗАЦ БЫЛ ОТВЕРГНУТ

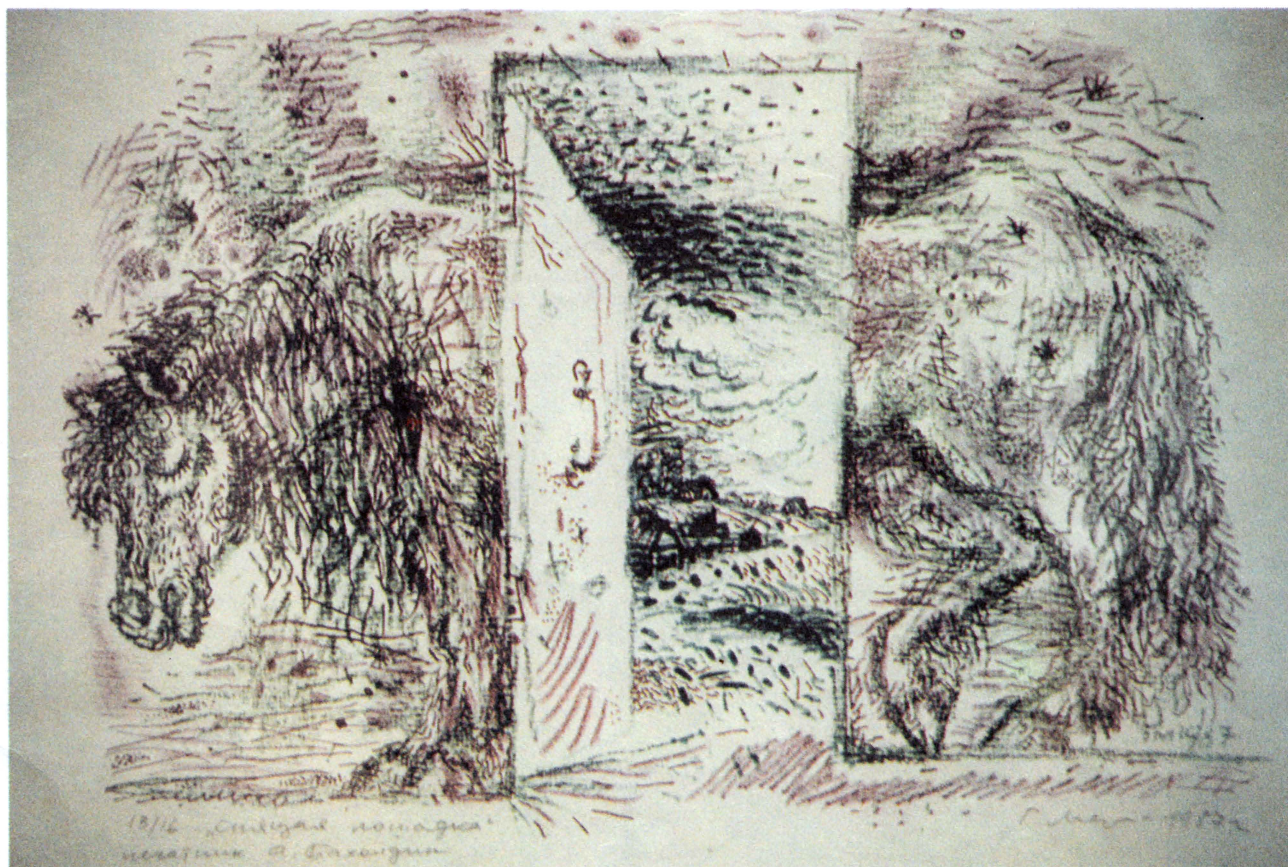
На территории Кении живет племя лухиа. Молодые мужчины этого племени, желающие вступить в брак, должны показать свою отвагу и бросить под ноги возлюбленной шкуру леопарда. В знак согласия избранница поднимает шкуру и набрасывает себе на плечи. Однако молодым людям из племени лухиа все сложнее следовать этой традиции. И не только потому, что охота на этого хищника связана со смертельным риском. Леопарды стали редкостью и — занесенные в Красную Книгу — живут теперь большей частью в заповедниках. Как же быть? Несколько смекалистых женихов приобрели у торговца искусственный мех «под леопарда». Однако невесты с негодованием отвергли эрзац и швырнули мех женихам. «Пробросаетесь!» — сказали те и... выбрали себе невест из другого племени. Похоже, этой традиции приходит конец.

НЕПОБЕДИМЫЙ РЕГС

Китайцы и японцы увлекаются каратэ и кунг-фу. Австралийцы же считают одним из увлекательнейших зрелищ боксерские матчи с участием кенгуру. В последние несколько лет там прославился сумчатый боец по кличке Регс. На его поединки собираются тысячи зрителей. Единственно, чем они недовольны — матчи кончаются очень быстро, и неизменно побеждает Регс. Бывает, он так разойдется, что посылает соперника в нокаут. Но надо отдать ему должное — увидав поверженного противника, он не прыгает от восторга, а спешит к нему и начинает лизать лицо. У людей это как-то не принято...

Евгений Вагин. Из серии «Верхотурье — древняя столица Урала». 1984.

Герман Метелев. Спящая лошадь. 1987. Цветная автолитография.